

12+

ОРАТОРИЯ

ВЕСТНИК СОЧИНСКОЙ ЕПАРХИИ

№4 (6)
ДЕКАБРЬ 2022

ЦЕРКОВЬ

ВЕРА

ЧЕЛОВЕК

МИР

Одобрено Синодальным отделом по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ
Свидетельство № 332 от 15 ноября 2021 г.

СЛОВО

ЕПИСКОПА СОЧИНСКОГО И ТУАПСИНСКОГО ГЕРМАНА, ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА «ОРТОДОКСИЯ»

Дорогие читатели журнала «Ортодоксия»!

Этот номер выходит в преддверии гражданского новолетия, но главное — он выходит в канун Рождества Христова.

Из года в год в это время мы желаем друг другу «нового счастья» — в делах, в учебе, в личной жизни. А еще — чтобы новый год был лучше старого. Только как он будет лучше, если мы остались прежними, со всеми своими страстями, с тем, что святой апостол обозначил как «похоть плоти, похоть очей и гордость житейская» (1Ин. 2:16)? Если мы блуждаем во мраке отчаяния, уныния, малодушия?

Однако новое счастье обрести можно. Достаточно лишь поднять глаза к Небу и различить там свет Вифлеемской звезды. А потом пойти за ним, как мудрые волхвы или простые пастухи. И тогда мы увидим, что в наш мрак, в нашу печаль и тоску смертную «спустилась сама Жизнь наша и унесла смерть нашу и поразила ее избытком жизни Своей. Прогредел зов Его, чтобы мы вернулись отсюда к Нему, в тайное святилище, откуда Он пришел к нам, войдя сначала в девственное чрево, где с Ним сочеталась человеческая природа, смертная плоть, дабы не остаться ей навсегда смертной... Он не медлил, а устремился к нам, крича словами, делами, смертью, жизнью, сошествием, восшествием крича нам вернуться к Нему» (Блаженный Августин).

Поспешим же и мы навстречу нашему Спасителю, Богомладенцу Христу, единственному источнику света, счастья и новой жизни!

С Рождеством Христовым!

+ ГЕРМАН,
ЕПИСКОП СОЧИНСКИЙ И ТУАПСИНСКИЙ

Главный редактор
Епископ Сочинский
и Туапсинский ГЕРМАН

Выпускающий редактор
Марина Шахбазян

Редакционный совет
Протоиерей Дионисий Марчук
Иерей Дмитрий Просняк
Иерей Владимир Саркисянц
Диакон Геннадий Тихоненко
Евгения Озга
Киприан Шахбазян

Дизайнер
Андроник Шахбазян

Адрес издателя
354000, Краснодарский край, г. Сочи,
ул. Москвина, д. 12,
тел.: +7 862 262-53-43,
orthodoxysochi@yandex.ru

Адрес редакции
354000, Краснодарский край, г. Сочи,
ул. Москвина, д. 12

Журнал отпечатан
ООО «Мультипринт»
344065, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону,
ул. Орская, д. 12в, литер Я, комната 1,
тел.: +7 863 308-24-12

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЦЕРКОВЬ // 21

АХШТЫРСКИЙ ХРАМ —
ОТ ВИЗАНТИИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Андрей Кузилов, Игорь Тверитинов

Камнем преткновения различных мнений и исследований стал недавно воскресший из небытия храм в поселке Ахштырь, вызвавший серьезные споры по поводу своей древности.

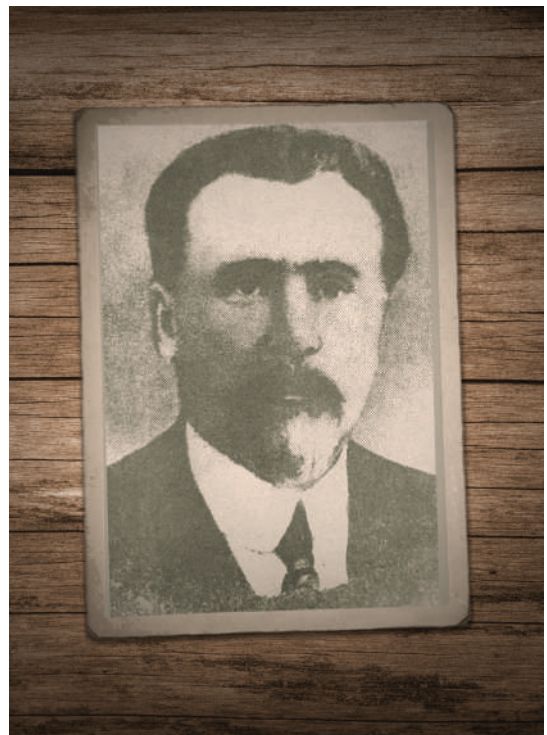
Археологическим отрядом ООО «Фирма АРТТ» по заданию Комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края летом 2003 года были проведены работы по исследованию участков культурного слоя Ахштырского храма.

ЧЕЛОВЕК // 65

ВИДНЫЙ УЧЕНЫЙ, ТАЙНЫЙ МОНАХ.
ПАМЯТИ В. В. МАРКОВИЧА (МОНАХА НЕСТОРА),
ЗАВЕДУЮЩЕГО СОЧИНСКОЙ И СУХУМСКОЙ
ОПЫТНЫМИ СТАНЦИЯМИ

**Иерей Димитрий Просяник,
Андрей Платонов**

80 лет исполнилось со дня кончины известного ученого, внесшего большой вклад в борьбу с малярией на Кавказе. Его уважал гениальный селекционер и генетик академик Николай Иванович Вавилов, ценило начальство, любили коллеги. Но за скромной жизнью тихого ученого стояло служение Христу и молитва за мир. Пройдя аресты, ссылки и лагеря, ученый с мировым именем, специалист по субтропическим культурам, профессор Василий Васильевич Маркович свою книгу назвал «Жизнь счастливого человека».

ВЕРА // 45

«ПОСЛЕДУЯ СВЯТЫМ ОТЦАМ...»
О КРИТЕРИИ ВЕРНОСТИ
ПРАВОСЛАВНОМУ ВЕРОУЧЕНИЮ

Киприан Шахбазян

Поводом к данной статье послужила размещенная на сайте «Благовест» информация, что 17 апреля 2019 года в рамках исследовательского семинара «Религия в эпоху digital», организованного магистерской программой «Философия и история религии» НИУ ВШЭ, был прочитан доклад на тему «Как в современном православии произошла реформация, но ее никто не заметил?» С докладом выступил Андрей Шишков, бывший на тот момент руководителем секретариата Синодальной библейско-богословской комиссии Русской Православной Церкви. Сразу скажем, что почерпнутая из сообщения сайта информация кажется нам свидетельствующей о весьма спорной (говоря мягко) богословской позиции высокопоставленного докладчика. Впрочем, ныне автор доклада закономерно, как мы покажем, лишен своих должностей и имеет, наконец, достаточно времени, чтобы вполне посвятить себя чуждому Церкви способу богословствования, — ростки которого просматриваются в его докладе и приводимых нами текстах, — богословствования, показательно именуемого им «Темной теологией».

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

ЦЕРКОВЬ

- 09 ХРАМ КАЗАНСКОЙ ИКОНЫ
БОЖИЕЙ МАТЕРИ В ДАГОМЫСЕ:
К 30-ЛЕТИЮ ПРИХОДА
Протоиерей Александр Червонный
- 13 ВОЗРОЖДЕННЫЙ ХРАМ ВО ИМЯ СВЯТОГО
НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА В АДЛЕРЕ
Евгения Озга
- 21 АХШТЫРСКИЙ ХРАМ —
ОТ ВИЗАНТИИ ДО НАШИХ ДНЕЙ
Андрей Кузилов, Игорь Тверитинов
- 27 ХРИСТИАНСТВО НА ПОЗДНИХ ЭТАПАХ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ПЕРИОДА
В СОЧИНСКОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
Дмитрий Марков

ВЕРА

- 35 ПРАЗДНИК БОГОЯВЛЕНИЯ
Диакон Роман Иванов
- 45 «ПОСЛЕДУЯ СВЯТЫМ ОТЦАМ...»
О КРИТЕРИИ ВЕРНОСТИ
ПРАВОСЛАВНОМУ ВЕРОУЧЕНИЮ
Киприан Шахбазян

ЧЕЛОВЕК

- 65 ВИДНЫЙ УЧЕНЫЙ, ТАЙНЫЙ МОНАХ.
ПАМЯТИ В. В. МАРКОВИЧА
(МОНАХА НЕСТОРА), ЗАВЕДУЮЩЕГО
СОЧИНСКОЙ И СУХУМСКОЙ
ОПЫТНЫМИ СТАНЦИЯМИ
Иерей Димитрий Просняник,
Андрей Платонов

МИР

- 79 «НЕ БОЙСЯ, ТОЛЬКО ВЕРУЙ»
Диакон Сергей Воронин
- 85 ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
ОБЕР-ПРОКУРОРА СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА
Диакон Андрей Круглов
- 91 «МИР ДОБРА». ГУМАНИТАРНЫЙ ЦЕНТР
СОЧИНСКОЙ ЕПАРХИИ
- 93 ХРИСТИАНСТВО
И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС
Диакон Дмитрий Белоусов
- 101 СКУПЛЯ (РАССКАЗ)
Инна Ямбулатова

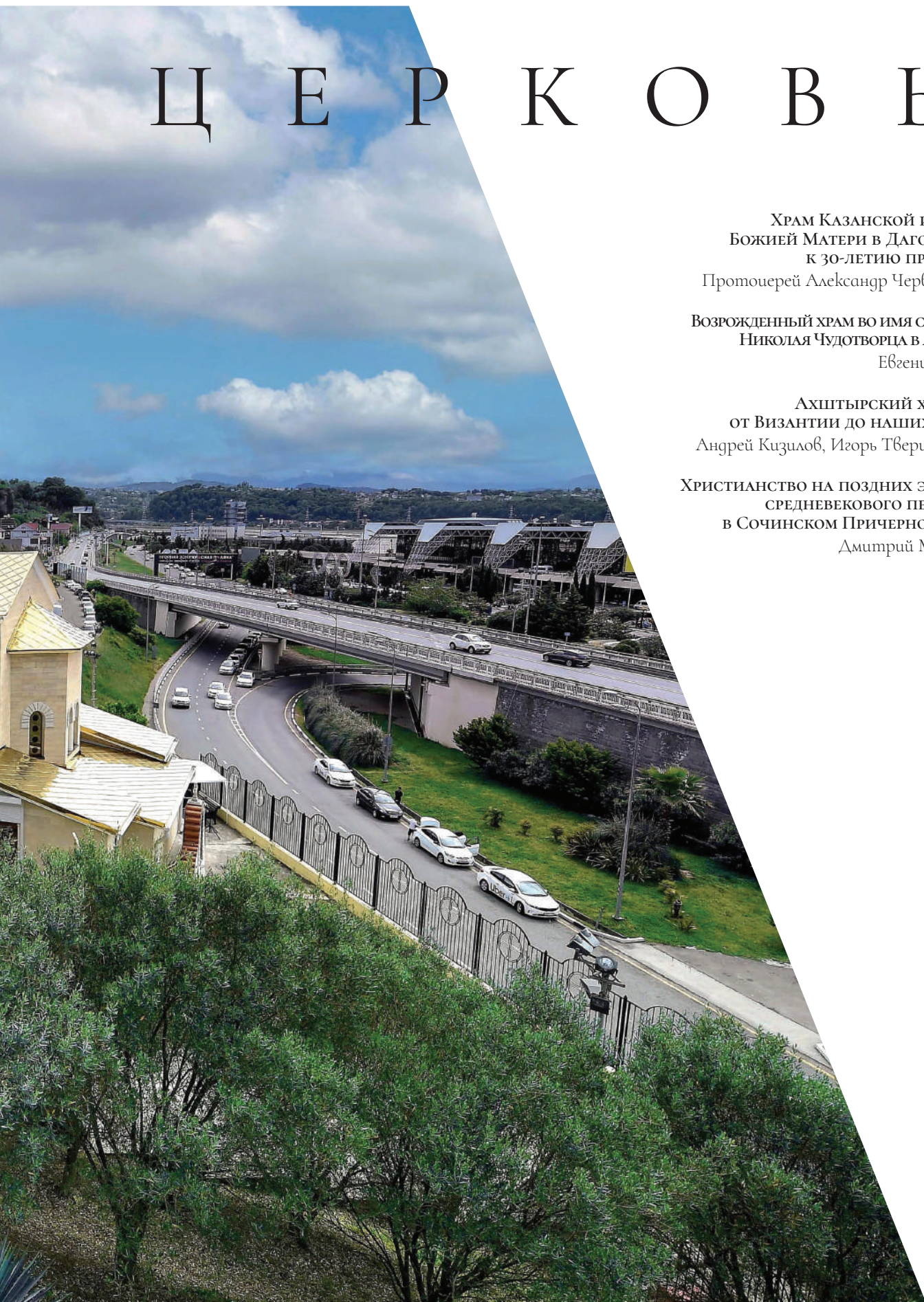
Ц Е Р К О В Ь

ХРАМ КАЗАНСКОЙ ИКОНЫ
БОЖИЕЙ МАТЕРИ В ДАГОМЫСЕ:
К 30-ЛЕТИЮ ПРИХОДА
Протоиерей Александр Червонный 09

ВОЗРОЖДЕННЫЙ ХРАМ ВО ИМЯ СЯГО
НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА В АДЛЕРЕ 13
Евгения Озга

АХШТЫРСКИЙ ХРАМ — 21
ОТ ВИЗАНТИИ ДО НАШИХ ДНЕЙ
Андрей Кизилов, Игорь Тверитинов

ХРИСТИАНСТВО НА ПОЗДНИХ ЭТАПАХ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ПЕРИОДА
В СОЧИНСКОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ 27
Дмитрий Марков

ХРАМ КАЗАНСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

В ДАГОМЫСЕ: К 30-ЛЕТИЮ ПРИХОДА

Протоиерей Александр Червонный – настоятель храма Казанской иконы Божией Матери п. Дагомыс, г. Сочи. Окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию и академию, кандидат богословия; руководитель отдела религиозного образования и катехизации Сочинской епархии.

О широкомасштабной ранне-христианской жизни на Черноморском побережье Кавказа в наше время слышал, пожалуй, каждый. Особо богато и велико наследие христианского зодчества разных эпох в пределах Сочинской агломерации: остовы многовековых византийских религиозных сооружений встречаются здесь довольно часто. Большинство из них находится на территории Сочинского национального парка. Наряду с локациями Лоо, Хоста, Монастырь и прочими древним храмом на своей территории обладает и посёлок городского типа Дагомыс. Он открывает собой страницу истории храмостроительства в поселении.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕАМБУЛА

О первом православном храме в Дагомысе, к сожалению, известно ничтожно мало: он был обнаружен лишь в 2019 году местными сочинскими краеведами, которые датируют его XI–XIV веками. Уникальная постройка находится в горах между селами Варваровка и Барановка. Специалист по историко-культурному наследию Сочинского национального парка Дмитрий Марков предположил, что на том месте «могла находиться однопонтефная одноапсидная базилика...» [1]. Данные сведения не являются окончательными, так как исследование храма ещё продолжается.

Во времена Российской империи в Дагомысе был построен ещё один храм,

который находился на территории действующего санатория «Семашко», что западнее населённого пункта. Известно, что постройка объекта началась в 1912 году, а в 1917 году была завершена. Храм предназначался для местных жителей, сотрудников и пациентов здешней лечебницы и императорского имения. В начале 1940-х по антирелигиозной госпрограмме храм начали демонтировать, и к 1956 году здание церкви было полностью разрушено.

Памятуя о существовавшем и разрушенном когда-то родном храме, дагомысцы длительное время грезили о новом месте для молитвы. Спустя почти полвека, в 1992 году, на собрании поселчан было принято решение о создании новой православной общины в Дагомысе. На нём присутствовал благочинный Сочинского церковного округа и настоятель собора Архистратига Божия Михаила г. Сочи митрофорный протоиерей Константин Коробов, позднее возведённый Его Святейшеством Алексием II в епископа Вольского и Саратовского Нектария.

Народным собранием было принято решение просить благословения правящего архиерея, архиепископа Краснодарского и Кубанского Исидора, о дозволении постройки нового храма и присвоения ему именованья в честь иконы Божией Матери «Казанской». Прошение было удовлетворено, и временно приход размещался в помещении старого, дореволюционного

здания на улице Гайдара, 14, которое имеет свою продолжительную историю.

КАЗАНСКИЙ ХРАМ: ТОГДА И СЕЙЧАС

При последнем российском императоре в Дагомысе было построено крупное государево имение, руководителем и смотрителем которого с 1872 года был определен граф Георгий Федорович Успенский – перспективный молодой агроном, попавший в поселение Дагомыс по распределению после окончания учёбы в сельскохозяйственном училище. В центре населенного пункта, у подножия горы Успенки (по одной из версий, гора названа в честь праздника Успения Пресвятой Богородицы, по другой — в честь героя Русско-турецкой войны казака Георгия Успенского), он построил себе двухэтажный дом-дачу, где и проживал с семейством. После пришествия к власти большевиков (в феврале 1918 года) недвижимость Успенского и царское имение были приватизированы государством. Ввиду своих масштабов в сравнении с иными постройками Дагомыса здание использовалось как местный Дом культуры до 1957 года. Неопределенное количество времени постройка пребывала в запустении, пока в 1992 году её помещения не расчистили местные казаки. Они реконструировали комнаты и предоставили часть здания молодой дагомысской православной общине.

В течение шести лет приход находился на улице Гайдара. В своеобразном домовом храме отцом Александром Червонным — первым и единственным настоятелем — совершались богослужения, община пополнялась новыми прихожанами, и приход разрастался. Известно, что стены храма были даже частично расписаны приглашенным из Санкт-Петербурга живописцем. После перемещения прихода на постоянное место дом управляющего царским имением

был поделен на несколько квартир, часть из которых заселена и по настоящее время. Несмотря на то, что здание утратило религиозный статус, православный крест до сих пор венчает его «купол» и напоминает жителям о молитвенном прошлом.

В 1998 году местные власти, включая Дагомысский чайсовхоз, передали в безвозмездное пользование крупный участок земли на возвышенности улицы Армавирской под строительство нового Казанского храма. К строительству приступили в 2000 году. Богослужения в храме начались практически сразу же. Создателем проекта храмового комплекса был Борис Терентьевич Бабаков — небезызвестный сочинский архитектор, творческий человек, отличавшийся трудолюбием и упорством. За стилистическую основу брался собор Новоафонского монастыря в Абхазии. По замыслу талантливого зодчего, храмовый комплекс должен был состоять из нижнего крестильного и верхнего основного храмов и включать пристроенные подсобные помещения.

Первым был построен нижний храм, который более десяти лет служил основным. Он был назван в честь святителя Саввы I, архиепископа Сербского. Таким образом была отдана дань уважения сербскому народу и строительной компании «Putevi», которая на абсолютно бескорыстных условиях самоотверженно помогала человеческими и строительными ресурсами при возведении здания.

Основная постройка верхнего храма была завершена в 2012 году. Его высота составляет 21,5 метра. На регулярной основе богослужения в нем стали совершаться с Пасхи 2012 года. На тот момент внутренние отделочные работы ещё продолжались, отсутствовал иконостас, что, однако, нисколько не омрачало радостного настроения прихожан.

С перемещением литургической жизни в новое место нижний храм получил статус придела, в котором также, но значительно реже, совершались богослужения. Постепенно нижний придел приобрёл статус «крестильного», в котором совершалось и по сей день совершается Таинство Крещения.

В середине 2000-х храмовый комплекс пополнился новой архитектурной единицей —

часовней в честь Царственных Страстотерпцев. Несмотря на то, что император Николай II ни разу не был в этих краях, его здесь почитают. Часовня представляет собой деревянное сооружение-сруб. Объект был передан в дар приходу православными меценатами. В часовне пребывает образ святой царской семьи, о котором прихожане говорят, что от него исходят чудеса просящим. В ней иногда совершается Божественная литургия и еженедельно проходят прощания с усопшими и отпевания.

Великое освящение главного храма Высокопресвященнейшим Исидором, митрополитом Екатеринодарским и Кубанским, состоялось 4 декабря 2016 года. Последний раз владыка Исидор посетил храм 19 ноября 2018 года в ходе архипастырского визита в г. Сочи: в этот день митрополит освятил новую колокольню.

Храм искусно исполнен в неовизантийском, крестово-купольном стиле, расположен на возвышенности, откуда просматривается вся панорама современного пгт Дагомыс. Вход застеклен. Это связано с особенностями влажного, ветреного климата в Сочи. Роспись храма была начата в 2018 году иконописной мастерской «Палехский образ», которая в одноимённом стиле живописи преобразила внутреннее убранство храма. Работы по росписи ведутся по сей день. Освещение в храме, подсвечники выполнены грузинским мастеромковки Алексеем Григорашвили. Храмовые купола были изготовлены в Волгодонске и торжественно освящены и водружены на храм в 2009 году. Мозаичное изображение лика Богородицы над центральным входом было выполнено в Московской студии Натальи Шестаковой. Мозаика на восточной стороне крестильного храма сделана мастерами, которые работали при оформлении храма Христа Спасителя в Москве. Скульптуру распятия в основном

храме вырезал из дерева талантливый сочинский скульптор Александр Сергеевич Подолякин [2, с. 20].

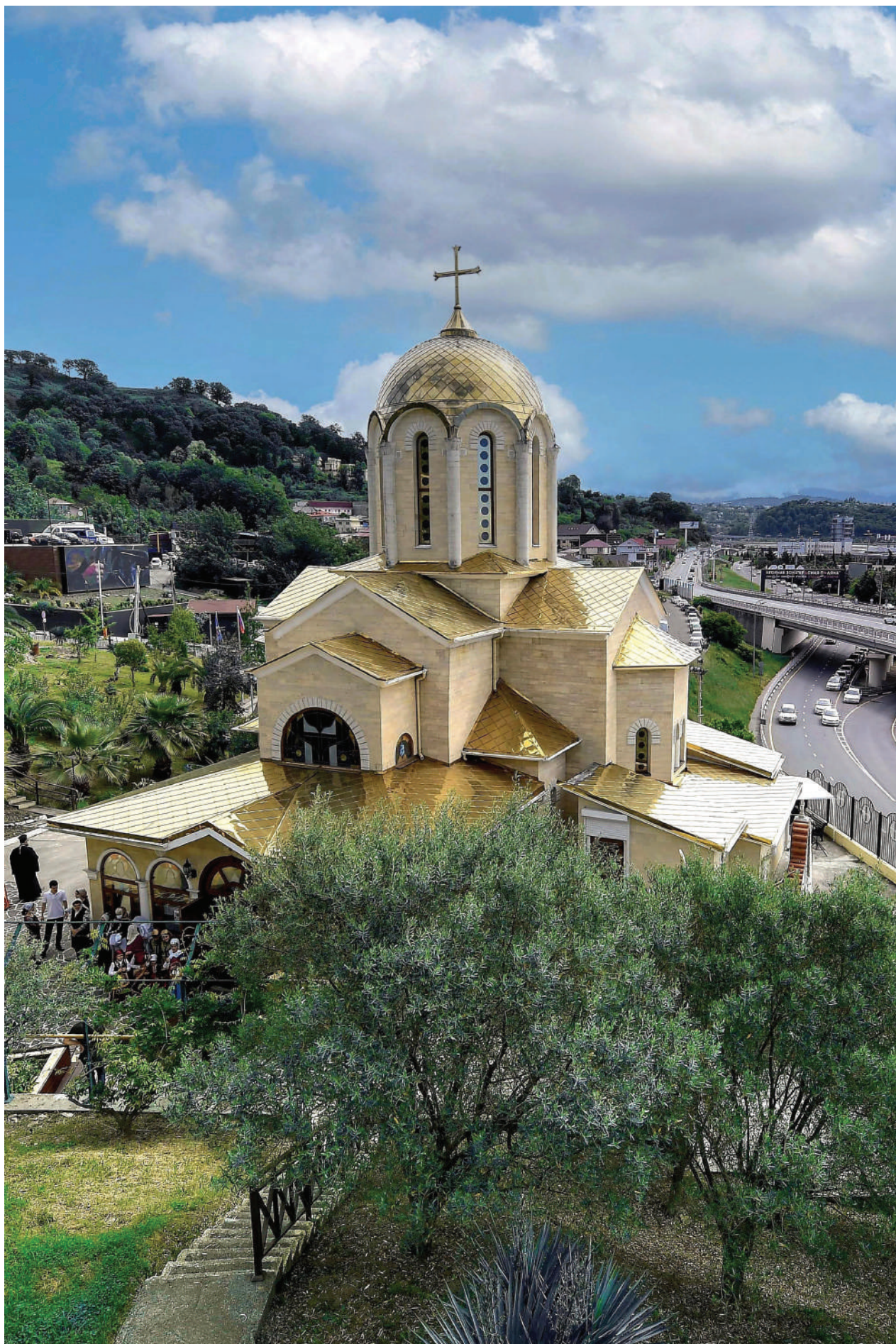
Иконостас храма выполнен сербскими мастерами из белоснежного челябинского мрамора с вставками красного испанского мрамора. Все иконы одноярусного иконостаса писались в Краснодаре художником Натальей Симоновой.

В храме имеются три древние иконы, переданные в дар сочинской таможней, а также икона с частицей святых мощей преподобного Петра Афонского, древняя икона святых мучениц Ирины, Агапии и Александры, написанная в Иерусалиме. Имеются и драгоценные частицы мощей святых: великого князя Александра Невского, прп. Петра Афонского, прп. Антония Дымского, прп. Агапита Печерского и пр.

В 2022 году приход Казанской иконы Божией Матери отмечает своё тридцатилетие со дня основания. На сегодняшний день он широко известен и популярен как среди сочинцев, так и среди приезжих. Экскурсионные автомобили часто привозят к достопримечательности новые группы людей, желающих собственными глазами насладиться внешним видом, благолепием храма и его изумительной ухоженной прилегающей территорией, которая пестрит обилием зелени и цветов. Со смотровой площадки храма открывается великолепный вид на лесистые горы и курортный поселок. Люди нескольких поколений любят свой храм и часто его посещают, а отдыхающие предпочитают фотографироваться здесь на память. Расположенный на живописном склоне горы белоснежный храм как в ясную погоду, так и в ненастье выделяется среди прочей архитектуры поселка, а яркое освещение в ночное время и вовсе делает его визитной карточкой всего Дагомыса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Кизилев А. С. Средневековый храм в Дагомысе – к вопросу о его выявлении. // Архитектура Сочи. URL: <https://arch-sochi.ru/2019/03/hram-v-dagomyse/>
2. Притыкина В. А. Православный храм Казанской Богородицы поселка Дагомыс. Выпускная квалификационная работа. Евпатория, 2018. 58 с.
3. Храм Казанской иконы Божией Матери мкр Дагомыс г. Сочи. Приходской сайт. URL: <http://hram-dagomys.cerkov.ru/>

ВОЗРОЖДЕННЫЙ ХРАМ

ВО ИМЯ СВЯТОГО НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА В АДЛЕРЕ

Евгения Казимировна Озга — руководитель пресс-службы Сочинской епархии. Родилась в г. Ейске, окончила Краснодарский государственный институт культуры; г. Сочи.

Проходят годы, десятилетия. Постепенно меняется внешний вид тех мест, которые мы знали и к которым привыкли. Сносится то, мимо чего мы проходили каждый день. Строится что-то новое, действительно принося в нашу жизнь нечто полезное и важное. И порой по прошествии определенного отрезка времени трудно вспомнить, как выглядело то или иное здание или место прежде. Но есть то, что является нашими корнями, нашей памятью. Память возвращает нас к тому периоду истории города Сочи, когда греки-переселенцы пришли в эти земли. Главное в этой истории — напоминание о том, с чего всякий христианин обязан начинать всякое дело. Наши предки помнили: храм Божий как место молитвы ко Господу должен блистать красотой и великолепием.

Церковь во имя святителя Николая, Мир Ликийских Чудотворца, находится на возвышенности рядом с аэропортом города Сочи имени Героя Советского Союза Виталия Севастьянова, сочинца-космонавта. Этот прекрасный православный храм был возрожден в наше время.

Старая греческая церковь построена в селе Первинке, основанном в 1869 году, согласно Положению от 10 марта 1866 года, греками-поселенцами из районов от Батума до Синопа. Эти скудные сведения

были найдены в исторических документах о местных поселенцах того времени.

Программа царского правительства по освоению покинутых церквями территорий Черноморского побережья, принятая в 1864 году, предусматривала широкое использование богатых природных и климатических условий побережья Черного моря. В 1866 году была создана комиссия по изучению сельскохозяйственного значения вновь присоединенных к России территорий. Возглавил комиссию генерал Н. Н. Муравьев-Карский. Побережье было тщательно исследовано специалистами по землепользованию, даны объективные оценки по его использованию и рекомендации по заселению.

Село Первинка было первым поселением согласно тем рекомендациям. Оно находилось в дельте реки Мзымты на богатых почвах, которые оценивались как лучшие на побережье. Понтийские греки были специалистами по выращиванию многих сельскохозяйственных культур, в которых Россия остро нуждалась и которые в силу климата раньше здесь не выращивались. Поэтому прибывшие поселенцы-греки радостно восприняли благодатное место, построили вначале временные лачуги для жилья и молитвенный дом.

Будущую церковь, которую непременно собирались возвести, решили назвать в честь Николая Чудотворца.

Имя Николай — одно из самых распространенных мужских имен в христианстве. Это имя носили и святые угодники Божьи, жившие в Греции, и русские самодержцы, и многие другие замечательные люди.

Святой Николай Чудотворец, защитник обездоленных и угнетенных, покровитель моряков и путешественников, оберегает семейные узы, он глубоко почитаем во всем христианском мире. Он родился более 1700 лет назад в далекой провинции Римской империи, в городе Патры, в греческой семье. В юные годы совершил паломничество на Святую землю, где, посетив святые места, решил остаться навсегда. Однако, стоя на молитве однажды ночью, он услышал голос, идущий как бы отовсюду: «Николай, возвращайся домой». Это повторилось не единожды. Николай решил вернуться на родину и прибыл в город Миры, главный город Ликии, где позднее и был избран епископом Ликийской церкви.

Это же имя носил Николай Егорович Никифораки, государственный попечитель прибрежных территорий, вновь присоединенных к России. Его служба проходила в посаде Даховском (современный Сочи). Никифораки был инициатором заселения Черноморского побережья христианами — греками и армянами из Османской империи, на что получил разрешение от правительства России.

На пустующие территории начали прибывать греческие и армянские переселенцы, имевшие многовековой опыт по выращиванию на горных склонах таких важных в экономическом отношении для России культур, как табак, виноград, различные фруктовые деревья. Поселенцы принялись развивать животноводство, а ещё использовать то богатство черкесских садов, которое гибло под буйной растительностью без должного человеческого ухода. Прибывали они с необходимым инвентарем и с важным посадочным материалом (табаком). Безопасное переселение было гарантировано российской армией.

Одновременно на Черноморском побережье поселялись безземельные крестьяне из России, Малороссии, Молдавии и других мест Российской империи. Это объясняется тем, что попытка использовать казачьи формирования военнотружущих с их семьями для освоения пустующих земель даже при солидной государственной поддержке, различных льготах и пособиях успеха не принесла. Во многих административных реальных того периода писало: «...как только поселенцы, бывшие военнотружущие с семьями, перестали получать от государства финансовую и другую поддержку, разбежались все до последнего человека».

Несколько слов о Николае Егоровиче Никифораки. Офицер русской армии, он с 1857 года был командиром горной батареи 20-й Кавказской

гренадерской бригады, участвовал в боевых действиях на Кавказе и в Турции. За боевые заслуги получил свою первую награду — орден Святой Анны IV степени. С завершением военных действий и переселением горских народов в Турцию в 1864 году перед российским правительством встала проблема хозяйственного освоения пустующих территорий Черноморского побережья. Жизнь потребовала перекалфикации многих военных на гражданские управленческие функции, с чем прекрасно справился и Никифораки. С 1867 года он исполнял обязанности попечителя Черноморских прибрежных поселений, возглавляя Сочинский, потом Новороссийский отделы, и, как следовало из формуляра того времени, с декабря 1879 года ему было «повелено быть исправляющим должность начальника Черноморского округа». За успешное выполнение поставленных задач по освоению Черноморского побережья и Ставрополя Николай Егорович Никифораки был награжден многими орденами и медалями, бриллиантовым перстнем от Николая I, а в августе 1883 года — произведен в генерал-лейтенанты.

В Первинке в 1872 году проживало 84 человека, все греки, в 1891 году — 133 человека (29 семей), также все греки. Первоначально село Первинка находилось в подчинении Сочинского (Даховского) попечительства (1870–1874), с 1896 года — Сочинского округа Черноморской губернии. С 1899 по 1900 год население увеличилось до 182 человек (все греки).

В Сочинском архиве хранится научная работа И. А. Тверитинова «Формирование межнационального сообщества Черноморского побережья Кавказа». Списки поселенцев города Сочи были составлены по двум исповедным ведомостям прихожан, исповедовавшихся и причастившихся на Пасху в 1871 и в 1872 годах в церкви 2-го Кавказского линейного батальона (в посаде Даховском (Сочи) действующей церкви не было до 1891 года).

Интересный факт: после администрации посада Даховского (Сочи) по списку шли поселенцы Первинки, что свидетельствует об их первопосе-

лении. В районе Адлера примерно в те же годы были созданы поселения и из российских безземельных крестьян — это сёла Молдовка, Высокое, Ахштырь, Веселое и ряд других поселений.

В скудных документах, сохранившихся с тех времен, отмечается, что в селе Первинке с начала XX века имелась «церковь каменная Николая Чудотворца необычной архитектуры». К общему несчастью всех верующих, в России в 1917 году произошел переворот, к власти пришли большевики, отрицавшие Бога. Началась яростная атака на православную веру, ведь она была оплотом великой Российской империи, ее духовной силой, а этого большевики допустить не могли, должна была остаться только их идеология. Начались изощренные репрессии против верующих, священнослужителей. Многие храмы закрывались. Та же участь постигла и церковь в селе Первинке.

В 1940 году было принято государственное решение о строительстве на месте селения Первинка аэродрома, так как первый аэродром Сочи был построен в устье реки Сочи в Центральном районе, что, конечно, не соответствовало развивавшемуся курорту.

Земли села были изъяты под нужды строительства, а жители расселены по Адлерскому району. Точная дата уничтожения храма неизвестна, так же, как и какие-либо подробные сведения о нем. В 60-е годы прошлого века местными жителями во главе с духовным наставником протоиереем Иоанном Мышановым предпринимались попытки восстановления храма. Было даже построено здание на пожертвования прихожан, но это начинание было пресечено властями, участники строительства — наказаны, а здание — изъято. Впоследствии в нем расселили несколько семей, а потом и вовсе снесли, чтобы ничего не напоминало о своеволии верующих. Позднее на этом месте была пожарная часть, а сегодня Управление полетами — диспетчерская башня Сочинского аэропорта.

Уже в новое время, в конце 90-х годов прошлого века, всё тем же протоиереем Иоанном была осуществлена вторая, более успешная, попытка

восстановить церковь, и на это благое дело делили землю в селе Молдовке.

Новый, возрожденный уже в этом столетии, храм расположился на холме напротив нового аэровокзального комплекса аэропорта «Сочи» и хорошо просматривается слева от дороги, по пути следования в Красную Поляну по старому Краснополянскому шоссе.

Приходская община создана в 1997 году, а храм заложен в 2000 году. Долгое и тяжелое строительство закончилось к 2010 году, в ноябре которого митрополит Екатеринодарский и Кубанский Исидор освятил оба придела храма. Верхний — в честь святителя Николая Чудотворца, нижний — в честь Панагии Сумела — Сумельской иконы Божией Матери. Настоятелем храма с самого его основания и по сей день является протоиерей Дмитрий Петухов.

Архитектурный проект здания создан в творческой мастерской Ф. И. Афуксениди, выдающегося архитектора России, при его непосредственном руководстве, в неовизантийском стиле. Это архитектурное направление возникло в конце первой половины XIX века в Западной Европе. В России такое зодчество приобрело популярность к концу XIX века.

Храм представляет собой центрическое здание с одним куполом, который венчает крест. Купол и все скатные крыши обшиты золотисто-желтым металлом. Арочные окна напоминают узкие вытянутые бойницы кавказских сторожевых башен, но внешний декор поперечного выступа придает им вид креста с утолщенной осью. В связи с тем, что храм расположен на склоне, фундамент с трех сторон переходит в цокольный этаж, а храм имеет два придела. Стоящая рядом колокольня выполнена в том же архитектурном стиле и из тех же материалов, что и само здание церкви. Она представляет собой четверик — четырехугольный объем, применявшийся в деревянном и каменном зодчестве Руси в основном при строительстве культовых сооружений, — и два уровня звона. Венчает колокольню купол с крестом.

Храм святого Николая своей монументальностью напоминает многие храмы Византии, Афона и побережья Понта — так греки называли Черное море. Задуманное было осуществлено при финансовой поддержке православных прихожан Сочи и всей страны.

Окунемся в историю еще раз. Вот записи путешественников, которые, направляясь в Красную Поляну, оставляли краткие строки о Первинке и ее жителях, порой не всегда объективные и приятные. Это может добавить немного знаний о том месте, где сейчас расположены храм святителя Николая и аэропорт.

В 1882 году Александр Александрович Старк, известный энтомолог-натуралист, совершил путешествие в Красную Поляну. Он со спутниками, черкесом Тляходьгом и мингрельцем Петре Ломайя, вышел из своего имения в Уч-Дере, прошел через селение Первинку и оставил об этом воспоминания в книге «На Русской Ривьере (из дневника охотника)».

«...Путь лежит между кукурузных полей, принадлежащих греческой деревне Первинка. Кукуруза огромная, закрывает даже всадника, но обработана дурно, без окуживания. Фасоль посеяна тут же, вьется по кукурузным стеблям, а внизу еще посеяны арбузы, дыни, кабачки; тучная почва все выносит. Ближе к селению много табаку, посевы которого греки производят все на одном и том же месте. И ничего, пока родит. Но почему эти лучшие земли на побережье отданы диким иноземцам? Какое-то удивительное заблуждение». Ему вторят спутники: «Черкес Тляходьг ворчит: зачем, говорит, было изгнать черкесов, чтобы на их места посадить таких-сяких греков». Мингрелец Петре Ломайя рассуждает: «Лучше уж было поселить на таких хороших местах наших мингрельцев». Старк возражает им обоим: «А я думаю, что на таких хороших местах, на которых свободно можно пахать хоть тремя парами быков, очень хорошо бы было поселить полтавских хохлов».

Далее Старк продолжает о самом селе: «Селение очень невзрачное. Постройки примитивные, низкие, без окон, с бесчисленными щелями, кой-где

промазанными свежим навозом; очень плоские их крыши сложены из щепок, а чтобы ветер их не разметал, на них сверху положены камни... Вообще приходится согласиться с Тляходьгом, что эти греки — народ довольно-таки дикий. Неужели же это — потомки народа, создавшего „Илиаду“, Парфенон, Венеру Милосскую, народа, из среды которого вышли Гомер, Пифагор, Перикл и не счесть числа гениев? Не может быть. Решительно ничем не возбуждают они воспоминаний о своих удивительных предках».

Эх, Александр Александрович, это тот самый народ, который сохранил свой род, свою православную веру будучи лишен человеческих условий жизни в Османской империи, где даже за солнечный свет в окне они вынуждены были платить власти, где днем они были Селимами или Ахметами, а вечером и ночью в кругу своих семей — Георгиями и Николаями, молясь перед спрятанными в подземельях святыми образами и читая молитвы наизусть. Они пришли по приглашению в единоверную Россию, которая их приняла, дала им возможность поселиться здесь и вместе с Россией строить счастливое будущее. Обустроившись и, очевидно, замазав те щели

в домах, которые так раздражали Вас, Александр Александрович, они построили церковь святого Николая Чудотворца в своем селе Первинке. Извините, Александр Александрович, ко времени Вашего путешествия в далеком 1882 году греки не смогли принести несколько колонн из Парфенона и некоторые скульптуры, их выломал просвещенный христианин — англичанин лорд Эльджин. Он тоже не видел в греках наследников великого прошлого. И, тем не менее, очень хороша Ваша книга, эти строки помогли многим осознать, в каких условиях начиналась жизнь греческих переселенцев на новой родине.

Краткая заметка о Первинке есть в статье С. И. Васюкова от 1903 года о путешествии в Красную Поляну. Он, кстати, когда проезжал побережье, увидел ухоженное селение. «Мы проезжаем селение Первинку, состоящую из 36 дворов греческих семей. Постройки недурные, хаты стоят высоко, на деревянных столбах, по причине низкого места и близости реки. На богатой влажной почве растет гигантская фасоль, кукуруза тоже сильная, высокая. Вокруг каждого дома огород». Проезжал Первинку Васюков в 1903 году, уже тогда у поселян была благополучная жизнь.

К сожалению, многие экскурсанты, проезжая Первинку, не делали остановок в этом селении, наверное, из-за близости Адлера, где они недолго отдыхали и поэтому не испытывали никакой надобности в еще одной остановке.

Есть сообщение о церкви в Первинке в справочной книге Ф. П. Доброхотова. Он выехал из Адлера в Красную Поляну и, проезжая Первинку, заметил: «Первые пять верст от Адлера дорога идет по совершенно ровной местности, составляющей дельту реки Мзымты. Затем — деревня Первинка, населенная греками. Поля, табачные плантации, журавли над колодцами, островки зарослей, ручьи и развесистые орехи. По обе стороны шоссе разбросаны живописные дома поселян и виднеется своеобразно-оригинальной архитектуры церковь». Вот слова, которые восхищают, — «своеобразно-оригинальной архитектуры».

Да, экскурсанты не останавливались в селе. Очевидно, у них были остановки в более оживленных местах. Но греки, которые позже селились в селах Лесном, Высоком, Юревичах, на Верхней Мацесте и в Красной Поляне, имели тесные связи с соплеменниками, ведь жители Первинки всемерно оказывали им помощь в обустройстве

на новых местах. Жители этих селений всегда присутствовали в дни престольных праздников в честь святителя Николая Чудотворца, когда проходила торжественная церковная служба, затем проводились народные гуляния с песнями и танцами. Это происходит и сейчас дважды в году — 19 декабря, в день памяти святителя Николая, и 22 мая, в день перенесения его мощей из Мир Ликийских в Бари (Италия).

В сохранившихся церковных книгах есть акты гражданского делопроизводства о браках поселенцев Первинки с жителями этих сел — греками. До краснополянцев дошел рассказ о споре между жителем Первинки и краснополянцем Михаилом Чалокиди, крупным предпринимателем и меценатом, о том, что последний въедет под арку своего дома на линейке, запряженной его прекрасными лошадьми, стартуя за два часа от церкви святого Николая. Спор Чалокиди выиграл. Кстати, его дом, вернее гостиница, — это сегодняшняя поселковая администрация Красной Поляны. Тогда она имела арку для въезда во двор.

В новом храме во имя святителя Николая существует нижний алтарь, он посвящен ико-

не Божией Матери Панагия Сумела, святыне всех понтийских греков. Монастырь, где находилась ранее икона, располагается в горах выше Трапезунда, на расстоянии около 50 километров. Там, на скале, почти на недоступной высоте и расположена обитель. Икона Божией Матери, по преданию, написана апостолом Лукой. Во времена геноцида христианского населения Турцией икона была спасена монахами. Сейчас она находится в Греции, под Салониками, в монастыре, построенном беженцами из Трапезундской области. Везде, где проживают греки из мест Понтийского побережья — в Греции, России, Австралии, Америке, есть церкви с алтарем, посвященным иконе Божией Матери Панагия Сумела.

Над входом в нижний придел храма свт. Николая верующих встречает мозаичная икона Божией Матери, созданная по образцу Панагии Сумела.

Ежегодно 19 мая, в день памяти, который вошел в историю под именем «Малоазийская катастрофа греческого народа Понта», проходят мероприятия, посвященные памяти геноцида греческого народа. Среди греческого этноса самая трагическая судьба у понтийских греков. Изошренные пытки и истязания младотурками христиан, коренных жителей Анатолии и прибрежных территорий, проходили при молчаливом согласии многих европейских государств.

Греческая диаспора в день памяти геноцида ежегодно собирается в храме святителя Николая. Сюда прибывают жители из разных мест. Совершается поминальная служба. В 2021 году панихиду по замученным и убиенным жителям Понта впервые возглавил епископ Сочинский и Туапсинский Герман в сослужении духовенства Сочинской епархии. Греческие общества «Эноси», «Патрида», «Эос» принимают участие во всех событиях православной жизни храма и всего города Сочи, они — опора богоугодных начинаний.

Есть ещё одна особая дата памяти, которая является главной для греков — это 15 августа, день Успения Богородицы по новому стилю. В этот день у скал и каменных стен монастыря Панагия Сумела в Турции паломники из храма

святителя Николая Чудотворца Сочи могут встретить понтийцев из разных уголков нашей планеты, тех, с кем греки говорят на одном языке. У древних стен они зажигают поминальные свечи, звучит понтийская речь и песни, которые в России потихоньку начинают забывать.

Потомков тех, которые вынуждены были покинуть свою родину, тянет увидеть места, откуда их корни — рассказы и песни старших к тому обязывают. Природа там в чем-то схожа с природой кавказского Причерноморья. Становится понятно, почему предки современных сочинских греков стремились на Кавказ, к морю, к горам с цветущими альпийскими лугами и к рекам с бурлящими потоками. Здесь сохранилось много памятников христианской культуры VIII–X веков. Народные предания греков сохранили память о том, кому были посвящены эти храмы. В престольные дни сюда приходят паломники из Сочи и окрестных мест, приезжают паломники из Казахстана и Греции.

К великой радости, в храме Николая Чудотворца молитвы часто звучат на греческом языке и сопровождаются греческими церковными песнопениями. За неимением в Адлере греческого культурного центра приход взял на себя еще культурно-просветительское воспитание детей, обучение их греческому языку, народным танцам и музыке. Об этом непрестанно заботится настоятель храма, этнический грек, потомок тех самых переселенцев протоиерей Димитрий Петухов.

В храме действует воскресная школа для детей.

Для возрождения классических традиций образования, которое является одним из сокровищ нашего национального достояния, по благословению епископа Сочинского и Туапсинского Германа при храме святителя Николая Мир Ликийских Чудотворца в Адлерском районе города Сочи с июня 2021 года строится гимназия начального образования и дошкольного отделения по программе Русской Классической Школы.

Источник:

Анастасиади Г. И. Храм святителя Николая Чудотворца / буклет для храма, самиздат.

АХШТЫРСКИЙ ХРАМ — ОТ ВИЗАНТИИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Андрей Сергеевич Кизилов — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник лаборатории этносоциальных исследований, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр Российской академии наук» (ФИЦ СНЦ РАН), г. Сочи. Автор множества работ по античной и древней истории Большого Сочи.

Игорь Анатольевич Тверитинов — кандидат исторических наук, директор Сочинского городского архива, почетный архивист России, заслуженный работник государственной архивной службы Кубани, автор ряда научных статей и работ по истории этнических и социально-экономических процессов в Причерноморье.

Работа выполнена в рамках ГЗ ФИЦ СНЦ РАН № ГД 0492-2021-0014.

Камнем преткновения различных мнений и исследований стал недавно воскресший из небытия храм в посёлке Ахштырь, вызвавший серьёзные споры по поводу своей древности.

Археологическим отрядом ООО «Фирма АРТ.Т» по заданию Комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края летом 2003 года были проведены работы по исследованию участков культурного слоя Ахштырского храма. «Сведения о нем поступили от местных жителей, по инициативе которых храм в 2002 году был расчищен» [12]. В отчёте экспедиции сообщалось, что «храм находится в черте застройки поселка, на его северной окраине. Никаких сведений о нем в литературе нам найти не удалось. Храм не упоминается ни в описаниях раннехристианских культовых построек соседних поселков, ни в списках памятников управления культуры и Сочинского музея» [12].

«Технические особенности кладки и облицовки стен позволяют отнести ее к постройкам не ранее XI–XIII вв. <...> О времени разрушения Ахштыр-

ской церкви тоже ничего не известно. По словам одного из местных краеведов, ее закрыли в 30-е годы XX века, что представляется маловероятным. В пределах центрального помещения сохранились пни от деревьев, спиленных при расчистке строения, возраст которых по кольцам никак не меньше 150–200 лет» [12].

Однако следует отметить, что многочисленные этнографические источники упорно отстаивают иную точку зрения на датировку использования храма по непосредственному назначению.

В контексте перечисленных мнений актуальным является утверждение профессиональных археологов: «Археологическое исследование памятника может выявить отдельные элементы декора фасадов и интерьера здания, которые помогут определить дату его постройки и, после дополнительных архивных изысканий, позволят связать его с какими-то известными церквями Черноморского побережья» [12].

Следует отметить, что работа археологической экспедиции отряда ООО «Фирма АРТ.Т» проходила в неблагоприятных для осмотра условиях,

поскольку в летнее время развалины храма укрыты плотным покровом субтропической зелени. Очевидно, что по этой причине не были отмечены некоторые важные характерные признаки, которые стали бы весомыми аргументами в выявлении реальных исторических фактов.

При осмотре в феврале 2019 года в зоне апсиды руин храма в развале разрушенной стены были обнаружены новые артефакты. А именно – два крупных фрагмента кирпича и фрагмент посудной керамики на поверхности обвала свода в южной его части, который в летнее время был покрыт зарослями кустарников. Важно отметить, что толщина фрагментов кирпичей соответственно 3,9 и 4,1 см (другие габариты не определяются), а качество отжига и состав глиняного теста как кирпичей, так и посудной керамики характерны для Средневековья. Подобные размеры кирпича определяются именно как средневековые согласно археологическим исследованиям [1].

В более ранних исследованиях было отмечено, что «в перекрытии северного дверного проема сохранились следы позднего ремонта — его арочный свод укреплен кирпичом» [12]. При этом нельзя не учесть и тот факт, что указанные остатки кирпичей в закладке дверных проёмов по своим характеристикам полностью соответствуют стандартам кирпича конца XIX века [7]. Очевидным становится факт использования кирпичей различных эпох в строительных работах храмовой архитектуры.

Вероятно, буйная растительность, скрывающая верхнюю часть руин здания, не позволила и чётко определить использованный при строительстве местный природный материал. «Стены церкви сложены на известковом растворе из ломаных тесаных плит известняка разного размера. У угловых блоков тщательно обработаны две наружные грани, образующие прямой угол. Снаружи фасады были облицованы плитами светлого известняка квадратной или прямоугольной формы» [12].

В данном случае, пожалуй, наиболее важным для анализа фактором является не хаотичное, а, очевидно, разновременное использование в архитектуре здания двух разных пород местного камня. Осмотр храма в 2019 году показал, что нижние уцелевшие ряды кладки стен храма сложены из аккуратно обтесанных и подогнанных друг к другу квадр песчаника. Напротив, вышерасположенные участки выполнены из необработанного колотого известняка, среди которого хаотически попадаются квадраты из песчаника. Что характерно, квадрическая кладка не имеет строгого горизонта по своей верхней границе, а бессистемно меняет высоту. Логично предположить, что при восстановлении сохранившихся стен храма на рубеже XIX–XX веков строители использовали как вновь доставленный на объект известняк, так и найденные в окрестностях развалин храма старые каменные блоки песчаника.

Однако архивные исследования, которые не проводились в полной мере ранее, подтвердили многовременное существование храма.

После окончания Кавказской войны по положению Кавказского комитета, утвержденному 25 июня 1867 года, семейным офицерам и нижним чинам разрешалось заводить оседлое хозяйство в местах дислокации их подразделений. Таким образом, в 1867–1869 годах в Кубанской области, Черноморском округе и Сухумском отделе было создано 36 полувоенных поселений, среди них на территории будущего Большого Сочи было образовано 14 солдатских слободок [10].

4 декабря 1869 года именным царским указом этим поселениям были присвоены официальные наименования, в том числе поселку нижних чинов 2-го Кавказского линейного батальона в урочище Ахштыр на реке Мзымте — Ахштыр [11].

1 января 1871 года солдатские поселки приобрели гражданский статус, и бывшие военные поселяне перестали получать из казны денежное пособие и провиант, что привело к быстрому распаду посёлков.

В течение 70-х — 90-х гг. XIX века в этих поселках в результате крестьянской колонизации Причерноморья изменился социальный и национальный состав населения. Следует отметить, что по указу 1866 года переселенцы получали по 30 десятин на хозяйство.

В 1877 году русским переселенцам разрешили заселиться в урочище Ахштырь на левом берегу реки Мзымты. Первые поселенцы появились здесь в 1889 году, однако по разным причинам они не прижились.

Массовое заселение деревни Ахштырь началось в 90-х годах XIX века [14]. Уже на 1 января 1901 года в ней проживало 183 русских и украинских переселенцев [18].

В 1902 году в Ахштыре было образовано самостоятельное сельское общество, а в 1903 году открыто сельское правление [2].

По мере роста населения деревни у жителей появилась потребность в удовлетворении своих духовных запросов, в том числе в строительстве храма.

В 1907 году на сходе граждан Ахштыря было принято решение о строительстве церкви, которая была заложена в том же году на фундаменте разрушенного средневекового культового сооружения [17]. Сохранилась и фотография храма дореволюционного времени (Рис. 1).

Рис. 1

В фондах Сочинского городского архива хранятся церковные метрические книги Свято-Никольской церкви селения Ахштырь, начиная

с января 1914 года. Это указывает на то, что Ахштырский храм был построен не позднее 1913 года и назван в честь Святого Николая Чудотворца [15]. Последняя метрическая запись, сделанная в этой церкви, датируется 20 мая 1920 года [16].

С установлением советской власти в Сочинском округе в 1920 году право регистрации актов гражданского состояния у церкви было отобрано и передано органам ЗАГС Сочинского райисполкома.

Последнее упоминание в архивных документах о Свято-Никольском храме в селении Ахштырь датируется 19 августа 1929 года. Тогда юриконсульт Сочинского райисполкома в своем заключении делает вывод о том, что здание церкви требует капитального ремонта. Он пишет, что религиозная община до сих пор ничего не сделала в плане ремонта. Это угрожает опасностью обрушения, в связи с чем до проведения ремонта религиозному объединению предлагается прекратить устройство богослужений и собрание верующих в церкви [13]. В 1930 году церковь Святого Николая Мирликийского была закрыта и затем разрушена [3].

Интересен для анализа и дендрологический факт, которому почему-то раньше не уделялось внимание. С двух сторон от входа в Ахштырский храм растут кипарисы, и больше их нет нигде в округе. Диаметр ствола одного из них более шестидесяти сантиметров, что говорит о его возрасте, превышающем сто лет. Аналогичная кипарисовая аллея окаймляет входную дорожку в храм Святого Ипатия (Гагрский храм Покрова Пресвятой Богородицы). В 1902 году храм Святого Ипатия реставрировали, его свод был перестроен [9]. Очевидно, в этот период были посажены кипарисы и у храма в Гаграх, и у храма в Ахштыре (Рис. 2).

Поскольку «в 1885 году Абхазская епархия становится Сухумской епархией и занимает большую территорию, простирающуюся от реки

Рис. 2

Ингур до Анапы» [6], то процессы возрождения христианства на этих территориях происходили синхронно. Это запечатлели фотографы при восстановлении церкви Симона Кананита в Новом Афоне (Рис. 3).

Рис. 3

Вышеизложенные факты говорят о том, что обе точки зрения не противоречат друг другу, а, напротив, составляют объективную историческую картину существования Ахштырского храма от Средневековья до современности. Находясь на перекрёстке межкультурных коммуникаций разных народов, Ахштырский храм является духовным наследием культуры абазин, греков, русских и других национальностей, вовлечённых в миграционный процесс этого геополитического пространства.

Не меньший интерес храм вызывает и у потомков садзов (джигетов), проживавших в этих местах в древности: «... известно, что в низовьях р. Мзымта, до возникновения в 1865 г. русского селения Ахштырь, были земли абазинского рода „Арыд“ („Аред“, „Ард“). Его имя, через зафиксированные на картах XIX в., в т. ч. и на карте

Дюбуа де Монпере, — топонимы „Ardocouaje“ („селение Арда“) и „Ardler“, послужило основой современного топонима „Адлер“ [12]. Эти факты сохранившегося архитектурного наследия предков вызывают большой интерес и положительную реакцию в социальных сетях абазинских интернет-ресурсов [5].

Во второй половине 1870-х именно в полосе древней христианской колонизации, сёлах Лесное, Галицыно и Высокое, обосновались греческие переселенцы — потомки византийцев из исторической области Понт (Черноморское побережье от Батуми до Синопа). «Они связали многие древние церкви с именами христианских святых, и сейчас в дни их памяти на руины храмов приходят люди и проводятся богослужения» [8].

Вопрос о дальнейшей судьбе древнего храма в посёлке Ахштырь остаётся открытым уже многие годы, ещё «4 ноября 2015 года, в день иконы Казанской Божьей Матери, собрались у развалин храма казаки Адлерского района, да и из других районов Сочи приехали казаки. <...> Люди принесли свои иконки и украсили ими и цветами разрушенные стены. Местный священник отец Сергей совершил молебен, окропил святой водой стены храма, казаков, сельчан, и только после молитвы начался серьёзный, взволнованный разговор. Всех волновал вопрос о разрушенном храме» [4]. Однако окончательно вопрос так и не решён до сих пор. Многие предложения о восстановлении, музеефикации, постройке нового храма поблизости от старого и прочие предложения ныне находятся в межведомственных согласованиях. Но свято место пусто не бывает, и в древнем храме регулярно продолжают праздничные богослужения жители посёлка Ахштырь (Рис. 4).

Рис. 4

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю., Елшин Д. Д. Кирпич в церковной архитектуре Закавказья IX–X вв. // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции (Москва, 21–25 апреля 2014 г.). – М., 2014. – С. 319–322.
2. Госархив Краснодарского края. Ф. 468. Оп. 2. Д. 220. Л. 55.
3. Гусева А. В. Дорога к храму. – Сочи, 2007. – С. 26.
4. Дмитриева Н. А. Храму — быть // Независимая народная газета Краснодарского края «Вольная Кубань». – 2015-11-26. – URL: <http://gazetavk.ru/?d=2015-11-26&t=13&s=17919>.
5. История Абхазо-Абазинского народа в фотографиях. – URL: https://www.facebook.com/groups/454899054662681/?ref=group_header.
6. История христианства в Абхазии // Официальный сайт Священной Митрополии Абхазии. – URL: <https://anyha.org/ab/istoriya-xristianstva-v-abxazii>.
7. Киселёв И. А. Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальным характеристикам. Методические рекомендации. 2-я редакция. – М. 1990.
8. Марков Н. И. По следам древней христианской колонизации (Византийские базилики на территории сочинского национального парка) // Архитектура Сочи. – URL: <https://arch-sochi.ru/2014/07/po-sledam-drevney-hristianskoj-kolonizatsii-vizantijskie-baziliki-na-territorii-sochinskogo-natsionalnogo-parka>.
9. Овеянный тайнами храм Святого Ипатия в Гагре // SPUTNIK Абхазия. – URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/analytics/20160223/1017283367.html>.
10. Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. – СПб, 1871. 1867. – Т. XLII. – С. 1032–1033.
11. Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Приложение. СПб., 1873. 1869. – Т. 44. – С. 775.
12. Раев Б. А., Беспалая Н. Е. Новые исследования раннехристианских храмов в Восточном Причерноморье. МИА Северного Кавказа. – Вып. 5. – Армавир, 2005. – С. 159–168.
13. Сочинский городской архив. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 404. Л. 40 – 40 об.
14. Сочинский городской архив. Ф. 19. Оп. 1. Д. 7. Л. 24.
15. Сочинский городской архив. Ф. 19. Оп. 2. Д. 49. Л. 1 – 1 об.
16. Сочинский городской архив. Ф. 19. Оп. 2. Д. 49. Л. 71 – 71 об.
17. Уездный издатель церковно-приходских школ Черноморской губернии. Новороссийск. – Май 1913 года. – № 64.
18. Управление архива муниципального образования город Новороссийск. Ф. 74. Оп. 1. Д. 4. Л. 66 об.

ХРИСТИАНСТВО НА ПОЗДНИХ ЭТАПАХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПЕРИОДА В СОЧИНСКОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Дмитрий Николаевич Марков — ведущий специалист отдела экологического просвещения и историко-культурного наследия, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Сочинский национальный парк», г. Сочи.

В период перехода от Раннего (конец V — середина XI века) к Развитому (середина XI — конец XIV века) Средневековью Абхазское царство постепенно перерождается в общегрузинское феодальное государство, окончательное оформление которого падает на последнюю четверть X века. В результате перемещения центра государственности и культуры далеко на восток Абхазия превращается в провинцию нового государственного формирования.

Данные процессы находят своё отражение и в абхазской архитектуре XI–XIII веков. В этот период активно строится множество небольших зальных церквей и создаются значительные монастырские комплексы. В определённой степени они затрагивают и Сочинский регион.

Храм на горе Ахун, возведённый в начале XI века, украшался резным по камню орнаментом, характерным для грузинских церквей того времени: Синатле, Кацхи, Сапара и др. [5].

Небольшой христианский храм на горе Сахарная Головка в Адлерском районе имеет архитектурные параллели в христианском зодчестве Абхазии и Восточной Грузии XI–XIV веков. В более позднее время к его апсиде по обеим

сторонам были пристроены два каменных склепа-оссуария, предназначенных для захоронений [3].

В указанный период христианство ещё продолжало распространяться в Сочинском регионе, только на этот раз не на приморской территории, а проникало в удалённые горные долины.

Мыс, образованный на месте впадения в реку Сочи правого притока Агвы, расположен на расстоянии 17 км от побережья. Здесь, на большой лесной поляне, люди обитали с древнейших времён, от неё расходились тропы в сторону перевалов Главного Кавказского хребта.

В этом месте не позднее XI века появилась небольшая зальная церковь. Сохранившиеся руины позволяют воспроизвести её внешний облик и пропорции. По своему прямоугольному наружному плану и внутреннему алтарному полукружию она напоминает восточно-грузинские храмы [10].

Долгое время считалось, что урочище Агуа — это единственный христианский анклав в удалённых горных районах.

Недавно в долине р. Восточный Дагомыс на значительном удалении от побережья были обнаружены остатки строения, отвечающего нормам

однонефного церковного здания. По своим конструктивным особенностям — вписанной апсиде, размерам и форме — оно обнаруживает значительное сходство с ближайшим к нему храмом в устье реки Агвы. Только в отличие от него с западной стороны просматриваются остатки площадки или нартекса [8].

Две последние церкви восточно-грузинского типа — это и последние «очаги» христианства не только в горных районах, но и на всей территории Большого Сочи.

С превращением Абхазии в провинцию Грузинского царства она стала периферийной территорией, которая и раньше отличалась невысокой степенью централизации и влияния власти на происходящие здесь процессы. Во многом они определялись политикой правящего слоя родовых сообществ, тесно связанного с Абхазией родственными узами, политическими или финансовыми интересами.

Ухудшение ситуации в Абхазии неизбежно усилило негативные тенденции во всех сторонах экономической и социальной жизни населения, проживавшего в границах Большого Сочи. Эпоха расцвета, пережитая им в Раннем Средневековье, в XI–XII веках закончилась. Пришли в запустение городища, развалились храмы, резко снизилось значение отгонного скотоводства. На смену крупным городищам пришли небольшие хутора с легкими деревянными постройками.

Несмотря на эти обстоятельства христианство ещё долго продолжало оставаться ведущей религией в тех районах Большого Сочи, где новая вера утвердилась достаточно прочно. Прежде всего к ним относится полоса древней христианской колонизации. Как показали раскопки, богослужения и погребения в храмах осуществлялись вплоть до Позднего Средневековья (XIV–XV века).

Такие выводы находят подтверждение в практике подкурганых захоронений. В отличие от западной части Северо-Восточного Причер-

номорья, где подобный погребальный обряд возник в XII веке, курганные могильники появились здесь одновременно с прекращением функционирования христианских храмов.

Но, как правило, такие процессы не бывают быстротечными. Полоса древней христианской колонизации тем и отличалась от других районов Сочи, что здесь несколько веков функционировало шесть христианских храмов. Помимо того, она была удалена от моря, находясь в своеобразном «тупике», ограниченном непроходимым ущельем Ахцу.

Последователей Христа, надо полагать, тоже оставалось немало. Возможно, у них имелись и свои священнослужители. На эту мысль наталкивает одна из легенд о Широкопокосной (Божьей Матери) пещере, бытующая среди жителей окрестных селений. В ней рассказывается о том, что «в тяжёлые времена христианства, когда пришли турки и насаждали другую веру, здесь прятались и жили монахи, с ними были иконы, и в том числе особо почитаемая икона Божьей Матери...» [2].

Жить длительное время в пещере из-за её труднодоступности и небольших размеров вряд ли было возможно, а вот выступать в роли места встреч и тайных молений христиан она могла. Так что легенда, скорее всего, отражает какие-то реальные события, происходившие в округе во время начавшейся исламизации в XVIII столетии.

Новые экономические условия и среда обитания «хутора вместо городищ» не способствовали укреплению влияния Церкви. Православное сознание угасало вместе с ветшанием и разрушением храмов, и население всё чаще обращалось к древним верованиям, создавая порой причудливую смесь из христианских символов и языческих культов.

В лесных массивах недалеко от населённых пунктов прибрежной полосы вновь стали появляться сакральные места проведения ритуалов, обрядов и жертвоприношений.

Рис. 1-1. Общий вид святилища с каменными стелами
Рис. 1-2. Культурный камень с жёлобом. (Фото из личного архива автора)

Одно из них обнаружено недалеко от южной окраины села Ахштырь на левом берегу реки Мзымты. Оно включало в себя два культовых элемента. Первый имел форму окружности, ограниченной небольшими камнями-кромехами, с размещёнными внутри неё стелами из необработанного песчаника (Рис. 1-1). Второй представлял собой камень-монолит, находящийся в 50 метрах к северу, длиной более трех метров и высотой 0,5 метра (Рис. 1-2). Это был выход материковой скалы, внешняя часть которой грубо обтесана, а центральная — выровнена. По её продольной оси проходит искусственный желоб диаметром 13 см. Подобная конструкция являлась жертвенным местом и указывала на существование здесь капища — простейшего языческого святилища, датированного второй половиной XIII – XIV в. [7].

Если камень и стелы свидетельствовали об их языческом назначении, то изображения, нанесенные на плиты из песчаника, выражали совершенно другую сущность.

Особый интерес вызывает самая крупная стела со схематическим изображением рыбы, «плывущей» в юго-восточном направлении (Рис. 2.). Оно выполнено с большой правдоподобностью, прорисованы даже глаз и плавники, хорошо видимые до настоящего времени [6].

Рыба по-гречески «ихтис», что соотносится с аббревиатурой теологически важного для ранних христиан утверждения: «Иисус Христос — Божий Сын Спаситель». Поэтому её знак и стал символом христианства.

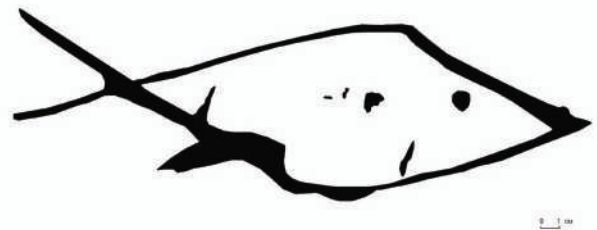

Рис. 2. Лежащая стела с обозначенным контуром плывущей рыбы и её схематическое изображение в виде рисунка. (Фото из личного архива автора)

На другом каменном изваянии прочерчен косоый крест (Рис. 3.). Побывавший на Кавказе английский путешественник Эдмонд Спенсер в своих исследованиях приводит свидетельства о наличии среди адыгов «андреевских» крестов (косоый крест, на котором был распят Андрей Первозванный) [12]. Местные жители утверждали, что «этот святой, или его последователи, обратили жителей в христианство...» [11].

На третьей стеле изображён петроглиф, включающий в себя слово ΡΣΝΟΣ, составленное из букв греческого алфавита, являющееся частью схематического рисунка одномачтового судна размерами 23 x 20 см (Рис. 4).

Рис. 3. Лежащая стела с прочерченным контуром креста. (Фото из личного архива автора)

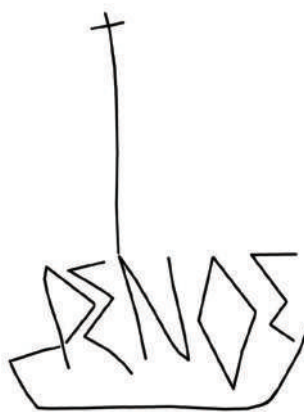

Рис. 4. Вертикально стоящая стела, на которой выбит рисунок. Схематический рисунок судна с мачтой в виде креста и слова, составленного из букв греческого алфавита. (Фото из личного архива автора)

По мнению представителя греческой общественной организации «Патрида» (пос. Красная Поляна) филолога М. Катанова, владеющего древнегреческим языком и особенностями греческих диалектов, «надпись обозначала слово **ΧΡΙΣΤΙΑΝΟΣ**, что переводится с греческого как христианин, а буквы в корабле подразумевают распространение греками-миссионерами своей религии на Черноморском побережье. Отсутствие гласных букв, таких как «I» и «A», объясняется тем, что в то время они нередко опускались. Вероятно, были причины отсутствия первой буквы «X» (возможно, она прикладывалась сверху). Буква «T» вытянута вверх над остальными буквами и выполнена в виде мачты, а возможно, и в виде креста как основного символа христианской веры. Предположительно такая стела могла являться своеобразным надгробным камнем и указывала на то, что тут захоронен христианин» [1].

Неподалеку от этого святилища обнаружена еще одна стела с христианской символикой. На небольшом хорошо обработанном песчаном блоке нанесено несколько знаков, отражающих христианскую тематику. Прежде всего это «свастика», представлявшая собой замаскированную форму ортодоксального креста [14]; «альфа» и «омега», первая и последняя буквы классического (ионического) греческого алфавита, и три разного вида «глаза» как «всевидающего ока Божия» [9].

Подобные рисунки на каменных плитах встречаются и в некоторых других местах обитания христианизированного средневекового населения Западного Причерноморья. То, что такое возможно, подтверждают различные символы, встречающиеся на дольменах в районе г. Сочи и рядом с ними. Это изображение лиры на камне с лунками рядом с корытообразным дольменом в Катковой щели, изображение треугольника с точкой в центре, змеи, обвивающей чашу, и мальтийского креста на дольмене в Мамедовой щели.

Все они относятся к основным символам, которые, по словам Климента Александрийского, дозволены христианам: «голубь, рыба, корабль, лира, якорь» [13]. Подобное смешение древних языческих и христианских верований было характерно для народов Западного Кавказа, особенно в Позднем Средневековье.

Восприняв мусульманство в XVIII — начале XIX века весьма поверхностно, черкесы продолжали приносить жертвы языческим божествам и поклоняться крестам в многочисленных священных рощах (Рис. 5).

Рис. 5. Большой праздник креста в священном лесу в присутствии большого количества черкесских князей — 28 июля 1818 г. (Литография Лайстери по рис. Тейтбу де Мариньи)

Живший среди горцев Кавказа в 30-х годах XIX века английский агент Джеймс Бэлл писал о том, «что многие из них даже в то время продолжали поклоняться крестам в священных рощах, совершали примитивные обрядовые действия во время, на которое выпадали такие христианские праздники, как Великий пост, Пасха (с её крашеными яйцами), Масленица и т. д.» [4].

И лишь в завершающий период Кавказской войны, когда мусульманство на Западном Кавказе закрепилось на мюридистской основе, после объявления газавата, «священной войны», уважение горцев к священным рощам и языческим богам уменьшилось, а кресты были уничтожены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Ананиади И. С. Информационное письмо в ФГБУ «Сочинский национальный парк» от СГГО «Греческое общество» п. Красная поляна «Патрида» // Архив отдела сохранения историко-культурного наследия ФГБУ «Сочинский национальный парк». – 2016.
2. Анастасиади Г. И. Сильные верой. О храме во имя великомученика Георгия Победоносца в селе Лесном. – Сочи: Типография «Лаки-Пак», 2015. – С. 21.
3. Армарчук Е. А. Раскопки христианского храма на горе Сахарная Головка под Адлером // Археологические открытия 2008 г. – М., 2011. – С. 235.
4. Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. – Т.2. – Нальчик, 2007. – С. 172.
5. Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. – С. 104.
6. Ендольцева Е. Ю. Изображение рыбы в фасадной пластике Абхазского царства: символика образа // Проблемы археологии Кавказа. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). – Сухум, 2011. – С. 170–178.
7. Крюков Д. С. Научный отчет «Археологические разведки в Адлерском районе г.-к. Сочи в зонах строительства объектов» // Архив управления по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края, № 300. – Краснодар, 2012. С. 37–43.
8. Кудин М. И., Глазов К. А., Кизилов А. С. Храм близ села Барановка – новый памятник христианской средневековой архитектуры // IX «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы исследования древних и средневековых поселений и могильников Западного Кавказа. Материалы международной археологической конференции (г. Анапа, 29–31 мая 2019 г.). – Краснодар, 2019. – С. 194–197.
9. Марков Д. Н., Кудин М. И. Изображения на стеле из песчаника близ п. Ахштырь // VII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Социально-экономическое развитие населения Западного Кавказа в древности и в Средневековье. – Краснодар. 2017. – С. 182–183.
10. Марков Н. И., Марков Д. Н. По следам древней христианской колонизации (Византийские базилики на территории Сочинского национального парка). – Сочи, 2015. – С. 21.
11. Остапенко Р. А. Элементы христианства в культуре адыгов по данным этнографических, лингвистических и археологических источников // Наследие веков. – 2019. – № 1. – С. 78–97.
12. Спенсер Эдмонд. Путешествие в Черкесию / Предисловие, перевод и комментарии Н. Нефляшевой. – Майкоп: РИПО «Адыгея», 1993. – С. 106.
13. Уваров А. С. Христианская символика. Часть I: Символика древнехристианского периода. – М., 1908. – С. 42.
14. Фрикен А., фон. Римские катакомбы // Памятники первоначального христианского искусства. Часть вторая. Надписи и символические изображения. – М., 1877. – С. 154.

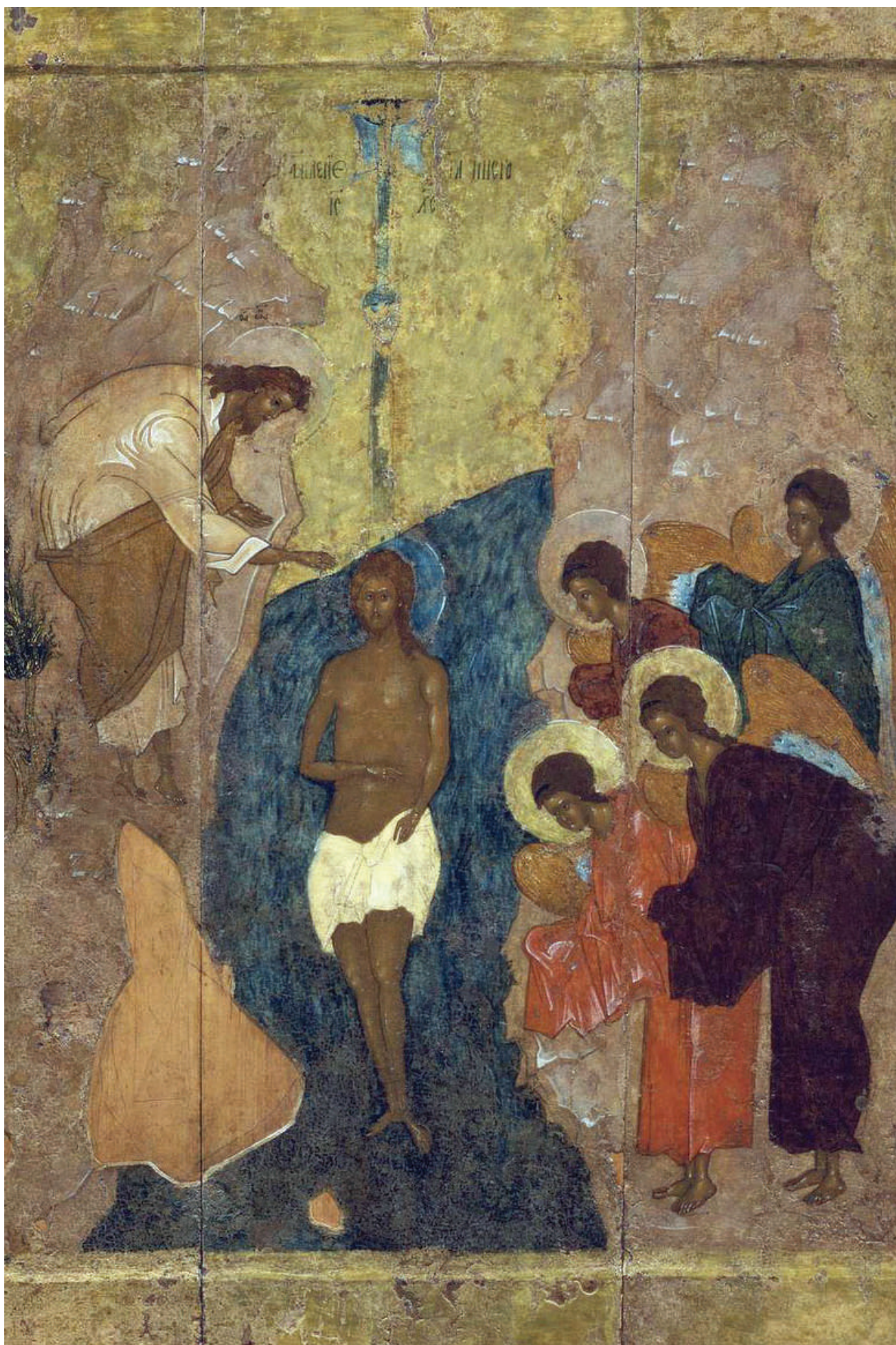

Β Ε Ρ Α

Праздник Богоявления	35
Диакон Роман Иванов	
«Последуя святым отцам...»	45
О критерии верности Православному вероучению	
Киприан Шахбазян	

ПРАЗДНИК БОГОЯВЛЕНИЯ

Диакон Роман Иванов — штатный клирик храма великомученика и целителя Пантелеимона г. Сочи.
Окончил Екатеринодарскую духовную семинарию
и Армавирский государственный педагогический институт.

Православный церковный календарь включает многие праздники, история которых превышает полторы тысячи лет. Самые главные, такие как Неделя или Воскресенье, день Святой Пасхи, и Пятидесятница, берут свое начало уже с первых дней христианской Церкви. Верующие христиане видят в этих торжественных днях молитвенное воспоминание священной истории жизни Спасителя, Богородицы, святых угодников Божиих. Именно в осознании и сопереживании этих важнейших моментов Церковь определяет главный смысл христианских торжеств.

Митрополит Иерофей (Влахос) так говорит в своей книге «Господские Праздники»: «Святая Церковь разделяет календарный год на этапы божественного Домостроительства и благословляет его, преподавая этим человеку возможность вкусить великой тайны вочеловечения Сына и Слова Божия» [6, с. 79]. А митрополит Вениамин (Федченков) в книге «Размышления о Дванадцятих праздниках» пишет: «Замечено людьми сведущими, что наши богослужения обладают великим сокровищем: и не только молитвенно-хвалебного характера, но и глубокого догматическо-нравственного содержания. По ним можно учиться и вере, и жизни. А за православность направления всего этого материала ручается, прежде всего, высокий авторитет составителей его — большей частью святых мужей...» [2, с. 392].

В нашей статье мы поговорим о празднике Теофании – Рождестве Христовом и Богоявлении-Крещении. Говоря об истории праздников Рождества Христова и Богоявления, мы сталкиваемся с уникальной ситуацией. Изначально праздник был один, а впоследствии он как бы раскрылся — разделился на два, в полноте преподавая каждое великое событие.

Верующие Востока и Запада три века праздновали 6 января Рождество Христово как Богоявление, и основное празднуемое событие относилось к Крещению Спасителя. Здесь требуется особое пояснение. Игумен Дионисий (Шленов), разъясняет: «В то же самое время отдельные христианские общины могли делать особые акценты, соотнося праздник Богоявления с теми или иными событиями из жизни Спасителя — с Рождеством, поклонением волхвов или Крещением. Праздник Богоявления был также праздником „светов“, хотя согласно византийской традиции, сложившейся позднее, это именование (Φῶτα) было усвоено ставшему самостоятельным празднику Крещения Господня» [3].

ИСТОРИЯ ПРАЗДНОВАНИЯ БОГОЯВЛЕНИЯ

Спаситель наш Иисус Христос, придя на берег реки Иордан для принятия крещения от Иоанна Предтечи, во исполнение пророчеств явился миру Сам. С небес Бог Отец засвидетельствовал о Нем как о Сыне. «В виде голубине» явлено было сошествие Духа Святого

на Сына. Доподлинно нам неизвестно то место, где крестился Спаситель. Но руководствуясь преданием, можно указать, что оно находится недалеко от города Иерихон, поблизости от устья Иордана.

Такие отцы и писатели Древней Церкви, как, например, Климент Александрийский, Ориген и свт. Афанасий Великий, касаясь изучения празднуемого события в своих произведениях, видели смысл праздника в Крещении Господа и определяли дату празднования 5–6 января. Также и Апостольские постановления в Богоявлении торжественно прославляют именно Крещение Господне: «Богоявления праздник да празднуют, понеже в тот день бысть явление Христова Божества, свидетельствовавшу Его Отцу в Крещении и Утешителю Святому Духу, в виде голубине, показавшу предстоящим свидетельствованного» [15]. Наш современник, историк, иподиакон Ю. И. Рубан, указывает на то, что «этот праздник имеет, вероятно, египетское происхождение и впервые упоминается Климентом Александрийским» [10]. Это первый праздник неподвижного годового круга с определенной установленной датой, принятый верующими христианского Востока.

Вплоть до 5–6 столетия Богоявление раскрывало большее содержание внутренних празднуемых смыслов. Это и явление Слова в мир — зачатие Господа от Святого Духа и Девы Марии. Это и Его Рождество в Вифлееме. Это и Иоанново крещение Господа в струях иорданских, когда Спаситель открылся израильтянам как Мессия и Сын Божий. Это явление Его божественной силы через совершение первого чуда на брачном пиру в Кане Галилейской и чудесное преумножение пяти хлебов (у христиан Африки). И только после принятия Восточной Церковью праздника Рождества Христова в римской традиции смысл праздника Богоявления раскрывает именно событие крещения Спасителя в водах Иордана.

В разные годы многие отцы Церкви не только упоминали о праздновании Богоявления, но и посвятили свои беседы, поучения, проповеди Великому событию праздника. Можно указать следующих: во II веке уже упоминавшегося Климента Александрийского, в III веке святителя Григория Неокесарийского, священномученика

Ипполита Римского. В IV веке стоит выделить Григория Нисского и Григория Богослова, Амвросия Медиоланского, святителя Иоанна Златоуста и Августина Блаженного. Кроме того, как пишет Гермоген Иванович Шиманский, богослужебную часть праздника своим славословием украсили: «В V в. святитель Анатолий, архиепископ Константинопольский, в VII в. святители Андрей Иерусалимский и Софроний Иерусалимский, в VIII в. святые Косма Маиумский, Иоанн Дамаскин и Герман, патриарх Константинопольский, в IX в. святой Иосиф Студит, а также песнотворцы Феофан и Византий — составили многие песнопения на праздник Крещения Христова, до сих пор воспеваемые Церковью в день праздника» [15].

Стоит отметить и особенности празднования Богоявления Церковью на Востоке и на Западе. На основании имеющихся в настоящее время источников игумен Дионисий (Шленов) пишет: «Богоявление праздновали 6 января в восточных провинциях и в Галлии, а 25 декабря — в Риме и Северной Африке. <...> На Западе праздник Рождества, длившийся в течение двух недель, завершался поклонением волфов, знаменовавшим явление воплотившегося Богочеловека языческому миру. Как известно, в западной традиции празднование Крещения, хотя и было введено после Рождества, не получило такого значения, как на Востоке. На Востоке шел обратный процесс: постепенно все в большем числе областей происходило перенесение даты Рождества Христова с 6 января на 25 декабря. Таким образом, в конце концов, и на Востоке, и на Западе пришли почти что к максимальной унификации в области верования и богослужения» [3].

Это полное единство в литургической практике в Византийской империи было достигнуто в V веке. Даже Армянская церковь (которая впоследствии вернулась к традиции празднования «Единого Богоявления-Рождества»), после Халкидонского собора некоторое время совершала отдельно празднование Рождества и Богоявления.

ИСТОРИЯ ПРАЗДНОВАНИЯ РОЖДЕСТВА

Праздник Рождества Христова, теснейше переплетаясь с историей Богоявления, праздновался христианами уже с первых веков. «Установление

празднования Рождества Христова относится к первым векам христианства. До IV века в Восточной и Западной Церкви праздник Рождества Христова праздновался 6 января, именовался Богоявлением и относился, собственно, ко Крещению Спасителя» [15].

Что касается времени происхождения указанных великих событий, то, как пишет исследователь данного вопроса игумен Дионисий (Шленов), «историко-литургические истоки праздника Рождества-Богоявления приоткрываются в связи с „внутренними“ причинами установления его даты. Она вычислялась, во-первых, путем прибавления определенного числа дней к дате Благовещения, почти что совпадавшего, как будет показано ниже, с Пасхой, и, во-вторых, через отождествление дня пришествия в мир Христа Спасителя, второго Адама, с днем творения Адама первого» [3].

Христиане отчасти унаследовали древнюю иудейскую традицию, которая заключалась в праздновании (поминании) дня кончины праведника, а не его дня рождения. Благодаря этому знание дня кончины позволяло определить и день рождения. Но сам день рождения, как та-

ковой и для древних иудеев, и для первых христиан не был празднуемой датой.

Во-первых, считалось, что рождению человека радоваться не стоит: скорби, болезни и утраты — его постоянные спутники до гроба. А если же и нет, и благополучие будет сопровождать его, то итог жизни у всех один. И, по словам Соломона: «Всему и всем — одно: одна участь праведнику и нечестивому, доброму и злому, чистому и нечистому, приносящему жертву и не приносящему жертвы; как добродетельному, так и грешнику; как клянущемуся, так и боящемуся клятвы. Это-то и худо во всем, что делается под солнцем, что одна участь всем, и сердце сынов человеческих исполнено зла, и безумие в сердце их, в жизни их; а после того они отходят к умершим. Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву» (Екклесиаст 9:2-5). Поскольку подавляющее большинство первых христиан были представителями иудейской диаспоры, ветхозаветное отношение ко дню рождения было в порядке вещей. Держась обычаев своих предков, они из благочестивых побуждений его не праздновали.

Во-вторых, в Библии упоминаются дни рождения явно отрицательных деятелей. «Первым Библия упоминает день рождения некоего безымянного фараона (Быт. 40:20). Правда, это был „хороший“ фараон, возвысивший Иосифа, но позднее египетские цари стали губителями еврейского народа, и само слово „фараон“ превратилось в одиозную кличку» [10]. Это и нечестивый царь Сирии Антиох IV Епифан, власть которого во втором веке до Р. Х. распространилась на Палестину и который, пользуясь этой властью, заставлял иудеев отречься от веры отцов и закона Моисея, преследуя и убивая непокорных. И, конечно, день рождения галилейского царя Ирода Антипы — это день смерти Иоанна Предтечи, когда Ирод после обильного возлияния вином дал хвастливую клятву Саломее.

Таким образом, и для иудеев, и для верующих древней христианской Церкви Востока упомянутые выше личности не являлись примером для подражания. Соответствующее отношение было и к празднованию дня рождения. Христиане вообще считали, что день рождения — это день кончины того или иного христианского мученика. «Мы празднуем, — говорится в мученических актах св. Поликарпа Смирнского, — день рождения мучеников в память тех, которые пострадали, и в назидание и укрепление тех, которые страдают» [Цит. по: 13, с. 225].

В начале III века обстановка изменилась: значительная часть членов христианской общины состояла из людей разных национальностей и родившихся в христианстве. Эти люди становятся основой Церкви, широко и успешно распространяя проповедь Евангелия в языческой среде. «Для этой части членов Церкви отрицательный взгляд диаспоры на день рождения был непонятен, — отмечает Николай Дмитриевич Успенский, — и вот когда Ориген еще увещивал христиан не праздновать день рождения, Климент Александрийский († около 210) писал, что есть люди, которые с тщательностью стараются определить не только год, но и день рождения Спасителя нашего. Из этих слов Климента видно, что в его время в среде христиан уже существовал живой интерес ко дню рождения Христа» [Цит. по: 13, с. 226].

Те бывшие язычники, которые вошли в Церковь в IV веке, особенно в западных областях,

относились ко дню рождения совершенно иначе. Римляне изначально очень торжественно отмечали и день рождения императора, и свой собственный. Профессор Ф. А. Смирнов по этому поводу пишет: «Римляне, по свидетельству Цензорина, чтит в день своего рождения гения, называемого *genius natalis*, потому что каждый человек вверен его покровительству. Римское государство было полным выражением пантеистического эгоизма в императоре и подданных. День рождения у римлян был предметом высочайшего чествования. Для римлянина не было большей клятвы, как уверение, что известное событие так приятно ему, как сладок день его рождения» [11]. Конечно, при таком отношении и празднование Рождения Христа — Сына Божия становится важным и логично вписывается в мировоззрение западных христиан. Ю. И. Рубан, отмечает, что, «вероятно, римляне праздновали Рождество Христово уже в начале III века, а в следующем столетии его фиксируют сохранившиеся письменные источники» [10].

Отдельно стоит остановиться на том, что декабрьское празднование Рождества и его по-празднство совпадают с языческим праздником Солнца и календами января, с ним связанными. Г. С. Битбунов в своей работе пишет: «Подобно тому, как январский день Богоявления (6 января) „совпал“ по времени с аналогичным праздником гностиков, так и декабрьский день Рождества (25 декабря) отмечался в одно время с римскими языческими торжествами. Данное сопоставление Рождества Христова и солнца, особенно тогда, когда Рождество стало устойчиво праздноваться 25 декабря, на третий день после зимнего солнцестояния (22 декабря), явилось своеобразным ответом-вызовом христиан на языческое празднование в честь непобедимого солнца (*sol invictus*), введенное в Риме по указу императора Аврелиана в 274 году» [1, с. 64]. Таким образом, можно утверждать, что Западная Церковь в установлении в III веке праздника Рождества Христова видела в том числе и обличение суеверности язычества.

Проникновение праздника Рождества на Восток начинается во второй половине IV века. Можно сказать, что «римский» праздник, посвященный конкретно Рождеству Бога Слова, в Восточной Церкви приживался с трудом.

И на это есть свои веские основания. В своих лекциях профессор Н. Д. Успенский указывает две основные причины: 1) традиционное негативное отношение ко дню рождения в иудейской традиции (уже указанное нами выше), 2) из опасения, что в Рождестве Христовом язычество увидит прямой аналог своих мифов о рождении богов. И для христиан Востока того времени это были чрезвычайно острые вопросы.

Кроме того, введению в церковную жизнь празднования явления Бога Слова во плоти на Востоке долгое время препятствовали сильные оппозиционные партии еретиков — ариан, а позже монофизитов. Поскольку ариане отрицали сам факт единосущия Отца и Сына и усматривали в Троице «многобожие», то и рождение во плоти Бога Слова было для них «язычеством». А для монофизитов, считавших, что Божественная и Человеческая природы Христа не могут равночестно в нем сосуществовать, и придерживавшихся абсолютного ветхозаветного монотеизма, мысль о рождении Сына Божия во плоти — страшное богохульство.

Но восточные сторонники Православия видели в праздновании Рождества утверждение догмата воплощения Христа, Сына Единородного. «Это новое значение праздника прекрасно отражено в гимнах св. Ефрема Сирина. В них святой песнописец исповедует Божественную природу родившегося Христа — Сына Божия. Он говорит, что в утробу непорочной Девы вселился Тот, Кого не может вместить весь мир...» [13, с. 230].

Укажем также на установление празднования Рождества в Константинопольской, Иерусалимской, Антиохийской и Александрийской Церквях. Г. С. Битбунов так говорит о «римском нововведении»: «Праздник Рождества Христова, отмечающийся 25 декабря, оказался столь убедительным и важным, что в течение IV–V вв. он был принят повсеместно не только на Западе, но и на Востоке, включая самые отдаленные страны — Сирию и Армению» [1, с. 73].

Подводя краткий итог установлению празднования 25 декабря обособленного Рождества, игумен Дионисий (Шленов) свидетельствует: «Таким образом, отдельное празднование Рождества было установлено в Антиохийской

Церкви (не ранее 376–377 г.), в конце 370-х гг. — в Константинопольской Церкви, вслед за ней в малоазийских Церквях, и позднее — в Александрийской (в нач. 430-х гг.)» [3]. Последней же отдельное празднование Рождества Христова 25 декабря (от празднования Крещения 6 января) восприняла Иерусалимская Церковь — только в VII веке.

Как мы видим, установление Рождества как отдельного праздника было не простым. Многие отцы и писатели Церкви в годы становления обособленного празднования Рождества Христова в декабре посвятили свои проповеди, беседы и поучения не только великому событию, но и его защите. Игумен Дионисий (Шленов) в своем исследовании указывает на проповеди свт. Григория Богослова и Григория Нисского, свт. Амфилохия Иконийского, св. Прокла Константинопольского. Святитель Иоанн Златоуст в конце IV века в своей проповеди называет рождественский праздник «самым почитаемым и священным из всех праздников» [1, с. 70]. А митрополит Вениамин (Федченков) отмечает вклад следующих святых отцов в Церковное гимнотворчество праздника Рождества: «великие гимнотворцы святые Герман, Иоанн Дамаскин, Косма Маюмский, Андрей Иерусалимский» [2, с. 248].

СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ ПРАЗДНИКА РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Событие, которое мы празднуем в день Рождества Христова, переносит нас в самое начало земной жизни Господа и Спаса нашего Иисуса Христа. В основе праздника — явление Спасителя во плоти. О начале Евангельской истории мы читаем у двух евангелистов — апостолов Матфея и Луки. Само событие рождения и его предыстория наиболее подробно описаны евангелистом Лукой. Он повествует нам о том, что Святое семейство, потомки Давидовы, будучи обязанными явиться в свой родовой город на перепись, объявленную императором, отправляются в Вифлеем. Придя туда и не найдя места для поселения ввиду многолюдства, они вынуждены остановиться в загоне для домашних животных — пещере, где и произошло славное и важнейшее событие Домостроительства Божия: настало время родить Марии. Пришедший в мир Спаситель был спеленут

и уложен в кормушку для скота: «И было в те дни: от императора Августа вышел указ о том, чтобы по всей Вселенной шла перепись. Это была первая перепись, когда наместником Сирии был Квириний. Все шли на перепись, каждый в свой город. Направился также Иосиф из Галилейского города Назарета в Иудею, в Давидов город, именуемый Вифлеем, потому что был он из рода и дома Давида. Он шёл на перепись вместе с обручённой ему Марией, Которая ожидала ребёнка. И вот, когда они находились там, пришло Ей время для родов, и родила Она Сына Своего, первенца, и спеленала Его, и положила в ясли для скота, потому что на постоялом дворе не нашлось для них места» (Лк. 2:1–7).

Мученик Иустин Философ, живший во II веке, впервые упоминает о Рождении Христа именно в пещере, а когда жил Ориген, эта пещера была всеобщим объектом осмотра и поклонения.

При Константине Великом, после окончания гонений на христиан, императором был установлен храм, описанный древним историком Евсевием, отмечает Г. С. Битбунов. Он же указывает на то, что «эта пещера, как считают многие авторы, находилась в горе, которая стала соотноситься с самой Богородицей, а пещера — с ее чревом, вместилищем Невместимого Бога. По другому толкованию, пещера понимается как темное место, означающее собою падший мир, в котором воссияло Солнце правды — Иисус Христос» [1, с. 65].

Пресвятая Дева родила Младенца безболезненно, Сама спеленала Его, оставшись при этом Приснодевой. Святитель Дмитрий Ростовский, в Житиях Святых за декабрь, посвященных празднику, так подводит краткий итог рассмотрения этого Евангельского места: «Итак, Иосиф не только не познавал Марию как жену свою до тех пор, когда Она родила Сына своего первенца, но и после рождения Богомладенца Она осталась нетленною Девой, как о том согласно свидетельствуют все великие учителя церковные» [4].

Первыми удостоились чести поклониться Младенцу Господу Иисусу Христу простые пастухи, ночевавшие неподалеку у своих стад. Из уст явившегося им Ангела Господня они услышали: «И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам

великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь; и вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях» (Лк. 2:10–12). Тишина ночи, когда весь человеческий род был во власти глубокого греховного сна, была оглашена великим ангельским славословием: «И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» (Лк. 2:14), — запечатлевающим величие и громадное значение событий Рождественской ночи.

Эта весть о воплотившемся Боге и приход в мир Господа нашего Иисуса Христа — уникальное и ни с чем не сравнимое событие. Весь масштаб и грандиозность заключены в том, что явился Бог Израиля, о котором столько говорили пророки и который воспринимался израильским народом неотделимо от его Божественных Свойств и Качеств, «которые мыслятся с непререваемым страхом Творца неба и земли, могущественного и непознаваемого» [12]. Причем это воплощение и явление Христа для спасения не только израильтян, но и язычников. Митрополит Иерофей (Влахос) в своей книге «Господские Праздники» вспоминает слова святителя Иоанна Златоуста о том, что Рождение Иисуса Христа «по плоти» есть митрополия всех праздников. Здесь же он указывает: «За Рождеством следуют все остальные Господские праздники — Богоявление, Преображение, Страдания и Распятие, Воскресение и Вознесение. Без Рождества не было бы Воскресения, а без Воскресения не исполнилась бы цель божественного воплощения» [6, с. 36]. Мы, через свидетельство апостолов и святых отцов, через торжественную службу Церкви становимся свидетелями небывалого, необъяснимого ни с чем не сравнимого Чуда, пришествия Спасителя: «Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася» [14, с. 161].

Подводя итог нашему повествованию о смысле и значении праздника Рождества Христова, приведем окончание Слова святителя Иоанна Златоуста: «Бог родил нетленно и бесстрастно, то поэтому ныне происшедший из страстного тела сохранил страстное тело бесстрастным,

чтобы показать, что, как родившийся от Девы не нарушил девства, так и Бог, без исления и изменения и святого естества Его, родил Бога боголепно, как Бог. И так как люди, оставив Его, изваяли человекообразных истуканов, которым и служили к оскорблению Создателя, то поэтому ныне Слово Божие, будучи Богом, явилось в образе человека, чтобы и ложь уничтожить, и богопочтение обратить незаметным образом на Себя Самого. Будем же воссылать славу Христу, сделавшему неудобное удобным, с Отцом и Святым Духом ныне и присно, и во веки веков. Аминь» [7].

СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ ПРАЗДНИКА БОГОЯВЛЕНИЯ

Празднуемое нами в день Богоявления Событие — Крещение нашего Спасителя, Господа Бога Иисуса Христа в Иорданских водах святым Иоанном Предтечей. Тот важнейший факт, что в момент крещения явлена была Пресвятая Троица, послужил основой названия — Богоявление. Евангелисты очень живо описывают это событие: Мф. 3:13–17; Мк. 1:9–11; Лк. 3:21–22; Ин. 1:33–34.

Евангелисты повествуют нам, как Спаситель, придя на иорданский берег, крестится Иоанном Предтечей. В момент выхода Христа из воды как голубь на него снисходит Дух Святой. Бог Отец велегласно удостоверяет о Нем. Прекрасно приоткрывает ни с чем ни сравнимое внутреннее содержание праздника его тропарь: «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи, Троическое явися поклонение: Родителей бо глас свидетельствоваше Тебе, возлюбленного Тя Сына именуя, и Дух в виде голубине известоваше словесе утверждение. Явлейся, Христе Боже, и мир просвещей, слава Тебе» [8, с. 241].

Само крещение Христа является важнейшим фактом в истории Промысла Божия о спасении людей. Начиная свое земное служение в возрасте 30 лет, Иисус из Назарета, будучи безгрешен, смиренно принимает крещение, как все люди, ищущие покаяния и ожидающие прихода Мессии. Спаситель тем самым не только исполняет «всякую правду» Ветхого Завета, но и освящает Новозаветное Таинство Крещения. Гермоген Иванович Шиманский раскрывает смыслы через основные выдержки богослужебных текс-

тов так: «Христос является на Иордан, прося Крещения, один среди всех естеством Безгрешный, чтобы как Агнец Божий, взявший на Себя грехи всего мира, в воды Иорданские погрузить и наше множество безмерных прегрешений, очистить в Себе наши грехи, подобным очищая в Крещении подобное. Через Его безгрешное омовение распространилось очищение на все грешное человечество. Человеколюбец Христос приходит на Иордан, чтобы, обновляя обветшавший прегрешениями мир, сотворить людям чудное рождение и сыновство водою и Духом, возвести человечество к первообразному состоянию, „обновляя паки бытием“. Обновляет и назидает (воссоздает) нас водою и Духа обновлением чудным, Единый Благодетель. <...> Погружением Своим в воды Иордана Господь освятил „все естество вод“ и всю землю. Присутствие божественной силы в водном естестве наше тленное естество (через Крещение) преобразует в нетленное. Действие Крещения простиралось на все человеческое естество» [15].

Во время Крещения Спасителя в Иордане человечеству было открыто настоящее почитание Бога. Теперь то, о чем люди могли только догадываться, — тайна Бога Троицы, Единого в Трех Лицах, — явлено, открыто всему миру.

РАЗЛИЧНЫЕ ЭОРТОНИМЫ ПРАЗДНИКОВ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА И БОГОЯВЛЕНИЯ

В своем исследовании, посвященном Рождественскому циклу, иподиакон Георгий Рубан настаивает на том, что праздники христиан — это ни в коем случае не просто памятные даты (тем более что точные даты рождения Иисуса Христа и Его распятия нам не известны). Но они являются для нас «фактическим исповеданием веры. <...> Рождение Христа <...> составляло один из основных, если не самый основной догмат веры. Родившийся Христос — это явление Бога во плоти. Около Его рождения от Девы вращается вся надежда и вся жизнь Древней Церкви» [10]. Поэтому для нас особенно важно проследить развитие эортонимов праздников. Под эортонимом понимается имя собственное, обозначающее церковные праздники.

Будучи изначально одним торжественным событием, и в наши дни Рождество и Крещение сохраняют праздничное единство. Предшествуют

празднику Рождества Христова и Богоявления особые дни, именуемые Кану́н или Навечерие. В народе эти дни строгого поста называют Сочельником, или Сочевником. Такое необычное название идет от блюда: «сочиво обварено, коливо, или кутия́, с медом». Только это яство, состоящее из вареной пшеницы (риса или другого злака) с мёдом (сахаром), украшенное фруктами (сухофруктами), допускается вкушать Церковным уставом. Таким образом, канун праздников имеет следующие названия: «Навечерие Рождества Христова» («Рождественский сочельник») и «Навечерие Богоявления» («Крещенский сочельник»).

Дни между праздником Рождества Христова и Крещенским Сочельником называются Святками. Святки, они же святые дни, также именуются святыми вечерами. Особое отношение к этим 12 дням после Рождества появилось в Церкви с IV века. В соответствующем разделе энциклопедии ресурса «Азбука веры» мы находим: «Святить двенадцать дней после Рождества Церковь начала с древних времен. Указанием на это могут служить 13 бесед св. Ефрема Сирина, произнесенных им от 25 декабря по 6 января, а также слова св. Амвросия

Медиоланского и св. Григория Нисского. Древность установления празднования святков подтверждается церковным Уставом преподобного Саввы Освященного († 530 г.), по которому в дни святков не положен пост, а также не совершаются коленопреклонения; запрещено также браковенчание. То же подтверждено кодексом Юстиниана (535 г.)» [9].

К сожалению, святость этих дней нарушалась и нарушается суевериями и гаданиями, уцелевшими анахронизмами язычества, дошедшими и до наших дней. Однозначно против этих варварских обычаев выступают отцы VI Вселенского собора в правилах за номером 61 и 62. Кроме того, в эти святые дни Церковь отменяет пост в среду и пятницу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как прекрасно определили великую тайну Боговоплощения и вочеловечения отцы Древней Церкви: «Бог стал Человеком, чтобы человек мог стать богом».

Рассмотрев историю появления и развития праздников Рождества Христова и Богоявления, мы видим, как Святая Церковь постепенно, через установление праздничных богослужений

приобщает христиан к осознанию, осмыслению и переживанию различных этапов Божьего Домостроительства. Будучи издревле единым праздником, Рождество и Богоявление сохраняют единство и сегодня. Произошло выделение одного из празднуемых событий, с сохранением неразрывной связи, для более полного раскрытия смыслов и достойного торжественного почитания. В службе праздников мы находим и сочетание Евангельского повествования о Рождестве и Богоявлении с экзегезой святых отцов; и исповедание догматов о Воплощении Христа и явлении Троицею Бога; и указание на исполнение пророчеств о Спасителе и Матери Божией; и призыв ко всем верующим подражать благочестивым пастухам и разумным волхвам, чтобы стяжать благодать Святого Духа и через это познать Бога и возлюбить Его.

Явление Бога во плоти по праву считается величайшим фактом, общепринятым универсальным

событием, послужившим точкой отсчета истории всего мира. Это самое важное явление стало фундаментом, пограничным камнем, который навсегда разделит историю всего мира на «до и после Рождества Христова». Как мы знаем, сейчас христианская эра является общепринятой в мире (официально — в документах ООН).

А важность Богоявления для каждого человека, для каждого из нас, в духовном и нравственном плане, замечательно выразил свт. Игнатий (Брянчанинов): «Братия, будем благоговейными и деятельными слышателями Слова Божия! Окажем повинование Отцу Небесному, Который сегодня возгласил к нам из святого Евангелия о всесвятом Своем Слове: „Сей есть Сын мой возлюбленный, о Нем же благоволих, Того послушайте“ (Мф. XVII:5). Того послушаем! Того послушаем! и благоволение Отца Небесного почиет над нами во веки веков. Аминь» [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Битбунов Г. С. Дванадцатые праздники (историко-литургическое описание). – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2011.
2. Вениамин (Федченков), митр. Размышления о дванадцатых праздниках. От Рождества Богородицы до Сретения Господня. – М.: Правило Веры, 2008.
3. Дионисий (Шленов), игумен. Празднование Рождества и Крещения согласно древним свидетельствам и памятникам полемической письменности середины XI века // Научный богословский портал Богослов.ру. – URL: <https://bogoslov.ru/article/373000>.
4. Дмитрий Ростовский, свт. Жития Святых. Декабрь // Портал «Азбука Веры». – URL: https://azbyka.ru/otchnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/1134_22.02.2020.
5. Игнатий (Брянчанинов), свт. Аскетическая проповедь // Интернет-портал «Азбука Веры». – URL: https://azbyka.ru/otchnik/Ignatij_Brjanchaninov/asketicheskaya_propoved.
6. Иерофей (Влахос), митр. Господские Праздники / Перевод с новогреческого Дмитрия Гоцкалюка. – Симферополь: Таврия, 2002.
7. Иоанн Златоуст, свт. Слово на Рождество Спасителя нашего Иисуса Христа // Интернет-портал «Азбука Веры». – URL: https://azbyka.ru/otchnik/Ioann_Zlatoust/na_rozhdest/.
8. Минея. Январь. Ч. 1. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002.
9. Православная энциклопедия «Азбука веры». Святки // Портал «Азбука Веры». – URL: <https://azbyka.ru/svyatki>.
10. Рубан Г. Ю. От Рождества до Сретения // Интернет-портал «Азбука Веры». – URL: <https://Azbyka.Ru/Forum/Xfa-Blog-Entry/От-Rozhdestva-Do-Sretenija.2146>.
11. Смирнов Ф. А. Происхождение и значение праздника Рождества Христова // Интернет-портал «Азбука Веры». – URL: https://azbyka.ru/otchnik/Istoriya_Tserkvi/proishozhdenie-i-znachenie-prazdnika-rozhdestva-hristova.
12. Ткачев Андрей, протоиерей. Рождество Христово: «до» и «после» // Портал «Православие.ру». – URL: <http://www.pravoslavie.ru/38029.html>.
13. Успенский Н. Д. История и значение праздника Рождества Христова в Древней церкви. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006.
14. Часослов. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2009.
15. Шиманский Г. И. Литургия, учебное пособие для Духовных Семинарий // Интернет-портал «Азбука Веры». – URL: https://azbyka.ru/otchnik/Germogen_Shimanskij/liturgika/9_2.

«ПОСЛЕДУЯ СВЯТЫМ ОТЦАМ...»

О КРИТЕРИИ ВЕРНОСТИ ПРАВОСЛАВНОМУ ВЕРОУЧЕНИЮ

Киприан Геворкович Шахбазян — заведующий отделом «Вера» журнала «Ортодоксия. Вестник Сочинской епархии».

Поводом к данной статье послужила размещенная на сайте «Благовест» информация, что 17 апреля 2019 года в рамках исследовательского семинара «Религия в эпоху digital», организованного магистерской программой «Философия и история религии» НИУ ВШЭ, был прочитан доклад на тему «Как в современном православии произошла реформация, но ее никто не заметил?» [7]. С докладом выступил Андрей Шишков, бывший на тот момент руководителем секретариата Синодальной библейско-богословской комиссии Русской Православной Церкви, преподавателем Общецерковной аспирантуры и докторантуры (ОЦАД). Сразу скажем, что почерпнутая из сообщения сайта информация кажется нам свидетельствующей о весьма спорной (говоря мягко) богословской позиции высокопоставленного докладчика. Впрочем, ныне автор доклада закономерно, как мы покажем, лишен своих должностей и имеет, наконец, достаточно времени, чтобы вполне посвятить себя чуждому Церкви способу богословствования, — ростки которого просматриваются в его докладе и приводимых нами ниже текстах, — богословствования, показательно именуемого им «Темной теологией» [8].

Докладчик начал словами: «Сегодня православие зачастую воспринимается как что-то архаичное, говорят о необходимости реформ, о том, что нужен некий аналог II Ватиканского собора. Подобные ожидания были связаны со Всеправославным собором на Крите, но он оказался ультраконсервативным. Все уже отчаялись...» [7].

Не знаем (хотя догадаться, наверное, возможно), кто такие эти «все отчаявшиеся», воспринимающие православие как нечто архаичное и говорящие о необходимости реформ, аналогичных реформам II Ватиканского собора, и входит ли в их число сам докладчик. (Это, кстати, как и представление о Критском

соборе как «ультраконсервативном», было уже странно, с учетом занимаемой на тот момент Шишковым должности, поскольку документы Критского собора были подвергнуты Русской Православной Церковью критике и отвергнуты на Архиерейском соборе 29 ноября — 2 декабря 2017 года отнюдь не за «ультраконсерватизм».) Важно, что, сообщив о несбывшихся надеждах неких богословов, относящих себя к православию, на Критский собор как, увы, не аналог II Ватиканского, докладчик артикулировал чаяния реформ, обычно так откровенно не высказываемые. Вместе с тем он заявил, что, однако, в некотором смысле о «реформации в православии» сказать можно:

«В XX веке в православии уже произошла реформация, которую можно сравнить в каких-то аспектах с протестантской Реформацией XVI века» [7].

Взглянем, что же это за «реформация»:

«По словам А. Шишкова, в основе “православной реформации” (не реформ, подчеркнул он) лежит неопатристический синтез: богословское течение, “пробившееся” снизу, на уровне религиозной практики и богословских школ, и восходящее к отцам-основателям — русским эмигрантским богословам протоиерею Георгию Флоровскому и Владимиру Лосскому. “Вперед к отцам!” — этот девиз о. Георгия Флоровского только на первый взгляд кажется парадоксальным: он означает поворот к святоотеческому наследию, которое необходимо “актуализировать в современности”. Как пояснил докладчик, этот поворот был мотивирован желанием уйти от “западного пленения православного богословия” и “вернуться к корням”. “Корни” ассоциировались, в первую очередь, с паламизмом XIV в., который воспринимался как “золотой век”, вершина православного богословия» [7].

Девизом этой «православной реформации» стала, по словам докладчика, формула «только отцы» (аналогичная протестантской формуле «только Писание»):

«Подобно тому, как Лютерова Реформация была ведома девизом “Только Писание (Sola Scriptura)”, с середины XX века в православном богословии звучало “Только отцы”: святоотеческая экзегеза “затмила” Священное Писание; любые богословские тезисы, как и официальные церковные документы по всему миру, должны были подкрепляться цитатами из св. отцов; ведущие духовные школы стали проводниками и популяризаторами неопатристики и т. д.» [7].

Ознакомившись с публикацией, мы решили посмотреть и видеозапись [4] выступления Шишкова, чтобы получить более ясное и подробное представление о его содержании.

Главным образом внимание докладчика сосредоточено на том, что может считаться в православии авторитетом, а также каковы методы богословствования в православии. Говоря о «неопатристике» (прежде всего — о прот. Флоровском) Шишков говорит:

«Главная идея Флоровского заключалась в том, что мы сегодня как богословы должны искать опору нашего богословия в первую очередь в трудах святых отцов, но при этом их актуализировать в современности. Сейчас вопрос спорный, удалось ли самому Флоровскому это сделать или нет. Во всяком случае, сам Флоровский считал себя последним отцом и рассматривал всю эту историю как некоего рода преемственность» [4, 7:50–8:31].

Однако претензии Шишков выдвигает не только и не столько прот. Флоровскому, сколько его последователям:

«Дальнейшие поколения богословов не могли удержать эту планку, которую задал Флоровский, и “вперед к отцам” превратилось в “назад к отцам”. Православное богословие резко повернулось в прошлое» [4, 8:31–8:44].

Проблемой «дальнейших поколений, не удержавших планку», оказывается, согласно Шишкову, то, что

«святые отцы затмили Священное Писание, поскольку священное Писание рассматривается, благодаря неопатристическому подходу через экзегезу святых отцов в первую очередь» [4, 10:30–10:50].

Это «затмение» влечет за собой очевидное Шишкову следствие:

«Авторитет — это святые отцы. И если какие-то решения церковные в настоящем не совпадают, по его (последователя прот. Флоровского — К. Ш.) мнению, со святоотеческими суждениями, их можно легко оспорить. И фактически получается, что каждый богослов-неопатрист — он сам себе авторитет, и он сам себе определяет: что — ортодоксия, а что — ересь» [4, 11:50–12:20].

Такой подход, по мнению докладчика, «наблюдается в гипертрофированном виде в среде православных фундаменталистов, которые ищут разные ереси. В том числе они подвергают сомнению решения церковных соборов». Из недавнего прошлого докладчик привел в качестве показательного примера «Критский собор и его решения, которые были подвергнуты жесточайшей критике среди православных фундаменталистов, не только русских, но и греческих». Докладчик заметил, что для греческих фундаменталистов решения Критского собора должны бы были быть обязательными, ибо греческоязычные Церкви участвовали в Соборе,

«но для них церковная действующая иерархия перестает восприниматься как источник вероучительного авторитета. Этим авторитетом становятся исключительно писания святых отцов» [4, 12:21–13:28].

Далее Шишков говорит, что, в отличие от принципа *solò scripturà*, ограниченного небольшим числом текстов Писания, творения отцов «безграничны, и там можно найти совершенно диаметрально противоположные подходы». Таким образом, на взгляд докладчика, встает вопрос, «как определять, какой подход выбрать. И получается, что каждый богослов выбирает самостоятельно, тем самым фактически утверждая автономию, становясь автономным богословствующим субъектом, говорящим не от какой-то церковной институции (под „институцией“ докладчик понимает не только иерархию, но и любого чела при должностишке — К. Ш.), говорящим не из традиции, а конструирующим эту традицию самостоятельно». Это Шишков называет «вполне себе современным явлением» [4, 13:30–14:42].

Выступление Шишкова предлагает слушателям нечто, существенно искажающее традиционный взгляд Церкви на богословие. Дело, очевидно, в том, что его собственное понимание церковного учения о самой возможности «говорения из традиции» лишено отчетливости.

Хотя что-то Шишков, кажется, мог бы попытаться сообразить. Процитированные мною слова: «православное богословие резко повернулось в прошлое» не являются окончанием фразы. Далее Шишков делает оговорку: «хотя оно всегда тяготело к этому» [4, 8:44–8:55].

С этим трудно не согласиться... Вроде, действительно, всегда тяготело. Сам Спаситель цитировал Писание. Апостолы ссылаются и на Ветхий Завет, и, как свидетели, приводят слова Спасителя. Их ученики — уже и на апостолов, как свидетелей, и их последователи не должны противоречить этой традиции. По слову св. ап. Павла: если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да бугет анафема (Гал. 1:8).

Но как же теперь?

В статье *Eastern Orthodoxy, Conservatism, and (Neo)Palamite Tradition in Post-Soviet Russia* [13], предложенной участникам семинара в качестве материала, с которым желательно ознакомиться прежде слушания доклада как содержащего аргументацию, на которой основывается его выступление, Шишков констатирует:

«сам неопатристический синтез трансформировался, и благодаря влиянию патрологии он перешел от энтузиазма “вперед к отцам” и начал работать в парадигме “назад к отцам”. Теперь задача богословия стала восприниматься не как свободное богословское предположение, а как извлечение богословия из патристических источников, поскольку современность (и тем более пост-модерн) была временем отступничества.

<...> источник церковной власти смещается из настоящего в прошлое. Вследствие этого действующая церковная иерархия перестает восприниматься как источник доктринальной власти, которая сейчас находится в трудах святых отцов. Таким образом, это расстояние до источника авторитетной доктрины позволяет любому верующему, полагаясь на отцов, независимо толковать учение. Каждый верующий может судить, что такое ересь, а что нет.

<...> Ведущие религиозные академии и православные университеты стали проводниками и популяризаторами неопатристики. Этот метод также стал преобладать на богословских экзаменах и при подготовке официальных церковных документов» [13].

Итак, «вполне себе модерное явление» проникло всюду, включая и официальные церковные документы! То есть, по сути, даже церковная иерархия ступила на путь «реформации»! И хотя нельзя сказать, что православное богословие не «всегда тяготело к этому», но, коль скоро что-то не нравится, это можно и отменить...

Что, впрочем, Шишков может предложить взамен? «Свободное богословское предположение»? Но где критерий, сообразуясь с которым, всякое свободное богословское предположение можно было бы или признать, или же не признавать согласным с учением Церкви? Пожалуй, без «извлечения богословия из патристических источников» — хотя бы для сравнения! — обойтись будет трудно. Однако не оказывается ли, что с Шишковым нельзя даже и заговорить-то о согласии с учением Церкви? Ведь чтобы желать согласия, нужно же и в прошлое, к отцам, обращаться, с ними как-то согласовывать? Но Шишков полагает, будто там, в прошлом, сплошь противоречия, и истины объективной не обрести, и только «фундаменталисты» будут довольно говорить: «Что хочу — то и ворочу!» Автор не может сочувствовать и опоре на «интуицию», которую декларировал прот. Флоровский.

Надо признать, Шишков верно замечает, что

«Флоровский не дал метода, который бы нам помогал богословствовать» [4, 1:18:35–1:18:41].

И описание «метода» работы с традицией Флоровского соответствует действительности:

«Неопатристика — это метод, потому что с помощью него развивается богословское знание. Это способ добывания богословского знания. Он строится на других [сравнительно со схоластикой] основаниях, потому что сам подход

к работе с богословским материалом отличается от схоластики [4, 33:30–34:00];

«Он считал, что нет никакого внешнего критерия проверки того, достоверно богословское знание или нет. А какой критерий есть? Критерий внутренний. Критерий — личный мистический внутренний опыт. И его известная формула: “Тождественность опыта есть верность Преданию”. То есть как мы узнаем, правильное ли у нас богословие? Если наш опыт богословский тождествен опыту отцов, прославленных в лике святых, тогда мы на правильном пути. Другое дело, что здесь возникает проблема: как узнать это» [4, 34:20–35:19]. Для прот. Флоровского это — собственное “внутреннее чувство”» [4, 36:03].

Таким образом, «неопатристический» метод обращения к отцам — «против свободного богословствования, против задействования разума» [4, 1:02:45–1:02:55].

С этим мы согласиться не можем и должны за «неопатристику» в некотором роде заступиться. На самом деле «неопатристам» не чуждо представление о некоем «богословском развитии», о невозможности которого сегодня Шишков жалеет в своем выступлении, критикуя «представление о “золотом веке богословия” и о том, что в какой-то момент богословие достигло своей вершины и богословское развитие должно остановиться, и дальше наша задача заключается в том, что надо черпать оттуда — из прошлого» [4, 14:50–15:41]. Да, «паламизм» ими считался богословской вершиной. Однако не потому, что «развитие» дальше невозможно, а потому, что процесс этот заглох в Византии вследствие турецкого завоевания, а в России не успел всерьез начаться («древнерусская культура оставалась безгласной и точно немой. Русский дух не сказался в словесном и мысленном творчестве...» [10, с. 1]; потом — в лице, например, прп. Иосифа Волоцкого и прп. Нила Сорского — стала начетнической [10, с. 19–20], ибо случилась «псевдоморфоза». Но неопатристам

не чужда надежда, что под лозунгом «вперед к отцам» должен совершиться **новый старт в богословии**. И представление «неопатристов» о возможности богословского развития, о приращении (и необходимости его) «нового богословского знания» должно быть осмысленно. Шишков говорит о «концепции неопатристики», что в нынешние времена апостасии «никакого нового богословского знания, помимо святоотеческого, происходить не может» [4, 16:00—16:36], однако он ошибочно приписывает эту концепцию «неопатристам».

Каков же выход? По всей видимости, выход должен мыслиться как **свободное богословское предположение, согласие с православным богословием которого будет устанавливаться «действующей церковной иерархией» как «источником доктринальной власти»**. Нужно, по-видимому, уйти от ситуации, когда «епископ становится не учителем Церкви, а просто администратором в глазах верующих» [4, 23:07—23:13], но при этом сохранить возможность свободного богословствования в целях богословского развития.

Но возможно ли (не только для «фундаменталиста», а для любого, пытающегося узнать учение Церкви, да и, наверное, для склонных свободно побогословствовать) не задаться вопросами: **«Всегда ли свободно действующий свой разум номинально православный богослов является православным в том, что он говорит/пишет? Всегда ли епископ или, паче того, собор епископов безукоризненно православны настолько, что их оценка сказанного/написанного свободомыслящим богословом безусловно верна?»** Неужели Шишкову не известны примеры из истории Церкви, свидетельствующие об обратном? Должен же быть критерий, руководствуясь которым мы можем быть уверены, что учение того или иного богослова и оценка этого учения действующей церковной иерархией несомненно выражают вероучение Церкви? Пожалуй, такой критерий пригодился бы и свободным богословам, и епископам...

Но Шишкова, кажется, поиск такого критерия мало занимает.

Это ясно видно, когда он приводит в пример альтернативные методы богословия. Во-первых — богослова Папаниколау, в основании богословия которого лежит идея «обожения»:

«[Папаниколау] берет термины и наполняет новым смыслом. Он только несколько раз ссылается на Паламу, но по большому счету его интересует именно богословский смысл термина “обожение”, как мы должны сейчас понимать “обожение”, то есть в чем суть-то заключается. И он дает интересную, на мой взгляд, интерпретацию этого термина. <...> Он также переосмысливает другие термины и пытается понять, в чем же богословская суть, не ссылаясь все время на святых отцов (потому что отцы жили в свое время и понимали это по-своему, в своем языке это писали), а формулируя для современности. И это, на мой взгляд, — в некотором смысле альтернатива» [4, 40:33—42:46].

Из сказанного ясно следует, что ни о каком критерии верности православному вероучению говорить при таком подходе невозможно. Переосмысливая термины, которыми свв. отцы выражали свои мысли, мы не просто придаем им новый смысл, но — отменяем святоотеческий, как утративший актуальность. Таким образом совершается подмена. Читатель попросту вводится в заблуждение возникающей омонимией. Возможно, что он узнает нечто интересное о свободных богословских предположениях Папаниколау относительно «обожения» или еще чего-либо, но он не сможет узнать, **имеет ли он дело с учением Православной Церкви**.

Другой альтернативой Шишкову видится софиология [4, 42:50—44:15]. Здесь стоит обратить внимание на то, что, говоря о конфликте двух парадигм — неопатристики и софиологии, — Шишков отчего-то не придает значения факту осуждения софиологии прот. Булгакова Указом Московской Патриархии от 24 августа 1935 года и Архиерейским Собором Русской

Православной Церкви Заграницей (Определение от 17/30 октября 1935 года о новом учении протоиерея Сергия Булгакова о Софии Премудрости Божией), сам откровенно ставя под сомнение вероучительный авторитет священноначалия. Зато для него важно, что софиология и богословие, собственно, прот. Булгакова пользуется большим влиянием на Западе. В этом Шишков солидарен с прот. Булгаковым, также не признававшим авторитета «действующей церковной иерархии» как «источника доктринальной власти».

Таким образом, оба приведенных примера свидетельствуют: методы, предлагаемые Шишковым в качестве альтернативы «неопатристике», не имеют критерия установления православности добытого «свободным богословским предположением» богословского знания: первый — ввиду обесмысливания святоотеческой терминологии (в силу чего увидеть соответствие/несоответствие с учением Церкви оказывается невозможным); второй демонстрирует вдобавок (*de facto* и самим Шишковым) отказ от безусловного признания вероучительного авторитета «действующей церковной власти». Очевидно, что здесь оценка православности понимания «богословской сути» и согласие с авторитетом церковной иерархии ставятся в зависимость от признания и принятия их «свободным разумом» богослова, каковой и оказывается единственным критерием.

Не слишком помогает делу и обращение к традиции при помощи «критического подхода». Шишков говорит:

«К критическому подходу принадлежат Шмеман, Афанасьев и другие. Их идея заключалась в том, что главный инструмент богословия — богословский разум. Поэтому существует какое-то вероучительное ядро, а всё остальное — это какие-то напластования, которые можно пересматривать всё время и находить это ядро там, заново реактуализировать всё это. Как правило, тех, кто относится к критической парадигме,

в широкой православной среде обычно считают либералами. Хотя, конечно, они никакие не либералы [4, 57:56–59:18].

Шишков и сам недавно принадлежал, отчасти, к «широкой православной среде». Еще в 2017 году он именно это направление мысли («критический подход к традиции») считал «либеральным подходом»: «В либеральной концепции традиции различается неизменное содержательное ядро, выражающее саму суть христианской веры, и временные, обусловленные историческим контекстом напластования, которые зачастую затевают или замутняют это ядро. Это неизменное ядро считается подлинной церковной традицией, к которой необходимо вернуться. Либеральный подход предполагает свободное критическое переосмысление церковной традиции: во-первых, выделение и описание ядра христианской веры, во-вторых, очищение его от затевающих элементов, в-третьих, возвращение к подлинным основаниям веры через актуализацию неизменного ядра в современности.

Инструментом конструирования традиции здесь является богословский разум, который занимается выявлением неизменного ядра веры, сравнением с ним различных элементов церковной традиции и осмыслением из этой перспективы современного состояния Церкви. Важно отметить, что либеральный подход к традиции требует свободного богословствования, учитывающего результаты исторической критики» [11, с. 24–25]. Этот способ обращения к традиции Шишков оценивал весьма положительно: «Либеральная концепция традиции в этом плане выглядит более оптимистично. Она позволяет свободно богословствовать с опорой на неизменное ядро христианской веры и предлагать богословские решения на языке времени при условии сохранения ключевых смыслов христианской религии» [11, с. 29].

Но каким критерием руководствуется «богословский разум» богослова при вычленении

«вероучительного ядра», отделяя подлинную традицию от напластований? Разве что — так же самим собою, как единственным критерием... Так ли уж это отлично от обращения к «внутреннему чувству», когда «интуиция вряд ли не важнее эрудиции» [10, с. 506]?

Теперь вернемся к высказанной прежде мысли о свойственности «неопатристам» идеи «богословского развития». Для примера приведем богословие Владимира Лосского. Шишков полагает, будто «богословский персонализм одного из отцов-основателей неопатристического синтеза В. Н. Лосского является скорее исключением, чем правилом, он относится к описанной выше либеральной парадигме традиции» [11, с. 27–28]. Напомним, что в данной статье под «либеральной парадигмой традиции» Шишков понимает ту, которую в выступлении называет «критическим подходом» к традиции. Однако же на самом деле Лосский — «один из отцов-основателей неопатристического синтеза» — следует как раз идее прот. Флоровского о «верности отеческому духу, а не только букве» [10, с. 506], «стремлению богословствовать из сердца Церкви». Лосский идет дальше прот. Георгия Флоровского, так учившего о следовании «духу отцов»:

«Следовать» Отцам значит не просто их «цитировать». «Следовать» Отцам значит усвоить их **φρόνημα**, их дух» [9, с. 381].

Лосский, кажется, готов порой следовать отцам и вовсе обходясь без цитирования, но вместе с тем он верен «духу Флоровского», его идее «неопатристического синтеза», предполагавшего необходимой «творческую переоценку прозрений (здесь и далее выделения в цитатах, за исключением оговоренных случаев, мои — К. Ш.), ниспосланных святым людям древности» [цит. по: 2, с. 155]. Он лишь творчески **продолжает** дело прот. Флоровского, когда, например, ищет **новый смысл** термина «ипостась»:

«Если, как мы видели, христианская антропология не придала нового смысла термину “че-

ловеческая ипостась”, попытаемся обнаружить **другое** такое понимание личности, которое уже не может быть тождественным понятию “индивидуум” и которое, хотя не **зафиксировано** само по себе каким-либо строгим термином, тем не менее в большинстве случаев служит **нев्यраженным обоснованием, сокрытым** во всех богословских или аскетических вероучениях, относящихся к человеку» [5, с. 295].

Так не следует ли нам увидеть родство предлагаемых Шишковым альтернатив с «неопатристической»? Аристотель Папаниколау, когда проводит линию преемственности между прот. Бугаковым, Лосским и митр. Иоанном Зизиуласом, прямо связывая с этой линией и собственные размышления об «обожении», не готов, кажется, связать эту линию с «неопатристической» [12]. Однако очевидно, что начатое прот. Флоровским и продолженное его единомышленниками движение «вперед к отцам», осуществляемое в условиях отказа от всякого «внешнего авторитета» и признания критерием собственных интуиций, и должно было идти ко всё большей свободе в обращении со святоотеческой традицией. В такой ситуации слова о «богословском разуме» или «усвоенном мышлении (**φρόνημα** — образ мыслей, мышление) и духе отцов» суть слова об одном и том же: о неограниченной ничем, кроме собственных предпочтений, свободе богословствования мыслителей. В данном случае речь идет о людях, номинально принадлежащих (относящих себя) к православию.

Но вот Шишков видит дело иначе. Для него «дальнейшие поколения богословов», которые следовали за прот. Флоровским, — это так называемые фундаменталисты, закосневшие в обращении к прошлому и вовсе утратившие способность к богословскому развитию и добыванию нового богословского знания. «Фундаменталисты», по Шишкову, восприняли худшее из наследия прот. Флоровского — отсутствие такого «метода, который бы нам помогал богословствовать». Надо сказать, здесь Шишков сильно упрощает историю рецепции

«неопатристики». Далеко не все из «фундаменталистов» не заметили недостатков методологии прот. Флоровского. Многие, однако, отказались от бессмысленной замены одного бесполезного критерия («внутреннего чувства») на другой («богословский разум»). Их целью является обретение традиционного метода Церкви, который мог бы дать критерий верности православному вероучению. Надежда их на возможность достижения цели основывается на простой мысли: если вероучение Церкви — нечто реальное и если вероучение Церкви можно отличить от его искажений, то у Церкви должен был быть метод еще до того, как народились на свет прот. Флоровский, Папаниколау, Шишков и другие, включая, конечно, и самих «фундаменталистов». Что же это за метод богословия? Это отнюдь не «вперед к отцам», не «назад к отцам». Мы имеем формулировку более точно выражающую методологию Церкви: **«последуя святым отцам»**, как было сказано в Определении **IV Вселенского собора**. У нас нет нужды спорить о том, как именно следует понимать эту формулу, поскольку это ясно из текстов Собора.

Собор изначально и вовсе не желал ничего прибавлять к сказанному отцами ранее: «Другого изложения никто не составляет, и не беремся и не дерзаем излагать. Отцы научили, и изложенное ими сохраняется в письмени; больше этого мы не можем говорить» [3, т. III, с. 229]. Но поскольку оказалось, что еретики, не отвергая предыдущих Соборов, учат превратно, то отцы Собора обратились к текстам свв. отцов и исследовали, как те понимали спорный вопрос. После же чтения отеческих цитат Собор обвинил еретика Диоскора в том, прежде всего, что тот скрыл эти тексты, и они не были прочитаны на Разбойничьем соборе [3, т. III, с. 242]. После этого только (то есть разобрав спорный вопрос с опорой на учение свв. отцов), прочитав Никейский и Константинопольский Символы, Собор сказал:

«Итак, достаточен был бы для совершенного познания и утверждения благочестия этот муд-

рый и спасительный символ благодати Божией; потому что об Отце и Сыне и Святом Духе научает в совершенстве, и воплощение Господа представляет верно принимающим» [3, т. III, с. 47].

Но «так как старающиеся отвергнуть проповедь истины породили своими ересями пустые речи» [3, т. III, с. 47], то для опровержения их ересей и собирались предыдущие Соборы; и для этого же Халкидонский собор, **последуя святым отцам, утвердил истинную веру** против новой ереси.

Ни о каком «богословском развитии» в смысле «добывания нового богословского знания» речь не идет, да идти и не может. Ни один Собор не состоялся в целях «богословского развития», но только в связи с какой-либо новой ересью. **Цель** состояла в том, «чтобы утвердить истинную веру, ради которой преимущественно и составилась собор» [3, т. II, с. 228], «так как старающиеся отвергнуть проповедь истины породили своими ересями пустые речи». И «совершенное познание и утверждение благочестия» выражается уже в Символе веры.

Мысль, выраженную формулировкой Халкидонского собора, утверждают, выражая ее по-разному, все Вселенские соборы.

I ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР

Хотя мы имеем довольно мало текстов Собора, но метод выяснения истинного православного учения увидеть можем достаточно ясно.

Виднейший участник I Вселенского собора, под председательством которого Арий был осужден на Александрийском соборе 320 г., свт. Александр Александрийский в Послании к Александру Константинопольскому очень точно излагает метод Церкви, которому противятся еретики, — опору на Писание, Предание и согласное с ними учение современников:

«Они и из **древних отцов** не хотят никого приравнять с собою; терпеть не могут, чтобы их сравнивали с теми лицами, которые в нашем

отрочестве были нашими наставниками; ни одного из всех современных нам сослужителей наших не признают достаточно ученым, а только себя одних считают мудрыми, достигшими совершенства в знании, разумеющими догматы веры; будто им, и только им одним, открыты тайны, которые никому в подсолнечной и на мысль не приходили. О, нечестивая надменность и безмерное безумие. О, суетное любочестие, свойственное только сумасшедшим! О, сатанинская гордость, ожесточившая нечестивые души их! Ни боголюбезная **ясность древних Писаний** не вразумляет их; ни **согласное всех сослужителей наших учение** о Христе не обуздывает их дерзости против Него» [3, т. I, с. 25–36].

Говоря о «**согласном всех сослужителей наших учении**», свт. Александр имеет в виду прежде всего Собор, на котором, как он пишет в Окружном послании, «мы, собравшись вместе с епископами Египта и Ливии, числом около ста, предали анафеме» Ария и единомысленных с ним еретиков» [3, т. I, с. 16].

О себе же и других православных святитель свидетельствует, что они **научались веровать «от отцов наших»** [3, т. I, с. 26].

То же мы видим и на Соборе.

Опровергая доводы защитника ереси Ария, Собор (через Евсевия Памфила) говорит:

«выслушай же и изложение истинной веры, как она благочестно понимается и проповедуется благочестивыми мужами; думаю, что ты не откажешься от того, что принято таким **собором освященных епископов**» (Соборное опровержение мнений философа, по имени Федона, который защищал нечестивого Ария и хулы его) [3, т. I, с. 55].

Далее Собор (через Макария, епископа Иерусалимского), изложив православное вероучение, заключает:

«Вот наша **вера, апостольская и неповрежденная**, которую Церковь чтит, как **преданную**

свыше от Господа, чрез апостолов и отцов сынам, содержит ныне и будет всегда содержать, во исполнение слов Спасителя, сказанных ученикам своим: шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святого Духа» [3, т. I, с. 68].

II ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР

Среди текстов II Вселенского собора, которых сохранилось еще меньше, чем текстов I Вселенского, все-таки находим свидетельства верности Преданию:

«мы, во-первых, возобновили **взаимное согласие между собою**; потом изрекли краткие определения, в которых **утвердили веру отцов, собиравшихся в Никее**, и осудили возникшие против нее ереси» (Послание святого собора к благочестивейшему императору Феодосию Великому) [3, т. I, с. 116].

В Послании к римской Церкви Собор более подробно говорит о том же:

«Эта вера должна быть принимаема и нами, и вами, и всеми, которые не извращают слово истинной веры; потому что она древняя, и сообразна с крещением, и научает нас веровать во имя Отца и Сына и Святого Духа, то есть, в божество, силу и единое существо Отца и Сына и Святого Духа, равночестное достоинство и совечное царство — в трех совершеннейших ипостосях, или в трех совершенных лицах; так что уже не имеет места пагубное учение Савеллия, в котором сливаются ипостаси, то есть уничтожаются (личные) свойства, и не имеет силы богохульное учение евномиан, ариан и духоборцев, которое рассекает существо, или естество, или божество, и в несозданную, единосущную и совечную Троицу вводит какое-то послерожденное, или сотворенное, или иносущное естество. И притом мы сохраняем неизвращенное учение о вочеловечении Господа, и не допускаем, будто состав плоти Его не имеет души и разума, или — несовершен; но признаем, что Слово Божие прежде веков

было само в себе вполне совершенно, а в последние дни стало совершенным человеком для нашего спасения. Вот в коротких словах изложение веры, без страха исповедуемой нами; полнее можете усладить ваши души, если вам угодно будет прочитать изложение, изданное в Антиохии бывшим там собором, и еще — составленное в прошедшем году в Константинополе вселенским собором: в них мы подробнее изложили наше исповедание вере» [3, т. I, с. 125–126].

Интересно, что отцы Собора, составившие Символ веры, отличающийся от Никейского, не считают, что исказили его, но, напротив, понимают свое дело как более подробное изложение и изъяснение Никейского символа.

III ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР

В переписке с Несторием свт. Кирилл Александрийский сформулировал метод обращения к критерию, которым должен руководствоваться православный:

Свт. Кирилл Александрийский

«...самым правильным делом нашим будет то, если мы, обратившись к словам святых отцов, постараемся принять их за главное руководство, и, испытывая, по слову Писания, самих себя, аще в вере есмы, наши собственные рассуждения будем, сколько можно, вернее соображать с их верными и непорочными мыслями» (2-е Послание к Несторию) [3, т. I, с. 245].

Читая Деяния Собора мы убеждаемся, что его метод именно таков. Собор утверждает, что для выяснения дела

«следует прочитать учение блаженных отцов наших и епископов о настоящем предмете, и по прочтении внести в акты» [3, т. I, с. 145].

Далее зачитаны были тексты свт. Петра Александрийского, свт. Афанасия Великого, св. папы Юлия, св. папы Феликса, свт. Феофила Александрийского, свт. Киприана Карфагенского, свт. Амвросия Медиоланского, свт. Григория Богослова, свт. Василия Великого, свт. Григория Нисского, свт. Аттика Константинопольского, свт. Амфилохия Иконийского.

После чтения святоотеческих текстов было прочитано Послание Капреола Карфагенского:

«если кто станет подвергать новому исследованию предметы уже решенные, о том по справедливости должно будет сказать; что он не иное что делает, как сам сомневается в той вере, которая доселе имела силу. Потом, дабы нынешние определения относительно католической веры сохранили всегдашнюю твердость, нужно, в пример потомству, оставить неизменным и неприкосновенным все то, что в прежние времена утверждено свв. отцами. Ибо, если кто хочет своим определениям относительно католической веры сообщить всегдашнюю твердость, то он должен подтверждать свое мнение судом древних отцов, а не основываться на собственном авторитете, дабы таким образом видно было, что он, подтверждая свое мнение определениями частию древних, частию новейших, утверждает, проповедует и содержит

единую истину Церкви, хранимую от начала до настоящего времени в простоте и чистоте, с непоколебимой твердостью и достоинством» [3, т. I, с. 258].

По прочтении этого текста «все епископы воскликнули: таково мнение всех нас; мы все то же говорим.; это общее наше желание» [3, т. I, с. 145].

Свт. Кирилл же подтверждает свое понимание метода:

«Пусть и прочитанное сейчас послание досто-почтеннейшего и боголюбнейшего епископа карфагенского Капреола, как содержащее в себе ясную мысль, будет внесено в акты веры. Ибо он желает, чтобы древние догматы веры были утверждаемы в прежней своей силе, а новые, нелепо вымышленные и нечестиво проповедуемые, были осуждаемы и опровергаемы» [3, т. I, с. 145].

По прочтении Никейского Символа отцы Собора говорят:

«С сею святою верою все должны быть согласны. Ибо она учит благочестиво и во спасение всей поднебесной. **Но так как некоторые** при-творяются, будто исповедуют ее и соглашаются с нею, но **искажают смысл ее слов по своему произволу** и таким образом развращают истину, будучи сынами заблуждения и погибели, то **настоит надобность собрать свидетельства из святых и православных отцов**, которые бы достаточно показывали, как они понимали ее и вверили (нам) проповедовать; чтобы явно было, что все, имеющие правую и непогрешительную веру, так именно понимают, изъясняют и проповедуют ее» [3, т. I, с. 325].

То ли дело человек, добывающий «новое богословское знание», Нестория:

«Я замечаю в нашем народе великую привязанность к вере и пламенную ревность к благочестию, но по невежеству в божественных догматах он часто впадает в заблуждения. В этом,

впрочем, виноват не самый народ, но, как бы выразиться приличнее? — Наставники ваши не имели времени сообщить вам точнейшего учения» [3, т. I, с. 325].

И только прочитали текст Нестория, как тут же слышим возглас «тупого начетчика»:

«Вот он прямо говорит здесь, что никто из бывших до него учителей не говорил народу того, что он говорит» [3, т. I, с. 325].

Кстати, стоит обратить внимание на такой факт. III Вселенский собор, запрещая вносить изменения в Символ веры, имел в виду Никейский символ. Если бы дело было в буквализме, то Константинопольский символ должен был бы быть отвергнут Церковью. Однако этого не случилось. Потому что главная проблема — **в искажении смысла слов**, то есть именно в том, что совершают «альтернативщики», когда изменяют смысл терминов.

V ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР

Отцы V Вселенского собора единомысленны с отцами предыдущих Соборов в определении метода и критерия:

«Мы исповедуем пред всеми, что содержим и проповедуем ту веру, которая сначала дарована великим Богом и Спасителем нашим Иисусом Христом святым апостолам и ими была проповедана во всем мире, которую исповедали и изъяснили и передали святым церквам святые отцы и преимущественно те, которые собирались на четырех святых соборах; им мы следуем всецело и во всем и приемлем их <...> и все, что вышеуказанными четырьмя святыми соборами определено относительно одной и той же веры; а всех, осужденных вышеупомянутыми четырьмя святыми соборами, признаем осужденными и анафематствованными наравне с прочими еретиками. <...> Сверх того мы во всем следуем и святым отцам и учителям Церкви, Афанасию, Иларию, Василию, Григорию Богослову, Григорию Нисскому, Амвросию, Августину, Феофилу, Иоанну Константинопольскому,

Кириллу, Льву, Проклу, и приемлем все, что они изложили о правой вере и об осуждении еретиков. Приемлем также и прочих святых отцов, которые безукоризненно до конца жизни своей проповедовали правую веру в святой Церкви Божией» [3, т. III, с. 313].

То, как работает метод, становится ясно из одного примера: рассмотрев подробнее учение Феодора Мопсуэстийского, отцы Собора не просто осуждают его, но опираются на тексты, где говорится «то, что против Феодора Мопсуэстского и его богохульств написали святые отцы и что содержится в императорских законах и писаниях исторических» [3, т. III, с. 341].

VI ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР

В Определении VI Вселенский собор, проделавший для выяснения истинного православного вероучения относительно обсуждавшегося вопроса громадную работу по исследованию еретических, искаженных еретиками и святоотеческих текстов и справедливо называемый Собором «библиотекарей и архивариусов» (выражение принадлежит прот. Валентину Асмусу [1, с. 655]) говорит:

«наш святой и вселенский собор, отвергнув заблуждение нечестия от прежних времен доселе, и неуклонно **следуя по прямому пути святых и славных отцов**, во всем благочестиво присоединился к голосу пяти святых и вселенских соборов» [3, т. IV, с. 219].

А далее, после чтения Никейского и Константинопольского Символов веры, говорит, по сути, то же, что говорил и Собор Халкидонский:

«конечно, для совершенного познания и утверждения православной веры достаточно сего благочестивого и православного символа божественной благодати. Но как искони не бездействовал изобретатель зла, нашедший себе помощника в змие и чрез него привнесший в человеческую природу смертоносный яд, так и ныне, нашедши пригодные для собственного своего желанья органы <...> он не замедлил

возбудить чрез них в полноте Церкви соблазн заблуждения, в новых словах посеяв в православном народе ересь...» [3, т. IV, с. 220].

В Приветственном слове Собора к императору Константину сказано более того, что достаточно было бы Евангелия и апостолов, если бы не еретики:

«Если бы все вначале принимали евангельскую проповедь просто и искренне и довольствовались апостольскими постановлениями, дела шли бы хорошо и удобно, ни у ересиархов, ни у иерархов не было бы столько хлопот из-за препирательств. Первым надлежало в безмолвии достигать спасения, вторым не увлекаться в борьбу и не тратить на смуты время спокойствия, но безмятежно любомудрствовать и беседовать с Богом и быть примером добродетелей для подчиненных. Но вражья сила сатаны не дает покою, а выставляет своих слуг как бы оруженосцев и копьеносцев, которые ложными догматами, как бы тайными мечами, коварно поражают мысль многих. <...> Так-то собрания всех вообще соборов происходили тогда, когда самодержцы и праотцы ополчались против постоянно мятежного и воюющего» [3, т. IV, с. 232–233].

Если кому-либо придет на ум счесть «безмятежное любомудрствование» тождественным «добыванию нового богословского знания», то посоветую поинтересоваться, что в тексте Приветственного слова несколько ниже: «новые выражения и их изобретателей извергаем прочь от церковной ограды и справедливо подвергаем анафеме» [3, т. IV, с. 234].

VII ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР

Собор анафематствует даже отвергающих «неписаное предание»:

«Мы следуем древнему законоположению кафолической Церкви. Мы сохраняем определения отцов. Прибавляющих что-либо к учению кафолической Церкви или убавляющих от него мы предаем анафеме. <...> Кто унижает какое-либо

предание церковное, писаное ли то, или неписаное, тому анафема!» [3, т. IV, с. 599–600].

Свидетельство верности Собора Преданию — впечатляющий объем рассмотренных еретических текстов, текстов из Писания, житий, свв. отцов, еретических текстов, который был прочитан и рассмотрен на Соборе для утверждения православного учения об иконе. Кстати, при рассмотрении Деяний Иконоборческого собора еретикам делается, помимо прочих, упрек: «кажется, они никогда не читали отеческих изречений, а если читали, то мимоходом, не внимательно» [3, т. IV, с. 531].

Свое Определение Собор начинает словами:

«Святой великий и вселенский собор <...> следуя преданию кафолической церкви, определил следующее.

Христос Бог наш, даровавший нам свет познания и избавивший нас от мрака безумной приверженности идолам, обручивши Себе кафолическую церковь, неимеющую скверны или порока, обещал ей охранять ее и подтвердил это обещание ученикам Своим, говоря: Аз с вами есмь во вся дни до скончания века (Матф. 28:20). Это обетование Он даровал не только им, но и нам, по их слову уверовавшим во имя Его. И вот некоторые, оставив без внимания этот дар, как бы по возбуждению коварного врага, отпали от истинного учения; восстав против предания кафолической церкви, они погрешили в понимании истины <...> Итак мы исследовали и рассмотрели дело весьма тщательно и, следуя истине, ничего не убавляем и ничего не прибавляем, но сохраняем все, что есть в церкви лучшего, и следуем святым шести вселенским соборам и прежде всего собиравшемуся в славной митрополии никейской, а затем и бывшему после него в богохранимом царствующем городе (Константинополе). <...> мы неприкосновенно сохраняем все церковные предания, утвержденные письменно или неписьменно <...> На таком основании мы, шествующие царским путем

и следующие божественному учению святых отцов наших и преданию кафолической церкви, — ибо знаем, что в ней обитает Дух Святой, — о всяком тщанием и осмотрительностию определяем...». [3, т. IV, с. 589]

Итак, мы можем увидеть, что Церковь устами Вселенских соборов указала и метод богословствования: «последуя святым отцам», и критерий: согласие, обращаясь к которому, можно увидеть, соответствует ли то или иное «богословское предположение» православному вероучению.

Теперь вернемся к мысли Соборов, что «совершенное познание и утверждение благочестия» выражается уже в Символе веры.

Здесь важно не упустить, что, как все мы помним (надеюсь, Шишков тоже), и самый Символ составлялся для того, чтобы отсечь еретическое понимание веры, данной в Писании, и формирование канона Писания совершалось в связи с необходимостью избежать проникновения чуждых влияний (например, гностических текстов, «исправлений» и Антимез Маркиона и т. п.). (Без опоры на Священное Предание сам канон Священного Писания оказывается чем-то совсем не обязательным. Чего только не наворотит «богословский разум», не имея внешнего критерия! Если мы ставим под сомнение толкования свв. отцов, то почему мы не можем ставить под сомнение число и состав книг Писания? Во всяком случае, можно попытаться что-то добавить (мне, например, в юности гораздо более канонических нравилось гностическое Евангелие от Фомы) или убрать. И, возможно, какой-нибудь богослов заметит: «И это, на мой взгляд, в некотором смысле альтернатива».) И не случайно, видимо, завершение этого процесса произошло после Никейского собора. И очень интересно, как видел эту связь свт. Афанасий Великий (у которого мы находим первый известный полный список канонических книг Писания) и какую цель он видел, сообщая этот список.

В 39-м Праздничном послании свт. Афанасий, находя опору в Евангелии от Луки, предваряет список такими словами:

«боюсь же, чтобы иные из людей простых, как писал Павел к коринфянам, по ухищрению некоторых не уклонились от простоты и чистоты и не стали уже читать других книг, называемых апокрифическими, будучи обмануты сходством их именованья с книгами истинными, то умоляю вас перенести терпеливо, если о чем сами знаете, о том же и я напишу в написание вам как по надобности, так и для пользы Церкви. Намереваясь же написать это написание для утверждения своего в дерзновении моем воспользуюсь примером Евангелиста Луки, говоря и сам: понеже некие начаша чинити себе так называемые апокрифические книги и смешивать их с несомненно богодухновенным Писанием, якоже предаша Отцам уже исперва самовидцы и слуги бывшии Словесе: изволися и мне, убежденному и наученному искренними братьями, исчислить с начала по порядку все книги, внесенные в канон, преданные нам как божественные и таковыми признанные, чтобы всякий, если вовлечен в обман, осудил введших его в заблуждение, а если пребыл чистым, порадовался при новом этом написание» [3, т. IV, с. 370–371].

В Послании к епископам Египта и Ливии святитель говорит о том, что еретик «собирает изречения Писаний, произносит слова, утаивает же истинный смысл» [3, т. II, с. 14]. И в этом еретики наследуют диаволу, обольстившему Еву «не свое говоря, но лживо употребляя Божии глаголы и изменяя их смысл» [3, т. II, с. 12]. Но «веру утверждают не изречения (то есть не «буква» — К. III.), но смысла и благочестивая жизнь» [3, т. II, с. 22].

«Вот подлинно учение и вот признак истинных учителей, как предали Отцы, — согласно между собою исповедовать одно и то же и не входить в споры ни друг с другом, ни со своими Отцами. А которые не так расположены, тех скорее

можно назвать негодными, нежели истинными учителями» (Послание о Никеѳском соборе) [3, т. I, с. 404].

Иногда святитель выражается прямо как столь нелюбезный сердцу и богословскому разуму Шишкова «фундаменталист»:

«Надлежало бы на подобные речи отвечать одно и сказать: **достаточно и того, что это не учение все-ленской Церкви и не думали так Отцы.** Но чтобы изобретатели худого в совершенном молчании нашем не нашли предлога к бесстыдству, хорошо **припомнить немного** из божественных Писаний» (Послание к Эпиктету) [3, т. III, с. 293].

Что же до идеи «богословского развития», то в том же Послании к Эпиктету свт. Афанасий говорит, снова подчеркивая, что главное — **не «буква», но смысл** сказанного:

«не следует смущаться словом: едносущный, потому что и это речение имеет здравый смысл и твердое доказательство» [3, т. I, с. 430].

Отцы VI Вселенского собора так определили **метод исследования Писания**:

«Предстоятели церковей должны по вся дни, наипаче же во дни воскресные, поучать весь клир и народ словесам благочестия, избирая из Божественнаго писания разумения и рассуждения истины, **и не преступая положенных уже пределов и предания Богоносных отцов; и если будет изследуемо слово писания, то не инако да изъясняют оно, разве как изложили светила и учителя Церкви в своих писаниях, и сими более да удостоверяются, нежели составлением собственных слов, дабы, при недостатке умения в сем, не уклониться от подобающаго.** Ибо, чрез учение вышереченных отцов, люди, получая познание о добром и достойном избрания, и о неполезном и достойном отвращения, исправляют жизнь свою на лучшее, и не страдают недугом неведения, но, внимая учению, побуждают себя к удалению от зла, и, страхом угрожающих наказаний, соделывают свое спасение» (Правило 19) [3, т. IV, с. 280].

Шишков в ходе своего выступления именно это отношение к Писанию приписал «фундаменталистам»: «Они обращаются к нему [Писанию] только через призму отцов» [4, 1:20:50—1:21:05].

Цель богословского разума состоит в том, чтобы понять смысл сказанного в Писании, следуя в понимании Писания отцами, и быть **единомысленным** с ними в этом понимании смысла Писания (Шишков полагает, что таким образом отцы «затмевают» Писание). Цель богословия не в стремлении через «богословствование» улаживать себя и свой [зудящий] «богословский разум» [расчесыванием] «альтернативами» и «новыми смыслами» (в Окружном послании св. Папы Льва, читанном на IV Вселенском соборе, очень точно сказано, что «безумию подвергаются» те, кто «умствуют о вере и не следуют мудрейшим и опытнейшим», но, «встретив в чем-либо неясном затруднение к познанию истины, прибегают <...> к самим себе» [3, т. III, с. 231–232]), а в спасении через усвоение учения Церкви, открытого ей Богом, в опровержении искажающих спасительное учение ересей. Усвоение учения — одного и того же во все времена. Цель — не в «ответе на вызовы времени», а в стоянии на твердом основании того учения, в котором был наставлен (Лк. 1:4).

Неким номинально православным богословам это может показаться недостойным величия «богословского разума», однако нам следует сознавать отличие их представления о цели богословия и предназначении разума от представления Церкви.

Православным нет нужды, как видим, различать авторитет Писания и Предания, ибо и Писание, и Предание существуют в Церкви, и одно невозможно без другого настолько, что Писание является частью Предания. Но следует все-таки обратить внимание на различие авторитетности источников Предания.

Безусловным авторитетом являются Писание и Вселенские соборы. Кроме того, таким же авторитетом, как и Вселенские, обладает и ряд

других Соборов, так как истины, утвержденные ими, официально принимаются всей полнотой Церкви:

Константинопольский собор 879 г.,

Константинопольский собор 1157 г.,

Влахернский собор 1285 г.,

Константинопольский собор 1351 г.,

Константинопольский собор 1484 г.,

Ясский собор 1642 г.,

Иерусалимский собор 1672 г.,

Константинопольский собор 1691 г.

Таким же авторитетом обладают:

Православное исповедание Кафолической и Апостольской Церкви Восточной 1645 г.,

Послание Патриархов Восточно-Кафолической Церкви о православной вере 1723 г. (воспроизводящее и утверждающее текст Послания Иерусалимского собора 1672 г.),

Окружное послание Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви ко всем православным христианам 1848 г.

Далее. Все Поместные соборы Православной Церкви обладают авторитетом в своих пределах, если они не отклоняются от истин, выраженных вышепоименованными Соборами и Посланиями.

Авторитетом, без соотнесения с которым невозможно обойтись, являются и творения святых отцов. Особенное внимание следует уделять **согласию отцов**. Метод установления вероучительной истины через согласие отцов — изначальный метод Церкви, отказ от которого означал бы отказ от самих вероучительных истин. Ключом к трезвому применению принципа согласия отцов являются слова прп. Викентия Лирийского:

«...о чем мыслил кто, святой ли он или ученый, исповедник ли и мученик, несогласно со всеми

или даже противореча всем, то относить к мнениям личным, сокровенным, частным, и отличать от авторитета общего, открытого и всенародного верования, дабы, оставив древнюю истину всеобщего учения, по нечестивому обычаю еретиков и раскольников, с величайшей опасностью относительно вечного спасения, не последовать нам новому заблуждению одного человека» [6].

Надо только не забывать, что этим словам он, намереваясь изъяснить, «как надобно узнавать и осуждать непотребные новизны еретиков через приведение и сличение согласных между собою мыслей древних учителей», предпосылает другие:

«Впрочем, это древнее согласие святых отцов мы должны с большим усердием отыскивать и принимать по отношению не ко всем вопро-

сам из Божественного Закона, но, главным образом, только относительно правила веры» [6].

Отсюда ясно, что частное мнение, если оно было выражено кем-либо из отцов Церкви и при этом не осуждено соборно, не противоречит ни соборным определениям, ни согласию отцов в вопросах, касающихся основ вероучения (ибо отступление от них несет опасность утраты вечного спасения), входит в границы допустимого и возможного, но не может считаться обязательным для православных верующих. Если же мы откажемся от этого подхода относительно согласия отцов, то окажемся не в затруднении пред кажущимися непреодолимыми сложностями, когда у отцов якобы «можно найти совершенно диаметрально противоположные подходы», а в ситуации бессилия пред абсолютным произволом **добытчиков нового богословского знания**.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Вселенский VII собор // Православная энциклопедия. Т. IX. – М., 2005. – 752 с.
2. Георгий Флоровский — священнослужитель, богослов, философ / Сост. Э. Блейн. – М., 1995.
3. Деяния Вселенских Соборов: в 4 т. СПб.: Воскресение; Паломник; Свято-Троицкая Сергиева Лавра; Успенское подворье Оптиной пустыни, 1996. – Т. I. – 597 с.; Т. II. – 304 с.; Т. III. – 573 с.; Т. IV. – 645 с.
4. Как в современном православии произошла реформация, но ее никто не заметил? – URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=20&v=MhVOe5f5VSs.
5. Лосский В. Н. Богословие и Боговидение. – М., 2000. – 632 с.
6. О Священном Предании церкви: Памятные записки прп. Викентия Лиринского. Святые отцы и писатели церкви о Священном Предании / П. П. Пономарев. – СПб.: Свитокъ, 2000. – 540 с. / Прп. Викентий Лиринский. Памятные записки Пегрину о древности и всеобщности кафолической веры против непотребных новизн всех еретиков. С. 14–112. Текст цитируется по: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vikentij_Lirinskij/pelegrin.
7. Шишков А. В. Православная «реформация», которую никто не заметил // Благовест. – URL: <http://blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=4&id=82455>.
8. Темная теология. – URL: <https://ru.telegram-store.com/catalog/channels/darktheology>.
9. Флоровский Георгий, протоиерей. Догмат и история. – М., 1998. – 488 с.
10. Флоровский Георгий, протоиерей. Пути русского богословия. – Вильнюс, 1991. – 601 с. (Репринт. изд. Вых. дан. ориг.: Париж, 1937).
11. Шишков А. В. Два понимания традиции в русском православном богословии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2017. – Том 18. – Выпуск 3. – С. 22–29.
12. Aristotle Papanikolaou. The Hermeneutical and Existential Contextuality of Orthodox Theologies of Personhood // Journal of Eastern Christian Studies 69 (1–4), 51–67, 2017.
13. Shishkov Andrey. Eastern Orthodoxy, Conservatism, and (Neo)Palamite Tradition in Post-Soviet Russia. – URL: <https://vk.com/wall-176456597-119>.

Ч Е Л О В Е К

Видный ученый, тайный монах. 65
Памяти В. В. МАРКОВИЧА
(монаха Нестора), заведующего
Сочинской и Сухумской
опытными станциями
Иерей Димитрий Просяник,
Андрей Платонов

ВИДНЫЙ УЧЕНЫЙ, ТАЙНЫЙ МОНАХ

ПАМЯТИ В. В. МАРКОВИЧА (МОНАХА НЕСТОРА), ЗАВЕДУЮЩЕГО СОЧИНСКОЙ И СУХУМСКОЙ ОПЫТНЫМИ СТАНЦИЯМИ

Иерей Димитрий Просьяник — штатный священник Кафедрального собора равноапостольного князя Владимира г. Сочи.

Андрей Платонов, кандидат экономических наук, научный сотрудник ФИЦ СНЦ РАН, г. Сочи.

80 лет исполнилось со дня кончины известного ученого, внесшего большой вклад в борьбу с малярией на Кавказе. Его уважал гениальный селекционер и генетик академик Николай Иванович Вавилов, ценило начальство, любили коллеги. Но за скромной жизнью тихого ученого стояло служение Христу и молитва за мир. Пройдя аресты, ссылки и лагеря, ученый с мировым именем, специалист по субтропическим культурам, профессор Василий Васильевич Маркович свою книгу назвал «Жизнь счастливого человека».

Счастье для человека верующего и неверующего воспринимается по-разному. И если второй ищет его в жизни временной, а мерилom счастья считает жизненный успех, то в жизни первого первостепенное значение имеет устремленность к вечности, совершенствование и приближение к Богу.

Счастье — это когда Бог рядом. И благодарная душа способна замечать действие Божие во всем этом прекрасном мире, сотворенном Богом. А в качестве выражения благодарности — создавать и поддерживать прекрасное, возделывать сад Божий — весь мир.

ЖИЗНЬ СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА

Ботаник, основоположник субтропической науки, флорист, лесовод, путешественник, географ, профессор, ученый

специалист Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур Василий Васильевич Маркович родился в 1865 году (по другим данным, 1 марта 1861 года) в Полтаве, входившей тогда в состав Российской империи.

Происходившие из старого малорусского рода Марковичей предки его жили в Пириятинском уезде Полтавской губернии. Он окончил реальное училище в Полтаве и поступил в Харьковский технологический институт, который ввиду слабого здоровья пришлось оставить и уехать лечиться в Бессарабию. Через год Маркович поступает в Новоалександрийский институт сельского хозяйства, где находит своего учителя — профессора В. И. Палладина, который привил ему любовь к ботанике и дендрологии.

Впереди его ждет серьезная научная карьера. По окончании института защищает диссертацию на звание ученого лесничего под названием «Деревья и кустарники в народной медицине», в 1890 году, попав по направлению на Кавказ, работает помощником лесничего в Чечне. Там изучает язык, знакомится с народным бытом. Пишет и публикует ряд статей в местных изданиях. Уже через полтора года становится лесничим Алагирского лесничества. В попытке выяснить соотношение между метеорологическими факторами и растительностью В. В. Маркович основывает сельскохозяйственную

метеорологическую станцию, наблюдения которой за 8 лет публикует в «Лесопромышленном вестнике» и в «Трудах Юрьевского ботанического сада». В это же время по поручению «Императорского русского географического общества» занимается изучением ледников, результатом чего становятся две его работы — «На ледниках Дигории» и «В поисках за вечным льдом».

Первое описанное им растение называет в честь своего учителя В. И. Палладина «*Larra palladini*». В Алагире руководит большим коммерческим плодовым садом. Пишет первую работу по плодоводству «Алагирская черная груша». В Харьковском обществе испытателей природы публикует статью о папоротниках Осетии, сотрудничает с Императорским Московским обществом испытателей природы.

В 1901 году в «Трудах Юрьевского ботанического сада» публикует проект устройства в Алагире лесной опытной станции с ботаническим и плодоводственным отделами.

В 1902 году В. В. Марковича избирают пожизненным членом Русского географического общества.

В феврале 1902 года приходит назначение на должность директора Сочинской садовой и сельскохозяйственной опытной станции. Василий Васильевич докладывает начальству: «Имею честь донести, что с 20-го по 31 мая г-м Гарбе мне сдана опытная станция и с 1-го сего июня я вступил в исполнение обязанности заведующего станцией».

Начальство высоко ценило опыт и труды ученого, остались воспоминания о нем как о выдающемся руководителе: «После увольнения Гарбе на его место был назначен г-н Маркович, человек весьма дельный, способный и прекрасный ботаник, который очень энергично и умело взялся было за дело улучшения Сочинской опытной станции, но именно ввиду его выдающихся способностей ему не пришлось долго оставаться во главе Сочинской станции, так как вскоре мне пришлось перевести его на важное место заведующего Сухумской опытной станцией, сделавшееся вакантным со смертью бывшего заведующего, г-на Терновского. Однако г. Маркович всё же успел составить план переустройства Сочинской станции, выработал смету на разные необходимые на её улучшения работы, а также указал на необходимость расширения её территории, путем обмена

с крестьянами соседней деревни Раздольной» (Ермолов А. С. Заметки по поездке на Черноморское побережье Кавказа осенью 1907 года. Санкт-Петербург: тип. В. Ф. Киршбаума, 1908. С. 79).

Итак, через 8 месяцев (4 марта 1903 года) В. В. Марковича переводят в Сухум директором Сухумской садовой и сельскохозяйственной опытной станции, созданной в конце XIX века на базе Сухумского ботанического сада, где он возрождает Сухумское общество сельского хозяйства и с 1903 года становится его председателем.

В 1904 году В. В. Марковича награждают малой золотой медалью Географического общества. На базе Ботанического сада впервые в Абхазии начинает работать метеорологическая станция, издается первый справочник — делектус семян, дающий возможность обмена с другими опытными учреждениями.

После участия в Гагринской выставке станция получила почетный диплом. На Петербургской юбилейной выставке Императорского общества садоводства удостоилась трех золотых медалей, а на Московской акклиматизационной — большой золотой медали.

«Побережье имеет гигантское будущее», — говорил В. В. Маркович. При нем проводились серьезные акклиматизационные опыты и испытания новых растений субтропической зоны, были созданы сортоиспытательный питомник, субтропические и технические участки, цитрарий (около 100 сортов цитрусовых растений, 40 видов бамбуков, маслины, чай). Особое внимание уделялось разведению первых кустов чая. Касаясь акклиматизации чая, В. В. Маркович писал в 1901 году: «Князем Воронцовым, бывшим наместником Кавказа, делались попытки акклиматизировать разные растения, и к этой эпохе относится выписка из Китая чайных кустов, их которых один сохранился до сих пор в Сухумском акклиматизационном саду, которому теперь насчитывается более 60 лет». Сам Маркович в 1904 году заложил опытную плантацию в Сухумском ботаническом саду, где в конце 1920-х годов были проведены опыты по вегетативному размножению чая в СССР.

С 1905 по 1916 год В. В. Маркович был редактором ежемесячного журнала «Черноморское сельское хозяйство» и приложения, журнала «Черноморский сельский селянин».

В 1907 году по его инициативе при опытной станции был создан один из первых на Черноморском побережье Кавказа небольшой музей естественной истории.

В 1912 году по предложению В. В. Марковича Сухумскую опытную станцию преобразовали в зональную; значительно увеличился размах научно-исследовательских работ.

С июля по сентябрь 1913 года Маркович в заграничной командировке посетил гербарий Буассие в Женеве, осмотрел ботанические сады в Париже, Кью, Берлине (в Далеме), Брюсселе и Вене.

Сочинская опытная станция, возглавляемая В. В. Марковичем, в 1913 году была награждена большой золотой медалью на выставке «Русская Ривьера» за полезную деятельность по переработке плодов с одновременным химическим анализом.

В мае 1914 года Марковича избирают почетным членом общества садоводства. В 1917 году снова назначают директором Сочинской садовой сельскохозяйственной опытной станции, которой он руководил до 1921 года. В то же время ученый

продолжает работу в Сухуме в качестве заведующего отделом ботаники опытной станции. В 1919 году становится председателем Управления по опытному делу на Черноморском побережье Кавказа.

В 1919 году Маркович числился в списках работников Сочинской сельскохозяйственной и опытной станции: «... Маркович Василий Васильевич, специалист IV класса по опытному делу. Заведующим станцией назначен Управлением Государственными имуществами Черноморской губернии от 1 апреля 1919 года. Русский подданный, 53 лет, женат, прибыл из Сухума, паспорт бессрочный из Департамента Земледелия. Формулярный список о службе его находится у начальника Управления Шольца. Маркович Мария Николаевна, жена заведующего, проживает на опытной станции...»

Известна серия фотографий знаменитого Сергея Прокудина-Горского в Сухумском ботаническом саду, которым заведовал В. В. Маркович, в первую очередь, самой большой кувшинки в мире — Виктории Регии (Виктории амазонской). В контрольном альбоме Прокудина-Горского отмечено,

что это растение впервые в Европе было выведено на воздухе (не в оранжерее) и посажено в июне 1912 года.

И вот вдруг за плодотворной и спокойной научной работой с октября по ноябрь 1920 года Марковича настигает арест ЧК (в качестве заложника). В протоколе объединенного заседания научной коллегии и административно-хозяйственного Совета станции от 16 октября 1920 года читаем: «Постановили. Донести в Новороссийск, Екатеринодар и Москву об аресте Марковича и об отношении властей к станции». В следующем году было еще два ареста, после которых его так же, как и после первого, отпустили.

Неизвестно, аресты ли, судьбоносная ли встреча или давняя мечта повлияли на то, что произошло с ним в дальнейшем, но в 1921 году В. В. Маркович в Симоно-Кананитском мужском монастыре в Новом Афоне тайно принял монашеский постриг (рясофор), а в 1922 году был пострижен в мантию с наречением имени Нестор. И даже написал устав тайного монашества.

Притом с 1921 по 1925 год он снова был директором Сухумской садовой сельскохозяйственной опытной станции.

В 1924 году Маркович переезжает на работу в Ленинград в качестве ученого специалиста Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур.

В 1925 году в Ленинграде работает научным сотрудником Всесоюзного института растениеводства.

С 1926 по 1928 год Маркович был в заграничных командировках в Палестине, Китае, Японии, Индии и на Святой Горе Афон в Греции — для изучения и приобретения наиболее ценных материалов по субтропическим культурам, в том числе по хинному дереву и другим лекарственным растениям. В результате этой экспедиции В. В. Маркович приобрел и отправил в СССР большое количество семенного и посадочного материала — около 8000 различных семян, клубней, саженцев. Он стал первым советским ученым, посетившим Индию.

В своей книге «Жизнь коротка, надо спешить» Николай Вавилов отметил труды В. В. Марковича: «В экспедициях принимал участие ряд научных работников Всесоюзного института растениеводства, проводивших большие исследования. В осо-

бенности замечательные результаты дали длительная экспедиция С. М. Букасова и С. В. Юзенчука в Мексику, Центральную и Южную Америку... а также экспедиция В. В. Марковича в Индию, на Цейлон и Яву...»

27 февраля 1928 года Н. Вавилов писал инспектору правления «Резинтреста» Лихачеву: «В это время им проводится большая работа по интродукции в нашу страну особо интересных субтропических и тропических растений. Многие ценнейшие культуры, ныне имеющие государственное значение, в наши субтропические районы впервые были ввезены по инициативе В. В. Марковича. Как, например, эвкалипты, различные цитрусовые, множество ценных декоративных растений, японская хурма и др.»

Вавилов не всегда был доволен Марковичем. В Палестине «мирской монах» два с половиной месяца прожил на Святой Земле в подворье Палестинского православного общества. Николай Вавилов беспокоился о таком длительном пребывании в Палестине, приходили и тревожные новости об отрицательном отношении к этому сотрудников института.

Экспедиция продлилась с 8 апреля 1926 года по 17 октября 1928-го. О своих успехах за три года он отчитался перед научным сообществом, впереди ждало издание многочисленных исследовательских трудов.

Были и завистники, и недоброжелатели (и, как потом выяснилось, предатели): анонимный сотрудник университета в газете «Правда» от 1 декабря 1928 года опубликовал критическую заметку «Ученые в облаках», что пока в стране неурожай, «ученые института объездили весь свет».

Научное сообщество встало на защиту ученого. Так, в протоколе заседания коллегии института от 6 декабря 1928 года написано: «Отметить исключительные трудности и успешность выполнения возложенных на него заданий по рекогносцировочному обследованию Индии, выразив ему благодарность от имени института...»

В Ленинграде В. В. Маркович сблизился с Александро-Невским братством, что сказалось на его дальнейшей судьбе.

Как члена братства 17 февраля 1932 года монаха Нестора арестовали, по приговору выездной

комиссии ОГПУ от 22 марта 1932 года осудили на десять лет лагерей за участие в «церковно-монархической организации „Александро-Невское братство“».

Еще одной возможной причиной ареста могло быть «Дело всесоюзной контрреволюционной монархической организации „Истинно православная церковь“, к которой следователи могли попытаться привлечь и его. ОГПУ интересовала связь с заграницей.

В показаниях по этому делу (похоже, намеренно продиктованных следователем) имя В. В. Марковича упоминается в допросе М. А. Новоселова. Из них следует, что во время пребывания в Палестине тайный монах Нестор (Маркович) мог увидеться с архиепископом Анастасием, возглавлявшим Русскую миссию в Палестине, и передать ему церковные материалы (ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7377. Т. II. Л. 158).

Записаны были и показания А. Ф. Лосева: «Относительно связей с заграницей могу показать следующее: от Новоселова я узнал, что у него был знакомый профессор ботаник Маркович, который был в длительной заграничной командировке. Новоселов как будто (с его слов) информирован был о том, что за границей декларация митрополита Сергия об отношении к совласти расколола церковь на большую, согласную с ним более или менее сторону, и сторону меньшую численно, но состоящую из наиболее авторитетных церковников. Новоселов говорил, что Маркович видел за границей видных деятелей и беседовал с ними» (ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7377. Т. II. Л. 141).

Заключение ученый-монах отбывал в Карагандинском лагере, по ходатайству академика Н. И. Вавилова был перенаправлен в Дмитлаг (строительство канала Москва — Волга) и работал ботаником в производственно-исследовательской лаборатории. Об освобождении лично ходатайствовал академик Н. И. Вавилов, отзывавшийся о нем как о добросовестном труженике, преданном своему делу. Вавилов писал начальнику управления Дмитровского исправительного трудового лагеря в письме от 8 января 1934 г.: «...В вашем ведении находится профессор Вас. Вас. МАРКОВИЧ, который работает примерно полгода. Возраст его около 70 лет. Это крупный работник — ботаник, лучший знаток субтропических

культур, основатель первого научного субтропического учреждения — Опытной Станции в Сухуми, где он работал около 40 лет. В последние годы он работал под моим руководством во Всесоюзном Институте Растениеводства, заведя субтропическими культурами, и был командирован нами для сбора различных субтропических культур — хинного дерева, каучуконосов, субтропических плодовых — в Палестину, Индию, Яву и Цейлон, где он пробыл около трех лет, собрав большой материал, который ныне испытывается в наших субтропиках. Надо сказать, что попасть из Советской страны в Индию, на Яву — дело исключительной трудности, так как обычно советских ученых туда не пускают. Маркович собрал большой материал, но, к сожалению, отчета он не успел окончить перед арестом. Знаю я В. В. Марковича как исключительно добросовестного труженика, преданного делу и знающего его. Мы крайне заинтересованы, по деловым соображениям, в получении обстоятельного отчета об его путешествии в Индию и на Яву, где он изучал, по нашему поручению, культуры, которые мы ныне развиваем в наших субтропиках...

Если бы невозможно было освободить его, невзирая на престарелый возраст его и необходимость закончить работу по субтропическим культурам, то, может быть, Вы укажете мне путь ходатайства о помиловании».

И ходатайство знаменитого академика Вавилова возымело действие. Маркович был перенаправлен в Дмитлаг, а в начале 1937 года освобожден и удостоен звания ударника строительства канала Москва — Волга.

Но в Ленинград дорога ему была закрыта. Поселился ученый в Малой Вишере, где из-за судимости не получал пенсию. Здесь к 1941 году по итогам своей командировки он написал несколько томов «Британской и Голландской Индии» и автобиографию «Жизнь счастливого человека».

Вместо очередной премии Н. Вавилов 18 июля 1940 года ходатайствовал о снятии с него судимости: «Материально он в настоящее время крайне нуждается и существует случайными, более чем скромными заработками». Но вопрос с назначением пенсии так и не был решен.

Вскоре будет арестован и сам Вавилов (он умрет в тюрьме в 1943 году).

Военные годы нанесли последний удар — город оказался в оккупации. После освобождения Марковича как неблагонадежного сослали на север, где в 1942 году он скончался, по официальной версии — умер в экспедиции.

В 1989 году решением Верховного Совета СССР В. Маркович был реабилитирован.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЕ БРАТСТВО

Время проповеди во дни советской власти было сложным. Безбожная власть активно вытесняла Церковь из общественной среды.

Специальных декретов по закрытию монастырей не выходило. После ленинского декрета об отделении Церкви от государства (1918) органы власти забирали церковно-монастырское имущество, рассматривая монастыри как экономические единицы, эксплуатирующие трудовой народ, а не как духовные общины. Монастыри уже не могли существовать на территории

Советского Союза легально. Некоторые пытались регистрироваться как сельскохозяйственные артели, но вскоре также закрывались.

К 40-м годам XX века действующих монастырей в Советском Союзе уже не было — с начала 1920-х они либо закрывались, либо становились приходскими церквями. Мирянам приходилось тайно окормляться у оставшегося монастырского духовенства. Вокруг духовников стали образовываться отдельные духовные кружки, и лиц, расположенных к монашеству, тайно постригали.

Члены монашеских общин работали на светской работе, выбирая ее так, чтобы она не мешала внутренней жизни и молитве. Считанные единицы несли церковное послушание. Свое монашество внешне они не проявляли: даже если сослуживцы на светской работе и догадывались, что эти юноши или девушки верующие, они не подозревали об их монашестве.

Общины собирались тайно для постригов, совершения служб, духовных бесед и молитвы.

Такая деятельность рассматривалась как организованное покушение на советскую власть, политическое преступление. Тайные монахи подвергались репрессиям: арестам и высылкам, лагерям и расстрелам. Особенно серьезно преследовались духовники и руководители общин. Вернувшиеся из лагерей и ссылки лишались права проживать в крупных городах.

Самым крупным явлением в XX веке стало Александро-Невское братство, давшее России ряд архиереев, новомучеников и исповедников.

Наибольшего расцвета оно достигло в 1920-х – начале 1930-х годов, сложившись к 1 февраля 1919 года на основе Братства по защите святынь Александро-Невской Лавры (январь 1918-го), Александро-Невского православного трудового братства при свечном заводе (1918) и молодежного кружка монахов и мирян (с дореволюционного времени участники объединяли просветительские беседы иеромонахов братьев Гурия и Льва (Егоровых), организованную форму кружок получил 8 марта 1918 года).

Братство объединяло людей, жаждущих подвигов христианского благочестия. Четырнадцать лет оно играло заметную роль в жизни Петроградской (позже Ленинградской) епархии, вело борьбу с обновленческим расколом и иосифлянским разделением. Похожее братства возникли в соответствии с решением Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 годов. В Петрограде процессом их создания руководил будущий священномученик митрополит Вениамин (Казанский).

Основателями и руководителями Александро-Невского братства были три молодых иеромонаха: Иннокентий (Тихонов), будущий архиепископ Винницкий; Гурий (Егоров), будущий митрополит Ленинградский и Ладожский (по последней кафедре Симферопольский и Крымский); и Лев (Егоров), будущий архимандрит, новомученик.

Принимались в братство «все желающие, уяснив, что они преданные религии люди», живым руководством для которых были слова апостола Иакова: «Вера без дел мертва» (Иак. 2:26).

Поначалу целями братства были: возрождение и развитие приходской жизни, выполнение

отдельных служений по христианскому просвещению и воспитанию, объединение людей, ревнующих о высших подвигах христианского благочестия. А позже – создание новых монашеских общин за стенами закрываемых обителей, подготовка образованных молодых людей обоюбого пола к принятию пострига и в условиях массовых репрессий — подготовка кандидатов во епископы.

Основу духовной жизни составляли ежедневные богослужения, проповедь и общенародное пение. Велись занятия с детьми по Закону Божию (69 кружков), занятия в кружках молодежи. Устраивались лекции, диспуты, паломнические поездки, велась антисектантская работа. Действовала большая библиотека, миссионерский Сергиевский кружок под руководством М. А. Безбородова и В. И. Клочковой, богословский Златоустовский мужской кружок, философский (мужской) кружок под руководством архимандрита Варлаама (Сацердотского). Издавались брошюры, хроники, вестники с научными трудами, церковные календари.

Чувствуя угрозу закрытия монастырей, члены братства стали воспитывать монашеский дух за стенами обителей и готовить к принятию пострига: были созданы мужской и женский кружки по изучению истории монашества и вопросов, к нему относящихся (соответственно, 18 августа 1921 года и 16 октября 1921 года). В Александро-Невской Лавре было создано специальное мужское общежитие с общей молитвой и трапезой. Общежития монашеского типа создавались и для братчиц.

Члены братства посещали больницы, богадельни, приюты, раздавали продовольствие, одежду, денежные пособия, помогали бедным прихожанам, поддерживали арестованных и осужденных.

У каждого было свое послушание под руководством избранного им духовника. Уже к 1920 году в братстве состояло 70–100 человек.

В 1922 году, после признания Лаврой обновленческого Высшего церковного управления, Александро-Невское братство ушло из Крестовой церкви, начались аресты и ссылки руководителей («дело Спасского братства», 1924; «дело Епископского совета», 1925; «дело Богословско-пастырского училища», 1927 и др.), история братства завершилась

в начале 1932 года, во время массовых арестов священнослужителей и монашествующих. В так называемую «святую ночь» с 17 на 18 февраля 1932 года было арестовано около 500 человек, и в их числе около 40 братчиков.

Задачей следственных органов была фабрикация дела влиятельной контрреволюционной организации с широкими внутрисоюзными и международными связями: «...доказано, что „братство“ в настоящее время, как и в первые годы своего существования, являлось передовым отрядом церковной контрреволюции, указывая православной церкви пути борьбы против пролетарского государства в условиях периода социализма» (Д. П-68567. Т. 2. Л. 455). (Здесь и далее сохранены особенности орфографии и пунктуации документов. — Ред.)

Судебные заседания были закрытыми. 22 марта 1932 г. выездная комиссия Коллегии ОГПУ вынесла приговор – от лишения права проживания в Ленинграде и Ленинградской области на 3 года до 10 лет лагерей.

Большинство братских отцов погибло в конце 1930-х. Некоторые выжили в заключении и вышли на свободу, но вскоре погибли или умерли от болезней. В 1937–1938 годах многие члены братства были расстреляны, в их числе архиепископ Иннокентий (Тихонов), архимандрит Лев (Егоров), архимандрит Варлаам (Сацердотский), братчицы Екатерина Арская, Кира Оболенская и др.

Оставшиеся уже не собирались вместе, но индивидуально продолжали помогать арестованным и обучать детей Закону Божию. Они поддерживали друг друга, хранили верность братским правилам и берегли память о погибших в лагерях духовных отцах и братьях. 9 ноября 1993 года отошла ко Господу последняя активная участница Александро-Невского братства Лидия Александровна Мейер.

Несмотря на гонения братские отцы смогли подготовить новых молодых священнослужителей: четверо братчиков стали архиереями, еще трое архипастырей имели опосредованное отношение к братству. Александро-Невское братство оставило значительный след в истории Русской Церкви XX века. В 2003 году состоялось прославление в лике святых архимандрита Льва (Егорова)

и двух братчиц — Екатерины Андреевны Арской и Киры Ивановны Оболенской.

НЕТ НИЧЕГО ТАЙНОГО, ЧТО НЕ СТАЛО БЫ ЯВНЫМ

Обычно эти слова Христовы принято воспринимать в отрицательном смысле — ввиду грядущего суда и наказания. И используется это выражение, как правило, в качестве упоминания о не очень хороших делах. Однако оригинал говорит о поведении слова Христова: «Итак, не бойтесь их, ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узвано. Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях» (Мф. 10:26–27). Святитель Иоанн Златоуст, трактуя этот отрывок, говорит: «Время все сокровенное открывает; оно изобличит и клевету врагов, и откроет вашу добродетель» (Беседа 34).

Монах Нестор (В. В. Маркович) никогда не был руководителем братства. Но именно это вменило ему в вину следствие.

Так, в ходе допроса арестованный аспирант Н. А. Мещерский отмечал среди членов братства «два течения»: последователей архимандритов Гурия (Егорова) и Варлаама (Сацердотского) как «наиболее фанатично и контрреволюционно настроенных», и о. Льва (Егорова) как «признающих компромиссы и даже лояльных наружно к советской власти». Он же описал основные направления деятельности братства:

- «1. Организация богословского просвещения молящихся путем церковных богослужений сугубо уставного характера и специальных проповедей.
2. Подготовка богословски образованных церковных кадров путем индивидуальной и групповой обработки верующих, особенно молодежи.
3. Подготовка и организация тайно монашествующих для укрепления церкви и подготовки священников, которые не были бы связаны семьей.
4. Организация самостоятельности верующих путем устройства общенародного пения во время службы, специальных хоров и т. д.
5. Организация материальной и моральной помощи высланному духовенству» (Дело П-68567. Т. 4. Л. 279).

Особенно важным для работников ОГПУ было выявить связи членов братства с международной контрреволюцией, и люди с заграничными

контактами очень кстати подходили на эту роль. Так и арестовали близких к Александрo-Невскому братству профессоров — известного ботаника Василия Васильевича Марковича и энергетика и математика Николая Михайловича Егорова (который по делу 1932 года осужден не был).

Припомнили В. В. Марковичу и монашество, и продолжительную заграничную командировку 1926–1928 годов, и изучение субтропических культур в Китае, Индии, Японии, Палестине и на острове Ява, и то, что Василий Васильевич (монах Нестор) два с половиной месяца жил на Святой Земле в подворье Палестинского православного общества и «на религиозной почве» познакомился там с главой Русской духовной миссии архиепископом Анастасием (Грибановским).

На допросе он скажет: «В 1921 г., будучи командирован Абхазским правительством в Новый Афон (с целью проведения опытов с огородными культурами и изучения лимонного и масляного дела), я принял тайное монашество с именем „Нестора“. Мое пребывание в монашестве тайно объясняется желанием работать и состоять на советской службе. В 1922 г. я принял второй постриг так назыв. „мантию“, т. е. схиму...

Обнаруженные у меня фотографии членов Русской православной миссии в Палестине, где и я заснят, изображают крестный ход в Иерусалиме в день Успения, где я случайно очутился. Знакомство мое с председателем Русской православной духовной миссии в Палестине архиепископом Анастасием произошло на религиозной почве. В подвории Палестинского православного общества я жил 2 1/2 мес., после чего выехал на остров Яву. Будучи в Индии, Китае и Японии, мне приходилось встречаться с русскими на съездах и в церквях, но политического характера эти встречи не носили. Встречались главным образом на религиозной почве. Будучи в Японии в Нагасаки, я познакомился с женой атамана Семенова и 1 раз был у нее на квартире по вопросам религиозно-философского характера» (показ. обв. Марковича см. л. д. № 47–48).

Общался профессор в различных странах с русскими эмигрантами, но, как он заявил на следствии, «политического характера эти встречи не имели».

В Нагасаки он познакомился с женой белогвардейского атамана Семенова и один раз был у нее на квартире по вопросам «религиозно-философского характера». Следствие это указало как знакомство с самим атаманом Семеновым.

Так же была выставлена встреча в Лионе с председателем «Русского студенческого христианского движения», через которого профессор опубликовал несколько своих религиозных работ (Д. П-68567. Т. 2. Л. 454–455).

В обвинительном заключении В. В. Маркович был назван «идеологом и обоснователем тайного монашества». Еще до революции он придерживался идей христианского социализма, а в 1924 году написал «Устав христианской сельскохозяйственной трудовой общины», который позднее считал устаревшим и непригодным: «Устав „христианской сельскохозяйственной трудовой общины“, написанный мною в 1924 году, в настоящих условиях я считаю устаревшим и не пригодным. То обстоятельство, что я после восьмилетнего молчания и бездействия в этой области вновь заинтересовался уставом вытекает из следующего: будучи в Макарьевском монастыре в августе 1931 г., я узнал о существовании на ст. Бакланка б. Ярославской губ. общины верующих под именем „Коммуны им. Крупской“, в которой члены — верующие христиане получали духовное руководство от скрывшегося в коммуне от ГПУ священника. Я об этом пожалел, и думаю, нельзя ли как-нибудь помочь такому положению, когда верующие христиане принуждены скрывать свои чувства. У меня явилась мысль, нельзя ли на легальных основаниях устроить такую коммуну, и какие должны быть ее основы. Я вспомнил тогда о своем уставе» (показ. обв. Марковича, см. л. д. № 50).

В конце 1920-х – начале 1930-х годов В. В. Маркович писал про церковные уставы, толкования Евангелия, жития святых, подготовил устав тайного монашества: «1. Тайное монашество есть вынужденный путь христианского спасения в условиях советской действительности. 2. Идеалы тайного монашества те же, что и явного. 3. Тайное монашество не может быть мыслимо вне связи с православной церковью. 4. Постриг и пребывание в монашестве держится в строжайшей тайне. 5. Тайный монах не должен менять своего светского облика и отставать

от культурного роста страны» (Д. П-68567. Т. 2. Л. 48, 446).

Его идеи были близки архимандриту Льву (Егорову), с которым он дружил и помогал своими заметками для подготовки проповеди в Страстную седмицу. Монах Нестор поддерживал отношения и с другими членами братства, но никогда не входил в число его руководителей. Он тщательно скрывал свое монашество, но подолгу жил в Макариевской пустыни, а также материально помогал арестованным верующим, в том числе профессору А. И. Бриллиантову.

Под влиянием В. В. Марковича тайный постриг приняла только его помощница, лаборантка института растениеводства Нина Александровна Дмитриева, которая в 1929 году была пострижена в рясофор в Александро-Невской лавре архимандритом Феодосием. На следующий год она поехала в научную командировку в Сухуми и Новый Афон, там встречалась с тайными монахами Александром (Левицким), Трифоном, Артемием и Тамарой Ивановой. По совету своего духовного отца монахиня Нина хотела уехать в Палестину и поступить там в Горненский женский монастырь, будучи в научной командировке в Яффе. Через письмо в Иерусалим архиепископу Анастасию (Грибановскому) было получено на это согласие, однако командировка не состоялась. Н. А. Дмитриева хотя и была в ходе следствия «изобличена как активный член Александро-Невского братства», все же имела к нему мало отношения (Д. П-68567. Т. 2. Л. 447, 454).

Следствие, однако, через нее старалось вменить в вину монаху Нестору прозелитическую деятельность: «В 1929 г. В. В. Маркович поставил мне условием совместного научного сотрудничества во Всесоюзном ботаническом ин-те прикладной ботаники — или выполнять послушно его наставления, или порвать с ним всякое общение. Послушание это заключалось в том, что я должна была постричься в тайные монахини. Я согласилась. Получив мое согласие, В. Маркович сговорился с архимандритом „Александро-Невской Лавры“ Феодосием, и мне было назначено время пострига» (показ. обвин. Дмитриевой, см. л. д. № 247).

В итоге строгую меру наказания монах Нестор получил за то, чего не совершал, следствие пришло к выводу, что он виновным в управлении организацией

Александро-Невского братства. Все потому, что именно профессор, человек образованный и с иностранными связями, нужен был для логического завершения образа тайной организации.

По мнению следствия, «все члены организации были связаны между собой системой постоянного руководства и строжайшей дисциплины.

Во главе организации стояла „пятерка“ в составе:

1. Архимандрита Егорова, Льва Михайловича,
2. Архимандрита Сацердотского, Варлаама Михайловича,
3. Иеромонаха Эссена, Владимира Михайловича,
4. Иеромонаха Ляпунова, Бориса Сергеевича,
5. Профессора (он же тайный монах) Марковича, Вас. Вас.

В функции „пятерки“ входило руководство всей деятельностью организации, как в области организационной, так и в области агитационно-пропагандистской».

Братство, по мнению обвинения, было контрреволюционной организацией, которая со времени своего создания в 1918 году непрерывно вела активную борьбу с советской властью: «...доказано, что „братство“ в настоящее время, как и в первые годы своего существования, являлось передовым отрядом церковной контрреволюции, указывая православной церкви пути борьбы против пролетарского государства в условиях периода социализма» (Д. П-68567. Т. 2. Л. 455).

По версии следствия, деятельность организации велась в таких направлениях:

- «1. Насаждение тайного монашества как религиозно-политической силы в советских учреждениях, вузах и колхозах; 2. Организация тайно монашеских женских и мужских общежитий — „коммун“; 3. Создание церковных кадров и богословское воспитание молодежи; 4. Организация систематической материальной и моральной помощи репрессированному за к.р. духовенству; 5. Организация связей в различных областях СССР, а также за его пределами в среде церковников-белогвардейцев. В основном деятельность организации сводилась к объединению под религиозным покровом монархически

настроенных элементов и созданию из них воинствующего ордена „истинно-православных людей“ по типу „Союза Михаила Архангела“ с прямым подражанием наиболее деятельным и реакционным орденам римско-католической церкви» (Д. П-68567. Т. 2. Л. 436–437).

Итак, в заключительной части обвинений реальная (далеко не антисоветская) деятельность смешивалась с явным вымыслом (создание воинствующего ордена по католическому образцу). Делался акцент на жестко централизованной структуре, постоянном руководстве и строгой дисциплине. Во главе организации была определена «пятерка», «руководство носило деспотический характер с элементами не только контрреволюционной направленности, но и изуверства». В довершение отмечался также «исключительный прозелитизм», из-за которого состав организации к 1932 году значительно пополнился учащейся молодежью (Д. П-68567. Т. 2. Л. 440, 441, 443).

Открытого суда над членами братства не было. 22 марта 1932 года выездная комиссия Коллегии ОГПУ вынесла подсудимым приговор — кому

лишение права проживания в Ленинграде и Ленинградской области на 3 года, кому 10 лет лагерей. К максимальному сроку наказания были приговорены архимандриты Лев (Егоров), Варлаам (Сацердотский), иеромонахи Сергей (Ляпунов), Вениамин (Эссен), Авделей (Кирпань), игумен Варсонофий (Веревкин) и монах Нестор (Маркович).

«Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах...» (Мф. 5: 11–12).

В этих неочевидных Евангельских истинах и звучит ответ, почему был счастлив человек, прошедший непростой жизненный путь известного ученого и неприметного миру монаха. Жизнь счастливого человека — жизнь со Христом и служение Ему. Везде: в научном поприще, в храме и в деле просвещения, в заключении и в изгнании, в достатке и крайней нищете — всюду счастье, если с нами Бог!

М И Р

«НЕ БОЙСЯ, ТОЛЬКО ВЕРУЙ» 79
Диакон Сергей Воронин

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ 85
ОБЕР-ПРОКУРОРА СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА
Диакон Андрей Круглов

«МИР ДОБРА». ГУМАНИТАРНЫЙ ЦЕНТР 91
СОЧИНСКОЙ ЕПАРХИИ

ХРИСТИАНСТВО 93
И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС
Диакон Дмитрий Белоусов

«СКУПЛЯ» (РАССКАЗ) 101
Инна Ямбулатова

НЕ БОЙСЯ, ТОЛЬКО ВЕРУЙ

Диакон Сергей Воронин – штатный диакон храма апостола Андрея Первозванного г. Сочи. Окончил Екатеринодарскую духовную семинарию и Сочинский государственный университет. Кандидат педагогических наук.

Начало десятилетия стало новой точкой отсчета в жизни многих из нас. «Мир больше не будет таким, как прежде», – провозносили мы, когда пандемия COVID-19 семимильными шагами ступала по Земле. Лишь немного отступила болезнь, и сегодня мы снова слышим и говорим: «Мир больше не будет таким, как прежде». Что же изменилось в нашем мире? Он ведь не стал другим. Смерть и горе, жизнь и радость – всё по-прежнему. А вот другими всё больше и больше становимся мы.

В книге Редьярда Киплинга «Маугли» есть такие слова: «Теперь вы узнаете Страх и, увидев его, поймете, что он господин над вами».

Приведу недавний случай, произошедший со мной. Весна 2021 года, стою на площадке 16 этажа многоквартирного жилого дома в ожидании лифта. В доме есть два пассажирских лифта, но один из них в этот день не работает. Со мной на площадке стоит женщина. В медицинской маске и перчатках. Мы живем на одном этаже, знакомы. Женщина с тревогой посматривает на меня. Долгое ожидание, и вот, наконец, открываются двери лифта. Собираюсь заходить в лифт, но женщина – она уже в кабине – кричит: «Вам нельзя, вы без маски. Не заходите!» Мы почти соседи, но страх становится господином, а мы – его рабами. Ни в коем случае не стоит с осуждением смотреть на кого-либо

из людей, чьим сердцем завладел страх. У каждого из нас есть свой, такой же вот маленький, господин. Немного отличается разве что он от того, чужого страха, он более близок нам.

В основе наших важнейших выборов часто лежат или страх, или любовь. Избегаем мы неудач или достигаем успеха, отворачиваемся и проходим мимо или протягиваем руку помощи, выбираем жизнь с Богом или остаемся жить как получится. Осознанный выбор жизни с Богом – всегда выбор смелого человека. Тот, чья жизнь проходит в страхе, вряд ли способен на такой выбор.

«Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть» (Мф. 6:24). Почему мы, называя себя рабами Божиими, являемся рабами страха? Что же такое этот страх, и насколько это опасно – быть подверженным ему?

С точки зрения психологии, страх сам по себе ни хорош, ни плох. Таким его делают некие обстоятельства. В одном случае страх – это защитная биологическая реакция человека в ответ на реальную или мнимую опасность. И здесь, по мнению ученых, страх оказывается полезен. Он может помочь сохранить здоровье, спасти жизнь. Чаще всего – себе. В другом случае, страх – навязчивое состояние, мучащее человека неослабевающей тревогой.

Такой страх называют фобией. Он способен разрушить комфорт человека и тех, кто находится рядом с ним.

А что же говорит о страхе христианство? Страх не является грехом, но может сильно повредить самой вере человека. Господь наш Иисус Христос обращается к начальнику синагоги со словами: «Не бойся, только веруй» (Мк. 5:36). Так говорит Он в ответ на слова, обращенные к пораженному горем отцу: дочь твоя умерла, не утруждай учителя. Они знают, что она умерла. У них есть знание, и им не нужна вера. И уже смеются они над самим Спасителем: «И смеялись над Ним, зная, что она умерла» (Лк. 8:53).

Для человека невежественного и малое знание противно вере. Для человека разумного знание и вера вовсе не враждебны друг другу. А вот страх враждебен и вере, и любви. Одной из основных причин страха является неизвестность. Но, конечно, страшит не любая неизвестность. Идя в магазин, мы, например, не знаем, кто из продавцов отпустит нам булку хлеба. Но это не страшит нас. Другое дело, когда мы не знаем, окажется ли вообще в магазине хлеб. И ладно бы хлеб... Соль, сахар, спички и товары, менее необходимые человеку, мгновенно исчезают с полок магазинов, стоит лишь создать ажиотаж.

Неизвестность, грозящая комфорту человека, — вот это уже сила, превращающая страх в настоящего господина души и сердца. Будучи ребенком, мы протягиваем руку отцу или матери, и ветер за окном кажется нам не таким уж свирепым, а темнота — менее пугающей. Мы верим нашим родителям. Доверяем им.

Постепенно мы вырастаем. Даже рядом с родителями мы больше не чувствуем себя такими защищенными, отделяемся от них и с тревогой смотрим в будущее.

Итак, неопределенность и неизвестность в том или ином виде часто являются причиной наших страхов. Возьмем даже глубоко верующего и живущего в согласии со своей совестью и заповедями Божиими человека. Со стороны про него можно сказать: он-то человек

святой жизни, и если уж он страшится смерти, то что говорить о нас. Конечно, чем человек праведнее, тем больше он видит в себе изъянов греховных. Но есть и другая причина возможного страха смерти. Мы в глубине души уповаем на то, что Господь через наши усилия Своей Благодатью может нас спасти. Но тут возникают вопросы недремлющего разума. А как это будет? Какой он — Рай, и чем я там буду заниматься? Неопределенность.

Согласно устоявшемуся стереотипу мужчины более рациональны и логичны, чем женщины. Но независимо от того, насколько это так, люди больше живут разумом, чем сердцем и... верой. В жизни, не на словах. Апостол Павел говорит о вере, что она есть «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11:1). Уверенность, определенность. Вот и получается: если в детстве ребенок боится темноты, не зная, что она таит в себе, то и взрослый человек боится многого из того, что связано с неизвестностью, неуверенностью. Такой страх для человека естественен.

Кто кем побежден, тот тому и раб (2 Пет. 2:19). Мы с ностальгией вспоминаем время, когда нам было так мало нужно для радости и счастья, но не готовы отказаться от привязанности к комфорту. И за таким рабством незаметно приходит страх. Страх лишений и бедности. Становится труднее доверять Богу, боясь, что Его Промысел о нас не совпадет с нашей привязанностью к удобству.

В послании к Галатам апостол Павел именует любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость и воздержание плодами духовными. Страх, поселившийся в сердце, способен разрушить каждую из этих добродетелей. Он есть то, что сжимает, закрывает, прячет, накапливает и наносит ущерб.

Вместе с тем страх может служить на пользу человеку. И речь не только о Страхе Божием, стоящем в основе добродетелей, который уникален сам по себе: в отличие от других страхов, он не направлен на избегание объекта страха, опасности, но устремлен к Богу, приводит человека

к Нему. Во втором послании к Коринфянам читаем такие слова апостола Павла: «И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился» (2 Кор. 12:7). Вот и одна из причин, почему страхи нас не оставляют, — ради смирения.

Есть такое понятие — «зона комфорта». Так называется ситуация, в которой оказывается человек, когда его всё в общем-то устраивает. Психологи критикуют состояние человека, оказавшегося в такой ситуации: некуда и незачем стремиться. Тем более эта ситуация опасна, когда речь идет о духовной сфере. Мы внешне живем правильной жизнью — ходим в храм, стараемся жить по заповедям и в целом довольны собой, часто не видя своего настоящего духовного состояния. Пока гром не грянет — мужик не перекрестится, говорит народная мудрость. Гром — это и есть страх, который может помочь человеку очнуться ото сна. Конечно, большой страх, или даже фобия, наоборот, могут вести человека в сторону от Бога. Воля человека тогда оказывается парализованной, а сам он часто просто замыкается в себе. Но маленькие страхи — дело другое.

Еще одной важной причиной страхов, особенно в ситуации быстро меняющегося мира, являются стереотипы, клише. В третьей главе книги Бытия Бог обращается к Адаму со словами: «в поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3:19). К Еве же — со словами «умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рожать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» (Быт. 3:16). Мужчина — добытчик, женщина — хранительница очага. Эти роли знакомы каждому христианину, понятны ему. Семья, живущая по этим правилам, может быть счастливой и прочной. Однако в сегодняшнем нестабильном мире мужчина легко может лишиться работы или переживать угрозу ее потери. Да, мужчина — добытчик, но, если в его голове эти слова — жесткая схема, без всяких «но», страх готов постучаться в самое сердце.

Вместе с тем семья — это всегда поддержка и взаимопомощь, понимание друг друга. Да, женщина — хранительница очага, мать. Однако бывает, что беременность не наступит. Временно или нет, женщина не становится матерью. Возникает страх не реализовать себя в материнстве. Если человек принимает Божий Промысл о себе, он делает большой шаг к освобождению от страха. Такой человек, даже когда его жизнь складывается не по «сценарию», будет понимать, что у Бога есть на него свой план, и Он откроет новые возможности.

Еще одна значимая причина страха — в самом отношении человека к жизни. Одни люди рассматривают жизнь как непрестанную борьбу за комфорт, лучшие условия, или просто за то, чтобы быть как все. Это «как все» может быть разным: быть успешным, иметь семью, здоровых детей, хорошую работу. Список можно продолжать. Другие люди рассматривают жизнь как большое приключение. Любое приключение состоит из рисков, опасностей, неожиданных поворотов. Но главное — оно наполнено интересом. Если жизнь человека — борьба за один из вариантов «как все», его спутником становится не только напряжение, но и страх: страх несоответствия или потери. Другое дело, когда жизнь — одно большое приключение. Оно — не гладкая дорога, не отсутствие потерь и препятствий. Но оно же — интересный и захватывающий путь с Богом и одновременно восхождение к Нему. И тогда вместо разочарования — поиск, вместо страха — вера и доверие. Вместе с тем человек всегда остается человеком. Он чувствует, испытывает эмоции, грустит и радуется по временам. Он может испытывать и страх. И несправедливо будет упрекать человека, имеющего в своей жизни те или иные страхи, в том, что раз он боится — значит, большой грешник, не доверяет Богу.

Здесь важно понимать следующее: апостол Иоанн Богослов в своем послании прямо говорит о том, что в любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх (1 Ин. 4:18). Помня, однако, что союз веры, надежды и любви составляет,

по слову Иоанна Лествичника, высшую ступень восхождения к Богу, зададимся важным вопросом: страх в нашей жизни или жизнь в страхе?

«Маловерный! зачем ты усомнился?» (Мф. 14:31) — обращается Господь к испугавшемуся Петру. И после Петр испытывает страх, трижды отрекаясь от Спасителя. Но впереди — духовное возрождение и победа над страхом. Это не жизнь в страхе. А вот премудрый пестарь из одноименной сказки Михаила Салтыкова-Щедрина — яркий пример жизни в страхе. Здесь нет веры и надежды, есть лишь желание продлить свои дни, отказавшись от жизни ради существования.

Бывает, человек сталкивается с тем, что его одолевает страх за саму жизнь. Она есть бесценный дар от Бога. Но нередко так получается, что жизнь человека, способного на подвиг, быстро прогорает яркой вспышкой. Пример этому — Георгий Великанов, алтарник московского храма, пожертвовавший своей жизнью ради спасения бездомного человека. В 36 лет Георгий, не раздумывая (да и не было времени на это), бросился спасать человека, упавшего с платформы под поезд. Спасенный бездомный прожил месяц после этого второго рождения. Он так же пил, но последние перед смертью дни посещал храм, слезно каялся. Пожертвовать жизнью ради месяца жизни бездомного, заблудшего человека, — так можно сказать. Но можно и по-другому: отдать жизнь в борьбе за душу ближнего.

Страх может и не являться нашим господином, но жить в нашем сердце. Много ли людей могут сказать: «Я победил страх»? Нет, наверное. Как же избавиться от страха или как научиться жить с ним?

Если, всматриваясь в себя, мы, честно отвечая на вопрос «жизнь в страхе или страх в жизни?», выбираем первый вариант, нам прежде всего стоит всерьез задуматься над проблемой нашего отношения к Богу, проблемой нашей веры. Потому что жизнь в постоянном страхе — следствие полного отсутствия опоры в нашей жизни. То есть Бог не является для нас такой опорой, и нужно менять отношение к Нему,

задуматься над приоритетами, которыми мы наполняем свою жизнь.

Чаще мы сталкиваемся с ситуацией, когда мы не живем в страхе, но в нашей жизни страхи присутствуют. Если тот или иной страх умеренно выраженный, не «жало в плоть», необходимое нам в какой-то момент нашей жизни, то вот что может помочь избавиться от страха. Начнем с того, что необходимо признаться самому себе в существовании страха. Иногда это бывает действительно непросто: отказаться от надуманного образа самого себя, привычного и идеального. Если наш страх связан с темой одиночества или же другие люди могут помочь нам преодолеть страх, важным становится преодоление заикленности на себе. Нуждаясь в помощи — посмотреть, кому мы сами можем помочь, кто нуждается гораздо больше нас. Это отвлечет нас от страхов и, наверняка, приблизит к людям. Расширить горизонт своего восприятия, сосредоточенности на своей проблеме или страхе часто оказывается очень полезным в борьбе с ними.

Другой действенный способ избавиться от страхов — посмотреть на жизнь как на Дар Божий. У тебя он есть, и будет. Ты сотворен для жизни вечной. Важным здесь будет научиться благодарить Бога и людей. Благодарим — значит, ценим свою жизнь. Очень многое в жизни земной в масштабе вечной жизни не только кажется, но и является менее значимым и менее страшным.

Поскольку наши страхи часто ориентированы в будущее — мы боимся того, что может произойти, — полезно жить настоящим. В хорошем смысле. Это не значит не думать о будущем, но думать не больше, чем необходимо. Вспомним слова Христа: «Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своём: довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6:34). Следуя им, мы избежим действительно многих страхов. Неопределенность не будет такой пугающей. А иногда, чтобы избавиться от неопределенности, достаточно научиться спрашивать, изучать, интересоваться.

Наконец, полезно будет шаг за шагом менять отношение ко всему тому, что дорого нам в этом

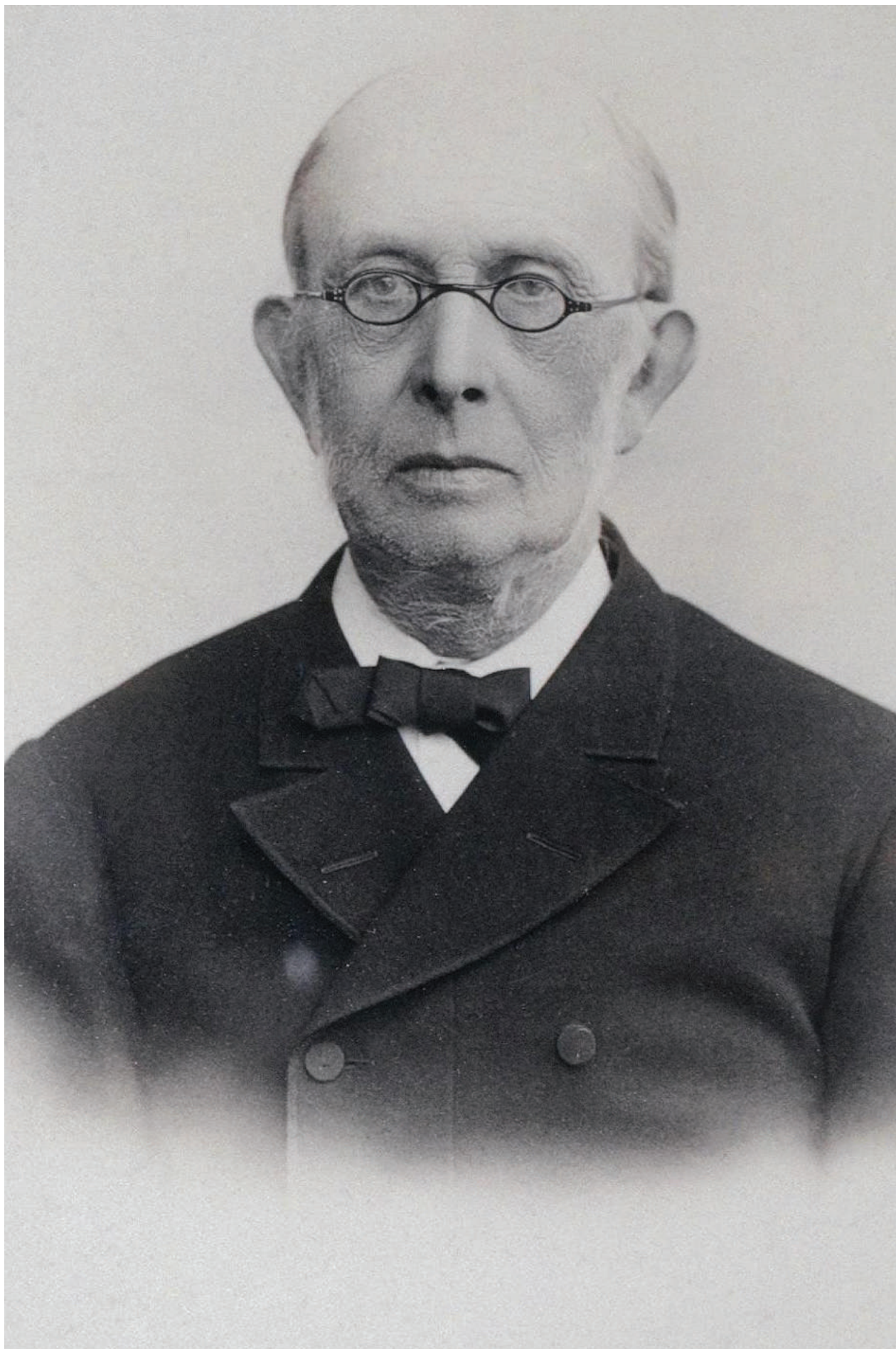

мире. Это дано нам во временное пользование и в один момент будет взято у нас. Иными словами — есть для жизни, а не жить для еды, обращать больше внимания на внутреннее, вместо внешнего, полюбить отдавать хотя бы так же, как принимать.

Итак, страхи реально существуют и, может быть, будут существовать в нашей жизни.

Уменьшить их отрицательное влияние на нас возможно — через сотрудничество с Богом. Дать Ему и Его Промыслу место в нашей жизни через доверие, полюбить жизнь как Его Дар, ценя день сегодняшний, сделать шаг навстречу ближнему, не сидеть без дела и чаще улыбаться. В мире, созданном Любящим Богом, всегда есть место для радости.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ОБЕР-ПРОКУРОРА СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА

Диакон Андрей Круглов — штатный клирик храма иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» г. Сочи. Окончил Екатеринодарскую духовную семинарию и Сочинский государственный университет.

18 октября 2022 года в городе-курорте Сочи пленарным заседанием открылись IV Покровские духовно-образовательные чтения Сочинской епархии. В этом году тема Чтений — «Глобальные вызовы современности и духовный выбор человека». У большинства докладчиков, выступавших на пленарном заседании, в текстах красной нитью прослеживалась одна проблема — проблема воспитания подрастающего поколения. Конечно, эта проблема существовала всегда, но особо остро она проявилась в последние два столетия. Многие ученые, в том числе и лучшие умы нашего отечества, предлагали решения и программы по воспитанию и образованию молодежи. XIX век считается «золотым веком» русской философской мысли, и, по мнению многих современных педагогов, нынешнее образование должно строиться на этом базисе, на трудах лучших русских мыслителей. Но взгляды этих людей не одинаково хорошо изучены, даже в наше время. В этой связи предлагается ознакомиться с педагогическими идеями выдающегося человека, правоведа, государственного деятеля, писателя, переводчика, историка Церкви, профессора, действительного тайного советника, обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода Константина Петровича Победоносцева.

Личность К. П. Победоносцева и его труды в целом до сих пор воспринимаются неоднозначно. Еще при жизни, в конце XIX — начале XX века, его сильно критиковали, в основном политические оппоненты, среди которых можно назвать А. Амфитеатрова и Е. Аничкова. В предисловии к одному из своих произведений они называют себя «непримиримыми врагами» Победоносцева, выставляют обер-прокурора личностью, воплотившей в себе «ужасное зло», причиной страдания России, преступником перед Родиной [2]. Подобные произведения явились источником стереотипного отношения к Победоносцеву в советское время. Особым негативом отличались исследования до 30-х годов прошлого века. Связано это было в основном с отрицательным отношением к консерватизму вообще. Несмотря на отдельные содержательные работы, в советский период за Победоносцевым закрепляется ярлык врага просвещения и науки, реакционера и мракобеса. Вполне возможно, что тон осуждения личности и деятельности К. П. Победоносцева был единственным

в то время способом остаться на научной работе для исследователей в этой области.

В постсоветский период интерес к творчеству Победоносцева значительно возрос. Появились очень глубокие объективные исследования, касающиеся различных сторон жизни и деятельности Победоносцева, например, таких авторов, как А. Ю. Полунов, А. В. Новиков, Ю. Г. Степанов, А. В. Репников и др. Несмотря на обилие посвященных К. П. Победоносцеву исследований, на сегодняшний день остается еще много неразрешенных проблем, связанных с характером, психологией, строем мышления этого человека. В том числе недостаточно исследований посвящено педагогическим взглядам обер-прокурора, его концепции образования и воспитания молодежи. В наше время этот пробел восполняется современными исследователями, в трудах которых мы можем прочесть о малоизвестных сторонах личности К. П. Победоносцева и узнать о его взглядах на воспитание подрастающего поколения.

Педагогические взгляды Победоносцева утвердились в процессе воспитания

наследников царской семьи: в 1861 году он был назначен преподавателем юридических наук при Дворе. Его педагогическая концепция лишена неопределенности и не оторвана от реальной жизни. Она консервативна, но это консерватизм прогрессивный, ставящий перед собой задачу духовного единения общества как на личном, семейном, так и на государственном уровне. В ее основе лежит православная вера, поэтому Победоносцев выступал против секуляризации образования: наука от воспитания, по его мнению, неотделима. Он считал научное знание одним из инструментов осмысления жизни, но никак не истиной из области догматов. Образование должно развить в человеке его главное чувство — веру, ведь в Евангелии сказано: «...все возможно верующему» (Мк. 9:19). Для Победоносцева вера выше разума, истинная мудрость не всезнающая, «но мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна» (Иак. 3:17).

В последние десятилетия в России намечалась тенденция к возрождению дореволюционных форм образовательных учреждений: лицеев, гимназий, кадетских училищ и т. п. Эти стремления, которые можно отнести к поискам идеала истинного образования, находят свое обоснование в истории. В переломные периоды в обществе усиливаются настроения к осмыслению прошлого, к поискам ответов на актуальные вопросы современности в историческом опыте своей страны. Культурный уровень общества зависит от развития системы образования.

Так сложилось, что в России образование само по себе превратилось в самостоятельную социальную ценность, но этот процесс в своем историческом развитии был далеко не простым. Главной проблемой являлось отсутствие самобытности и опыта в организации учебно-воспитательных процессов. Это обстоятельство порождало разногласия во взглядах на цели образования среди правящих кругов, но большинству государственных деятелей было очевидно, что воспитание и образование являются основами для благополучного формирования гражданского общества.

Школа является одним из важнейших социальных институтов нашего общества, и все изменения, происходящие в стране, влияют на образовательные процессы. Всем известно, что именно в детстве закладываются главные жизненные ос-

новы и, как мы воспитаем наших детей, так мы и будем жить в недалеком будущем. «Воспитание человека, формирование свойств духовно развитой личности, любви к своей стране, потребности творить и совершенствоваться есть важнейшее условие успешного развития России» [4, с.23].

Педагогические подходы советской школы, конечно, были крайне идеологизированы, но цели воспитания и всестороннего развития личности в те времена были в приоритете. В последние годы в современной школе сложилась очень непростая ситуация с организацией воспитательного процесса. Советская модель образования устарела, а новая система до сих пор находится на стадии формирования. Но как тогда, так и сегодня «вопрос духовно-нравственного воспитания детей является одной из ключевых проблем, стоящих перед каждым родителем, обществом и государством в целом. В воспитании человека важно добиваться, чтобы нравственные и моральные истины были не просто понятны, но и стали бы целью жизни каждого человека, предметом собственных стремлений и личного счастья» [1, с. 17].

В Послании к Федеральному Собранию 2016 года президент России В. В. Путин сообщил: «...самое важное, что волнует родителей и учителей, общественность, — это, конечно же, содержание образовательного процесса, насколько школьное образование отвечает двум базовым задачам, о которых говорил ещё академик Лихачёв: давать знания и воспитывать нравственного человека. Он справедливо считал, что нравственная основа — это главное, что определяет жизнеспособность общества: экономическую, государственную, творческую» [12]. М. В. Богуславский, доктор педагогических наук, профессор, ведущий в России специалист по методологии, теории и истории образования, говорит о том, что в современном образовании должна преобладать консервативная линия развития. В одной из своих статей он поясняет, что «консерватизм и традиционализм — это не столько идеология, а прежде всего бережное и позитивное отношение к ценностям собственного народа, его устоям и укладам. <...> В условиях социальных перемен консерватизм проявляется в признании ценности традиций и идеалов прошлого, восстановлении утраченных позиций» [5, с. 6]. Михаил Викторович призывает обратиться к отечественной мысли в истории философского анализа процесса образования, и одним из ярких ее выразителей

по праву считается Константин Петрович Победоносцев (1827–1907).

Представим основные педагогические идеи Победоносцева, заключенные в его трудах.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР – ОСНОВА ПРОЦЕССОВ ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

Человек прежде всего является духовной личностью, и по этой причине, в понимании Победоносцева, участие Церкви в воспитательном процессе строго обязательно. Он утверждал, что в основе всей жизни человека, всех его дел и, конечно, в основе процесса воспитания должна быть религия. Все нравственные установки образовательного процесса не укоренятся в душе ребенка, если не будут утверждены на православной вере.

Развитие цивилизации приводит к усложнению жизни и ее разделению на части. Для развития промышленности требуется разделение труда, для развития науки — специализация научного знания. Только религия, мысль о Боге, в этих условиях остается объединяющим фактором. Развитие человечества должно стремиться к ясной и определенной цели, которая неразрывно связана с памятованием о Творце. Только при этом условии человек может обрести равновесие в своем земном бытии. Нравственные начала без твердой веры очень непрочны, не основанные на вере они останутся просто знаниями. Важно сделать так, чтобы эти знания соединились с живой евангельской любовью. В процессе воспитания детям нужно дать уверенность в том, что без Христа жить им никак нельзя.

Воспитание на основе Закона Божия, и только оно, может сформировать в человеке правильное понимание личного долга по отношению к обществу, привить любовь к родной вере. В любом другом случае морально-нравственные качества человека превращаются в обязательства только перед самим собой. Победоносцев следует словам апостола Павла: «...знание надмевает, а любовь назидает» (1 Кор. 8:1).

Победоносцев был категорически против отделения процесса получения знаний от воспитания. По его мнению, знание не может быть цельным без духовной составляющей, разум не может быть мерилем всех вещей, в том числе и нравственности, его способности не могут быть абсолютизированы. Истина одна — это наш Спаситель Иисус Христос, Он не может

быть познан рационально. Разделение веры и знания, воспитания и образования для Победоносцева означало дехристианизацию последнего, но совсем не придало образованию светского характера. Образование, таким образом, получало свою особую веру — веру в разум.

ЗНАЧЕНИЕ СТРОГОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И ПОРЯДКА

Дисциплина и порядок в любых делах, гражданских или религиозных, придает правильный вектор развитию всего государства. Такой внутренний строй человека должен воспитываться со школьной скамьи. Одним из свойств человеческой природы Победоносцев считал навык, который может быть основан как на добродетели, так и на пороке. Это свойство человека играет большую роль в процессе образования. Дисциплина помогает облегчить стремления человека к доброму навыку и затрудняет направление к порочному. «Великое дело навык: в нем существенная соблюдательная (консервативная) сила для природы человеческой и для человеческого общества. Одного инстинкта мало для предохранительной цели: инстинкт есть слепое, бессознательное побуждение, вызываемое потребностью физической природы, и действие его минутное. Но навык, хотя и получает напоследок свойство автоматическое, в самом начале своем держится по сознанию и требует усилия воли... Если взглянуть в корень и порока, и добродетели, окажется, что и добродетель, и порок — тоже навыки, мало-помалу приобретающие жизненную и творческую силу» [8]. Но автоматический навык, упомянутый здесь, нисколько не должен ограничивать волю человека, между ними, при помощи сознания, должен быть обеспечен баланс. Грубые, эгоистичные поступки в жизни взрослых людей Победоносцев считал скорее проявлением недостатка воспитания, чем природным свойством личности, признавая, таким образом, главенство приобретенных качеств над врожденными.

РОЛЬ СЕМЬИ В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАНИЯ

В основе государства как структуры Победоносцев видит не отдельную личность, не индивидуума, а семью. Зарождение личности происходит именно в семье. Там человек должен получить основы нравственности, порядка, дисциплины и благоговейного религиозного чувства. Кроме того, в семье ребенок знакомится с народными традициями. Школа должна поддерживать

и идейно оформит эти неустойчивые чувства, укрепить их на жизненной основе. В процессе воспитания и обучения человек продолжает жить в своей семье, постепенно становясь новым членом общества. Воспитание должно протекать как единый процесс. Семья, Церковь и школа — эта связь должна быть подобной единству верующих во Христе, «...в семье, и в школе, и в Церкви человек вступает в одинаковые взаимные сочувственные искренние отношения», основанные на христианской любви и «сознании правды учения Христова» [5, с. 29]. Только вечные ценности — Бог, Родина, семья — могут сделать человека по-настоящему свободным и независимым от любых соблазнов мира. «По народному понятию, школа учит читать, писать и считать, но в нераздельной связи с этим учит знать Бога и любить его, бояться и любить Отечество, почитать родителей. Вот сумма знаний, умений и ощущений, которые в совокупности своей образуют в человеке совесть и дают ему нравственную силу, необходимую для того, чтобы сохранить равновесие в жизни и выдерживать борьбу с дурными побуждениями природы, с дурными внушениями и соблазнами мысли» [9, с. 31].

ЗАДАЧИ ШКОЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

Школа должна воспитывать людей практичных и самостоятельных, готовых к принятию ответственных и обдуманных решений в любой жизненной ситуации. Просвещение должно быть не просто суммой знаний, полученных из школьной программы. Иначе школьное обучение будет полностью отрезано от жизни, «...масса детей, которых мы просвещаем, должна жить насущным хлебом, для приобретения коего требуется не сумма голых знаний, коими программы наши напичканы, а умение делать известное дело, и что от этого умения мы можем отбить их искусственно, на воображаемом знании, построенном школой» [11, с. 308–309]. Стремление к получению как можно большего количества знаний не может быть допустимо, самое ценное в полученных знаниях — это возможность их практического применения.

Победоносцев как убежденный государственник настаивал на том, что школа должна воспитывать готового к общественной жизни человека, ведь этими людьми и создается общество. И в этом смысле нельзя назвать позицию Победоносцева консервативной, ведь он не призывал к возврату к устоявшимся, старым практикам обучения.

Он искал пути развития, модернизации школы, исследовал западные образцы систем образования, выделяя из них все самое лучшее и наиболее подходящее к отечественной практике. Каждый должен учиться в той мере, в какой он будет приносить пользу обществу, в какой среде он сможет свое образование практически применить.

ЛИЧНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Первостепенно значимой в школе Победоносцев называл личность учителя. Учитель есть душа школы. Очень важно уделить внимание на подготовку хороших учителей — людей, которые смогли бы посвятить этому служению всю свою жизнь, подобных христианским подвижникам. Нет никакой пользы в повсеместном строительстве школ, если некому в них будет работать. Точнее, на месте учителя не может находиться человек, неспособный соответствовать высокому призванию учителя, неспособный вести обучение на уровне реальных современных жизненных потребностей.

Победоносцев писал: «Лучший учитель должен быть агентом семьи, а не агентом правительства, не ремесленным чиновником, от государственной власти поставленным, не искателем карьеры и отличий, но человеком, преданным делу воспитания, с любовью к своему делу, с сердечной заботой о детях и о детской душе» [11, с. 215]. Учителю нужно помнить, что в его лице воспитанники должны видеть не просто преподавателя знания, но прежде всего христианина.

Принцип персонализма, лежащий в основе мировоззрения Победоносцева, прослеживается в отношениях между учителем и учеником. Этот принцип «определяет необходимость живого и индивидуального контакта учителя с каждым учеником» и «требует, по возможности, расширять общение и за пределами школы, при котором учитель вступает в особые душевные отношения с учениками» [5, с. 32].

Восприятие и усвоение учебного материала сильно зависит от умения преподавателя ясно и правильно говорить. К сожалению, на это часто не обращают особого внимания, но очевидно, что умение преподавателя говорить напрямую влияет на восприятие его предмета учениками. Кроме того, умение правильно и доходчиво излагать свои мысли переходит и к ученикам, являясь залогом успешного обучения.

ПРОГРАММА ОБРАЗОВАНИЯ

Константин Петрович внимательно изучал зарубежные нормативы образования и выделял

из них те методы и подходы, которые могли бы адаптироваться для отечественной системы. В английской системе образования он положительно отмечал практический уклон школьного обучения, чередование теоретических занятий с прикладными. Этот метод позволял сохранить максимальную концентрацию внимания учащихся и помогал преподавателю более широко раскрыть материал. Победоносцев встречался и многое обсуждал с известным английским теоретиком и практиком педагогики Сесилом Редди. «В Англии, — писал Победоносцев, — школьная среда, имея лучшую образовательную силу, и производит тип учителя, лучше приспособленный к целям обучения, соединенного с воспитанием» [13, с. 134].

Но английская модель системы образования, конечно, не должна быть механически скопирована в Россию.

Все убеждения Победоносцева построены на основании «русской идеи». «Старые учреждения, старые предания, старые обычаи — великое дело. Народ дорожит ими, как ковчегом завета предков» [9, с. 137].

О важности национального уклона при изучении школьных предметов писал К. Д. Ушинский, взгляды которого во многом совпадали с убеждениями Победоносцева. У обоих мыслителей встречаются даже схожие выражения при описании проблем отечественного образования, которые они называют «болезнями». Многие из этих болезней связаны, по их мнению, с европеизацией отечественного образования. В своей статье «О необходимости сделать русские школы русскими» Константин Дмитриевич с сожалением отмечал, что любой, даже полуобразованный европеец «всегда, всего более и всего ближе, знаком с своим отечеством: с родным ему языком, литературой, историей, географией, статистикой, политическими отношениями, финансовым положением и т. д., а русский человек всего менее знаком именно с тем, что всего к нему ближе: со своей родиной и всем, что к ней относится» [14, с. 42]. По этой причине трудно переоценить важность для ребенка занятий такими предметами, как родной язык, география, история, природоведение. Ушинский сравнивает знание этих предметов со знанием азбуки, с умением читать и писать.

Подводя итог, можно сказать, что к началу XX века в России, кроме прочих, были две серьезные проблемы:

- 1) среди населения России было очень мало образованных людей (всего 20,8 %, из 125,6 млн человек грамотными были лишь 26,5 млн) [15, с. 276];
- 2) нравственность населения была на очень низком уровне.

В стране начали происходить процессы, уничтожающие русские традиции, и нужно было принимать срочные меры, чтобы остановить духовное падение нации. В своем письме Александру III Победоносцев писал о современной молодежи, зараженной западным духом: «Нельзя выследить их всех, — они эпидемически размножаются; нельзя вылечить всех обезумевших. Но надобно допросить себя: отчего у нас так много обезумевших юношей? Не оттого ли, что мы ввели у себя ложную, совсем несвойственную нашему быту систему образования, которая, отрывая каждого от родной среды, увлекает его в среду фантазии, мечтаний и несоответственных претензий и потом бросает его на большой рынок жизни, без умения работать, без определенного дела, без живой связи с народным бытом, но с непомерным и уродливым самолюбием, которое требует всего от жизни, само ничего не внося в нее!» [10, с. 138]. Победоносцев был убежден, что начинать реформу нужно с сельских школ и обратить особое внимание на духовно-нравственное воспитание учащихся. Система церковно-приходских школ была разработана и утверждена императором Александром III 13 июня 1884 года. Эти школы были созданы для обучения детей крестьян, где они получали религиозное воспитание и основы грамоты. В период с 1881 по 1905 год, в результате огромного объема работы, количество таких школ было увеличено с 4404 до 42884. За двадцать с лишним лет в них смогли получить образование несколько миллионов ребят из крестьянских семей.

Но облик страны стремительно менялся, промышленный рост 1890-х годов очень быстро вел российское общество к капитализму. В одном из своих последних писем Победоносцев с горечью написал: «Не могу присутствовать при том, как родную мать мою, родимую Россию, уродуют; как невежды, люди бессмысленные, ни в кого и ни во что не верующие, совершают над нею тупым ножом операцию по всем частям. И все лишились будто разума — и светские, и духовные» [7, с. 6].

Деятельность Победоносцева, направленная на укрощение либерализма, на предотвращение страшной революции тогда не увенчалась

успехом. Но можно ли говорить о том, что этот великий человек и его труды теперь являются только достоянием истории? Разгул революционного террора от новой безбожной власти явил миру тысячи мучеников, отдавших свою жизнь за веру и отечество. Несомненно, что большинство из этих людей получали образование именно в церковно-приходских школах, там их обучили первым и главным целям человеческой жизни. «Зерном горчичным» (см. Мк. 4:31–32) явились и письменные труды Победоносцева, которые дали свои плоды в 90-х годах прошлого века. В период возвращения нашей страны к отеческим традициям многие из его трудов оказались востребованными. В те же годы начало возрождаться и православное образование в различных его формах.

Сегодня в подавляющем большинстве церковно-приходских воскресных школ нет системы балльной оценки знаний, что представляется совершенно правильным и снижает уровень официальности обучения. К деятельности школ часто привлекаются родители. Это укрепляет связи внутри семьи, а также между семьями прихожан, что, в свою очередь, помогает сформироваться общине в границах прихода. Учащиеся посещают богослужения и часто в них

участвуют, например, в качестве детского хора. Современным учителям, следуя традиции отечественной педагогической мысли, очень важно следить за тем, «чтобы церковная школа была прежде всего школой воспитания благоговения и христианской нравственности, школой радости, выполняющей задачу „культивирования“ интереса к богословскому просвещению» [6, с. 87]. Все эти утверждения и современные планы организации учебных процессов в точности повторяют то, о чем говорил К. П. Победоносцев.

Сказанное выше дает нам понять, что труды Константина Петровича не пропали даром, его педагогические воззрения сегодня ложатся в основу трудов современных педагогов. В заключение приведем слова Победоносцева, в которых выражена его любовь к школе и отмечена важность ее значения в жизни человека: «Хорошо, когда в школе светло и весело — подлинно хорошая эта школа. <...> Где есть только возможность, украшайте вашу школу, изгоняйте из нее грязь и пыль, мрачные, наводящие тоску, цвета. Пусть она будет любимым местом жизни — если жизнь темна, школа осветит ее; если оскудела духовным интересом, школа привьет к ней мысль и чувство; если загрубела и зачерствела, школа дохнет на нее любовью» [11, с. 484–485].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Азбука нравственного воспитания: Пособие для учителя / Под ред. И. А. Каирова и О. С. Богдановой. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Просвещение, 1979.
2. Амфитеатров А., Аничков Е. Победоносцев. – Текст: электронный // Победоносцев: рго et сопга. Изд-во РХГА. – 1996. – URL: http://russianway.rhga.ru/upload/main/15_Amfiteatrov_Anichkov.pdf. (дата обращения 2022.02.18).
3. Богуславский М. В. Консервативная стратегия модернизации российского образования в XX - начале XXI вв. / М. В. Богуславский // Проблемы современного образования. – 2014. – № 1.
4. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. – Москва: Просвещение, 2009.
5. Даренский В. Ю. Философия образования К. П. Победоносцева / В. Ю. Даренский // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2018. – № 3 (27).
6. Дивногорцева С. Ю. Становление и развитие православной педагогической культуры в России / С. Ю. Дивногорцева – Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2012.
7. Письма К. П. Победоносцева С. Д. Шереметева / отв. Ред. В.Н. Денисов // Источник. Документы русской истории. Вестник архива президента РФ. – Москва – 1996. – № 6.
8. Победоносцев К. П. Воспитание характера в школе / К. П. Победоносцев. – Текст: электронный. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Pobedonoscev/vospitanie-harakter-a-v-shkole.
9. Победоносцев К. П. Московский сборник / К. П. Победоносцев. – Москва: Директ-Медиа, 2015.
10. Победоносцев К. П. Письма к Александру III: в 2-х томах / К. П. Победоносцев. – Москва: Директ-Медиа, 2017. – Т. 2.
11. Победоносцев К. П. Сочинения / К. П. Победоносцев. – СПб.: Наука, 1996.
12. Послание Президента Федеральному Собранию. – Текст: электронный. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>.
13. Светлова Н. Е. Философско-педагогические идеи К. П. Победоносцева в контексте решения современных проблем российского образования / Н. Е. Светлова // Проблемы современного образования. – Москва. – 2019. – № 5.
14. Ушинский К. Д. О необходимости сделать русские школы русскими / К. Д. Ушинский // Universum: Вестник Герценовского университета. – Москва. – 2010. – № 2.
15. Щербакова Е. В. Социальные критерии грамотности населения Российской империи XIX – начала XX века / Е. В. Щербакова // Вестник ОГУ. – Москва. – 2013. – № 2 (151).

«МИР ДОБРА»

ГУМАНИТАРНЫЙ ЦЕНТР СОЧИНСКОЙ ЕПАРХИИ

Гуманитарный центр «Море добра» при храме иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» г. Сочи объединил тех, кому остро нужна помощь, и тех, кто готов её оказывать.

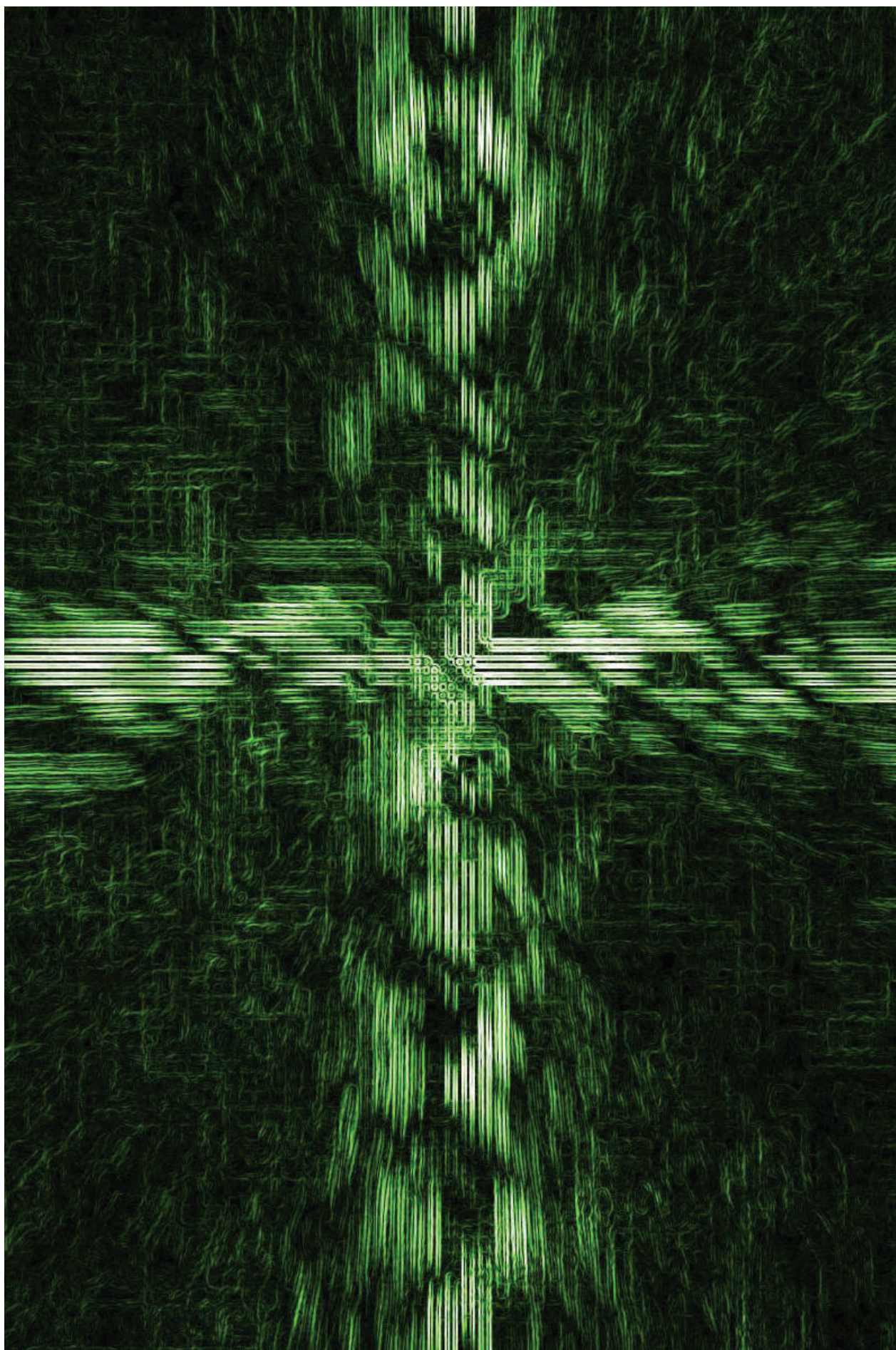
Наряду с прихожанами храма гуманитарную помощь могут получить беженцы и пострадавшие в зоне конфликта мирные жители. Вместе с многодетными и неполными семьями, инвалидами, одинокими пожилыми людьми и теми, кто оказался в трудной жизненной ситуации из-за отсутствия прописки, работы или стихийных бедствий, беженцы и пострадавшие мирные жители смогут безвозмездно, при предъявлении минимального перечня документов, получить в одном месте не только гуманитарную поддержку, но и консультацию специалиста по социальной работе.

Также при храме действует социально-кризисный центр «Нечаянная радость»,

который оказывает комплексную помощь беременным женщинам и мамам с детьми, попавшим в трудную жизненную ситуацию. В приюте для мам на безвозмездной основе предусмотрено: предоставление проживания в оборудованных комнатах, предназначенных для мам и детей; обеспечение всех проживающих трехразовым питанием, в том числе и детским; обеспечение повседневными бытовыми предметами, а в случае необходимости — медикаментами; услуги прачечной; юридическое сопровождение при восстановлении документов, в судебной практике; консультативные услуги в получении гражданства, постановке на регистрационный учет и др.

Телефон горячей линии, куда можно обратиться по вопросам, связанным с получением гуманитарной помощи и устройством в приют:

+7 (988) 233-35-95

ХРИСТИАНСТВО

И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Диакон Дмитрий Белоусов — штатный клирик собора Архистратига Михаила г. Сочи; окончил Российский государственный социальный университет по специальности «юриспруденция» и Екатеринбургскую духовную семинарию.

ВЛИЯНИЕ ХРИСТИАНСКИХ ЕРЕСЕЙ НА МИФОЛОГЕМУ О НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ПРОГРЕССЕ

Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал: «Вы спрашиваете, какое мое мнение о науках человеческих? — Люди после падения начали возделывать землю, начали нуждаться в одежде и других многочисленных потребностях, которыми сопровождается наше земное странничество; словом сказать, они начали нуждаться в вещественном развитии, стремление к которому — отличительная черта нашего века. Науки — плод нашего падения» [19, с. 384].

По учению святых отцов, кроме наук еще многие явления материального мира являются плодом отпадения человечества от Бога. Вместе с тем человеческому роду свойственно обожествление не только ложных идолов или явлений природы, но и многих плодов прогресса. Всякое явление, которое как бы возвращает человека в рай, доставляя ему половые, вкусовые, эмоциональные и другие положительные эмоции, зачастую сопровождается эпитетом «божественный».

Таким образом, прельщаясь материальным удовольствием, человек начинает обожествлять то, что, по словам святителя Игнатия, является плодом нашего грехопадения. При этом всякий, кто говорит в негативном ключе об этих плодах, становится как бы «богохульником».

К примеру, современная медицина, победив оспу, умножила человеческий род, современные терапии существенно продлевают жизнь, и, критикуя медицину, человек как бы критикует своего нового «жизнодавца». Одновременно современная урбанистика и женский труд существенно понижают фертильность. И, хотя население Земли пока растет, все страны, столкнувшиеся с эконо-

мическим ростом, неизбежно сталкиваются с понижением фертильности и демографическим кризисом, что идет в противовес исполнению заповеди о деторождении и некоторым образом ставит под угрозу духовное спасение человека.

Также открытым остается вопрос, насколько научно-технический прогресс (НТП) является самобытным.

Как демонический мир паразитирует на созданном Богом мире, так и НТП базируется исключительно на тех ресурсах, которые есть в созданной Богом природе и на том интеллектуальном потенциале, который Бог заложил в человека.

Таким образом, имея сомнительное, вернее сказать, второстепенное по отношению к спасению души человека значение и второстепенное по отношению к природе происхождение, но ставя себя на первое место, НТП, осуждая идолов религиозного мышления, сам является идолом.

Примечательно, что далее часто упоминаемый нами философ (хотя на его родине, в Англии, его считают писателем-публицистом) Френсис Бэкон сам «обличал» идолов и, можно сказать, стал автором понятия «идеология», «идеологема».

По его словам, «идолы площади — это ошибки, порождаемые речевым общением... Эти идолы возникают потому, что слова — только имена, знаки для общения между собой, они не говорят ничего о том, что такое вещи» [3, с. 256].

Далее Бэкон указывает, что путь истинной науки состоит в изгнании демонов из чистого знания, потому что, по его мнению, именно чистое знание ближе к Богу. Однако, по иронии судьбы, само очищенное от идолов знание становится впоследствии новым идолом, а идеологема научно-технического

прогресса превращается в некий политический лозунг, который при христианском рассмотрении на самом деле является обыкновенным оксюмороном.

История человечества знала подобные формы идолопоклонства, которые имели место в гностицизме, каббале и некоторых других учениях. При этом и новая эпоха НТП не стала исключением, взяв начало своей идеологии в этих оккультных практиках.

По словам Роберта Нисбета, «идея долгосрочного и постепенного прогресса присутствует в трудах Гесиода, Протагора, Эсхила, Софокла, Платона, Аристотеля, Эпикура, Зенона, Лукреция и Сенеки. У Протагора она выражена словами „с течением времени“, у Платона — выражением „понемногу“, наконец, у Лукреция встречаем — „шаг за шагом“» [16, с. 47].

Однако, не вдаваясь глубоко в предысторию, обратим внимание на более поздний период, когда мистико-идеологическая сторона возрождения новой науки обрела свое основание в европейских сектах гностиков и неоплатоников в XIII веке.

Основными родоначальниками, возродившими древнюю ересь, обличаемую еще первыми христианскими апологетами, стали «братья и сестры свободного Духа», вдохновленные Амальриком из Бены и Давидом Динантским.

Провозглашенный в их трудах пантеизм был осужден IV Латеранским Собором в 1215 году. Однако озвученные идеи, что «Бог есть всё», что «первоматерия» нераздельна с Богом и является общей субстанцией всех вещей, что и материальные, и духовные вещи есть одно целое, что «Бог есть разум всех душ и материя всех тел» [1, с. 809–812] и другие пантеистические представления оказали сильное влияние на дальнейшую науку и европейскую философию, приравняв изучение природы к изучению Самого Бога.

В этой связи уместно упомянуть и более раннего вдохновителя прогрессистской идеологии Иоахима Флорского, которого принято считать родоначальником средневекового хилиазма. По его пророчествам, с 1260 года на Земле должно было начаться 1000-летнее царство Святого Духа, в котором Церковь преобразится и во главе миропорядка будет стоять монашество [25, с. 535].

Эти вдохновители новой эпохи, хотя и были христианами, по сути дела стали родоначальниками возрождения античной языческой науки. Католичество, на тот момент уже представлявшее собой иска-

женное ересями христианство, стало благодатной почвой для развития «новой античности». Как писал А. Ф. Лосев, «католицизм и есть это язычество в христианстве, языческий платонизм в православии, то есть христианский аристотелизм. То, что языческий платонизм проделывает с идеей и материей вообще, то католицизм проделывает с идеей и материей в духовно-личностном бытии» [12, с. 875].

При этом в мировой истории, за редким исключением, христианство рассматривается как безусловный фактор развития науки, т. к. оно «обожгло» человеческий ум, отделило Творца от Его творения — мира. Десакрализация творения позволила сделать природу из священного обоженного предмета объектом научных изысканий, и такое положение природы было бы правильным, однако пантеизм, опять обожествляя природу, смешивает Творца с творением, превращая изучение творения в ложное богопознание.

В связи с этим нельзя не указать на историческую, эклизиологическую и культурологическую реалии того периода, а также на две эпидемии чумы — «Юстинианов мор» и «Черную смерть», — которые оказали безусловное влияние на человечество и его мировоззрение.

Первая крупная пандемия чумы (541 год), стала причиной начала заката Византии и появления ислама на Аравийском полуострове.

По мнению некоторых исследователей [24, с. 308], цивилизационная катастрофа, превратившая «цветущую Аравию» в «пустыню», подорвала языческую веру местного населения. Магомед был внуком выживших в эпидемии арабов, он принес новую веру, стремительное распространение которой привело к дальнейшей гибели Византии.

По мнению историка Владимира Махначя, плененная ересь иконоборчества Византия не могла обеспечивать западное христианство богословским образованием, и латиняне стали открывать свои школы на Западе. Большой лингвистический разрыв между греческим и латинским языками, отсутствие переводов многих восточных отцов, дефицит преподавателей вынудили рекрутировать в богословские школы арабов и евреев, внесших в католическую схоластику чрезмерный рационализм и скептицизм [13].

Когда в XIV веке православное богословие ставило своей целью защитить учение о «Нетварной Божественной Энергии» [8, с. 126], Византия уже близилась к своему цивилизационному концу, выражавшемуся в материальном регрессе, в униатстве и отпадении

от чистоты веры. Тем не менее в данном учении виден некоторый духовный подъем, подобный вспышке свечи перед тем, как она погаснет.

Довольно символично, что распространение рационального европейского научно-богословского мышления, впитавшего с эпохой Возрождения споры античной философии и раннехристианских ересей, ознаменовало собой «закат» православной духовности на Востоке и окончательный «рассвет» материализма на Западе.

Как говорил Тертуллиан, «каждая душа христианка» [21, ч. 141]. Если раскрыть это определение, можно сказать, что каждая душа ищет блаженства. Однако в обозначенный период, не найдя этого блаженства в предложенном «Востоком» созерцательном богословии, душа начинает искать его в богословии рациональном.

Определенную роль в «западном пути» сыграла и пандемия «Черной смерти» [10, с. 349]. Эта пандемия, начавшаяся в 1346 году (ее вспышки происходили вплоть до XIX века), повлияла на обряды католической церкви, стала одной из причин Реформации и появления многих ересей, породив безусловный религиозный кризис, на фоне которого расцвела эпоха Возрождения, отличавшаяся своим светским характером культуры, гуманизмом, антропоцентризмом, расцветом интереса к античной культуре, науке и философии.

Кроме этого, по замечанию некоторых исследователей, «из-за недостатка рабочих рук в сельском хозяйстве постепенно стала меняться структура производства, поля зерновых всё чаще превращались в пастбища для скота, где один-два пастуха могли управляться с огромными стадами коров и овец. В городах дороговизна ручного труда с неизменностью привела к росту числа попыток механизировать производство, давших свои плоды в более поздние времена. Упали цена на землю и арендная плата, снизился ростовщический процент» [26].

Если следовать логике данной цитаты, недостаток рук переписчиков привел к появлению ровно через 100 лет после первой вспышки чумы книгопечатания. Это стало главным открытием XV века.

Примечательно, что Иоганн Гуттенберг планировал печатать книги Священного Писания, но его задумка оказалась провальной, так как спрос на Библию был уже удовлетворен ручным трудом. Однако уже после смерти изобретателя на его станках стали печатать учебники и книги античных философов, которые

зачастую не разрешалось переписывать и спрос на которые был очень большим [14, с. 303]. Таким способом были изданы и труды новых мыслителей.

В XVI веке главными пантеистами и продолжателями философской линии, приведшей мир к прогрессивизму, были Джордано Бруно и Томмазо Кампанелла.

Джордано Бруно своеобразно разделял веру и разум. Согласно его утверждению, «вера требуется для наставления грубых народов, которые должны быть управляемы, а доказательства — для созерцающих истину, которые умеют управлять собой и другими» [Цит. по: 17, с. 270]. В данном утверждении прослеживаются идеи гностиков об избранном обществе, которые далее красной нитью будут проходить через труды розенкрейцеров к просветителям.

Другой пантеист и, как его еще называл Карл Каутский, «основатель научного социализма», Томмазо Кампанелла как убежденный неоплатоник считал, что истину следует искать не в схоластических трактатах, а в «книге природы», в самих вещах. По мнению Кампанеллы, как и в случае религии, Божественный закон и естественный закон совпадают, поскольку природа является не отчужденной от Бога, но динамично соединенной с Ним и зависящей от Него в своем существовании [18, с. 78].

Параллельно с созданием утопии «Город Солнца» Томмазо Кампанеллой начало XVII века ознаменовалось популяризацией гностического течения розенкрейцеров, от имени которых «в 1614 и 1615 гг. в Касселе были опубликованы два трактата: „Откровение братства высокочтимого Ордена R. C.“ и „Исповедание достохвального братства всесчитимого Креста и Розы, составленное для уведомления всех ученых мужей Европы“, и далее, роман, вышедший в 1616 г. под названием „Алхимическая свадьба Христиана Розенкрейцера“» [11].

Можно смело предположить, что авторы этих произведений, помимо влияния каббалы, алхимии и других оккультных мировоззрений, находились также под влиянием научных открытий XVI века.

Изобретения XVI века начинаются предсказаниями и идеями Леонардо да Винчи, разработавшего в чертежах танк, парашют, подъемный кран, винтовой подъемник, самоходную тележку, пулемёт, водолазный костюм, раздвижной мост, водяное колесо и еще более 100 полезных устройств.

В 1517 году с тезисов Мартина Лютера начинается Реформация, что само по себе не является научным

открытием, но в некоторой степени выражает свободомыслие той эпохи.

В 1523 году возникает ятрохимия Парацельса, можно сказать, зарождается современная фармакология.

В 1540 году Николай Коперник опубликовал книгу «О движении небесных сфер», установив новое миропонимание.

В 1589 году священником в Ноттингемшире была создана первая вязальная машина.

В период с 1590 по 1608 год создаются микроскоп и телескоп.

И, конечно, главный плод развития техники XVI в. — кремневый мушкет, который вскоре, наряду с европейскими болезнями, станет главным орудием колонизации мира европейскими странами [5, с. 542].

До промышленной революции было еще далеко, однако беглый анализ научных открытий XVI века не оставляет сомнений в том, что Новый свет был воодушевлен теми переменами, которые стали точными предвестниками новой эпохи.

Безусловно, прельщенный увиденным ум, обладающий религиозно-окультизм мышлением, начал приписывать созерцаемое новому Божественному посещению.

Так, «Откровение братства высокочтимого Ордена Р. С.» начинается с «благовестия»: «Бог в эти последние дни открыл нам более совершенное знание — как о Сыне Своем Иисусе Христе, так и о Природе. Он воздвиг среди нас мужей, наделенных мудростью великой, и сии мужи в силах обновить все искусства и привести их все к совершенству, благодаря чему человек постигнет, наконец, свое высокое и благородное происхождение, свое образование как Микрокосма и поймет, сколь далеко простирается его Искусство в Натуре. Если бы ученые мужи объединились, они смогли бы уже ныне извлечь из „книги Натуры“ „Истину“ — некий совершенный принцип всех искусств» [11].

Манифест призывает объединиться ученых, магов, каббалистов, медиков и философов для развития математики, геометрии, медицины и изготовления разных механизмов. Но главной целью союза была не научная деятельность.

Вторая идея религиозной реформации, целью реформации научной декларируется просвещение ума под водительством предводителя ордена.

Второй манифест ордена призывает к восстановлению Дома Соломона, так как скоро грядет конец

времен, когда человечество вернется в Эдем. Изданный роман в мистическом ключе, подобно Откровению Иоанна Богослова, раскрывает то, как свершатся последние знамения, в ходе которых братья превратятся в сияющих «рыцарей золотого камня».

Данные манифесты громкой волной прокатились по Европе и оказали сильное влияние на дальнейшее мировоззрение различных обществ, прежде всего масонских, однако ближайшим преемником этих идей стал вышеупомянутый английский философ Френсис Бэкон, трудами которого можно отмерить появление идеологии НТП.

ЗАРОЖДЕНИЕ ИДЕОЛОГЕМЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Если постулаты розенкрейцеров носили общий, более мистический характер, так же как и идея прогресса в их трактатах носит более абстрактный характер, то обзор трудов Френсиса Бэкона дает основание причислить его к создателям термина «научно-технический прогресс», при помощи которого философ довольно обстоятельно разъяснил грядущие плоды совместной научной деятельности.

В своем трактате «О Прогрессе Учености», опубликованном в 1605 году, Бэкон дает низкую оценку натурфилософии, призывая для облегчения бытия человечества использовать более совершенное, чем философия, знание.

Профиль европейских учебных заведений был в основном гуманитарным, направленным на формирование личности в рамках религиозного воспитания, что не давало возможности эффективного развития науки.

Идеей Бэкона было строительство «Дома Соломона», объединявшего мудрых просветленных мужей.

Общественная польза этих сообществ должна реализовываться через взаимодействие с государством: «...на наших совещаниях мы решаем, какие из наших изобретений должны быть обнародованы, а какие нет. И все мы даем клятвенное обязательство хранить в тайне те, которые решено не обнародовать; хотя из этих последних мы некоторые сообщаем государству, а некоторые — нет» [2, с. 223].

Сам Бэкон был чиновником и, понимая, что существование такого общества невозможно без публичной поддержки, указывал на то, что наука будет работать на власть, а в случае с Первой Британской Империей — на власть колониальную. И ведь во многом не без военно-технического превосходства Англия стала «Империей незаходящего солнца».

Примечательно, что одним из главных плодов колониализма и рабовладения стали продукты, которые не находятся в списке жизненно необходимых и даже являются скорее вредными для человека: это кофе, табак и сахар.

«Целью нашего общества, — писал далее Бэкон, — является познание причин и скрытых сил всех вещей; и расширение власти человека над природой, покуда всё не станет для него возможным <...> развитие науки приведет в будущем к наступлению золотого века» [4, с. 292].

Таким образом, мы видим указание на прямую связь развития науки и техники с будущим благополучием человечества, которое, в отличие от вышеуказанных сакрализованных посланий розенкрейцеров, носит более буквальный характер, хотя в своем теоретическом труде «Новая Атлантида» Бэкон также использует мистагогию с прямыми отсылками на труды братьев.

Ф. Бэкон считал, что научное братство должно быть транснациональным, свободным от предрассудков и интриг, быть чистым проводником научных знаний. Отныне наука поставляется на новый уровень. Хотя на словах наука Бэкона не лишена Бога, его постулаты являются своего рода постулатами, которые далее лягут в основы сциентизма и позитивизма.

Наука доминирует над культурой и философией, становится новой философией и религией.

Антисциентистская античная наука, устами Сократа провозглашавшая: «Я знаю, что ничего не знаю!», средневековая наука, ставившая в центр Мироздание «Солнце Оправдания (Δικιοσιν)», уходят на задний план, потому что появилась новая чистая наука, поставившая в центр мира «Солнце Коперника», и против истинности этого постулата не может быть возражений [23, с. 107].

Религиозный христианский дух пока не вытеснен, труды Бэкона полны упоминаний Иеговы и Христа, но как Всевидящее око Великого Архитектора Вселенной в масонской геральдике обрамлено инструментами вольных каменщиков, прямота углов которых неоспорима, так и теперь Истина Божественного Откровения обрамлена решеткой научных фактов, которая немного позже извергнет из себя Творца.

Наука – новый свет, новая культура, новый интернациональный язык.

Во второй половине XVI века были созданы академии во Флоренции и Неаполе, в 1603 году —

«Академия рысьеглазых» в Риме, в 1634-м — «Французская академия словесности», в 1657 году — «Флорентийская академия», в 1662-м — Лондонское королевское общество, в 1666-м — «Академия наук» во Франции.

Данные научные центры не были изолированы, между ними велась активная переписка.

«Кроме переписки и ученых диспутов на академических собраниях в конце XVII века возникает и приобретает всеобщее признание неизвестная ранее форма обмена информацией — научная периодика. С 1665 года начинает издаваться (сначала Ольденбургом, затем Робертом Гуком) научный периодический журнал Королевского общества «Philosophical Transactions». В том же году в Париже стал выходить «Журнал ученых» («Journal des Savants»). Несколько позже, в 1682 году, в Лейпциге появился первый номер журнала «Acta Eruditorum». С самого момента появления эти журналы стали местом великих научных баталий, в которых пробовали свое оружие такие крупнейшие умы, как Роберваль, Гук, Лейбниц, Лопиталь, братья Бернулли и т. д. Темы журнальных статей были самыми разнообразными: от чисто технических до специально математических и философских — под стать разносторонности интересов эпохи «просвещения» [11].

Умерев в 1626 году от простуды после переохлаждения при проведении эксперимента по охлаждению курицы (как бы иронично это ни звучало), Френсис Бэкон не застал образования всех вышеуказанных обществ и налаживания обмена информацией между ними.

Возвращаясь к христианской компоненте его мировоззрения, стоит указать, что проект Бэкона по «Великому восстановлению наук» предусматривал возврат человечества к Богу в состоянии до грехопадения.

Данный постулат о «духовном прогрессе», «просвещении» вполне соответствует и трудам розенкрейцеров, однако Бэкону была чужда их алхимия и каббала, хотя астрологию он еще признавал.

Бэкон был сторонником чистой науки и прекрасно понимал, что эксперименты алхимиков были от чистой науки далеки.

Окончился период Средневековья, под которым понимали временную пропасть от античного просвещения до нового просвещения гуманистов грядущей эпохи, и пришло время очистить науку от вышеуказанных примесей, чем и занялись просветители.

Одним из ранних носителей идей прогрессистов в XVI веке стал Жан Боден, в книге которого ведётся полемика с христианским учением о Божественном провидении. С одной стороны, для прогрессистов, как и для христиан, характерен линейный подход к истории (а не циклический, как у язычников), но прогрессисты, по словам Эрика Фёгелина, «имманентизировали христианский эсхатон» [22, с. 272], т. е. они жаждут Царства Божьего здесь, на земле, до Второго Пришествия Христова. Затем место ложного понимания Откровения в их учении замещается достижениями науки и техники.

Подобная, но не инициированная и даже прижизненно осужденная автором история произошла и с «Утопией» Томаса Мора, когда спустя несколько лет после публикации воинствующие протестантские группы приняли «Утопию» как модель для скорого достижения тысячелетнего царства добра на земле [15, с. 188].

Так же и труды Френсиса Бэкона, по замечанию Чарльза Уэбстера, с огромным страстным порывом были использованы пуританами в XVII веке [15, с. 188].

Вдохновленные идеей прогресса, они воспринимали работы Бэкона для утверждения своей доктрины миллениаризма, или, по-гречески, хиляизма (учения о тысячелетнем Царстве Божиим на земле). Для достижения такого рая пуритане считали самым важным упорное стремление к знанию, особенно к знанию научному. Возможно, этим объясняется, что сегодня США являются лидером по коммерциализации научных достижений путем их реализации на рынке. Кроме этого, и по сей день в США можно встретить немало христианских течений, которые при построении своего богословия используют научные или околонучные знания, в основном для опровержения синтетической теории эволюции либо для построения алармистского богословия вокруг темы, связанной с цифровизацией.

В любом случае, синтез науки, прогресса и христианства в современной реальности после Бэкона вопреки его мечтаниям становится больше исключением, чем правилом. Если на заре формирования современной науки верующий ученый, подобно Ньютону или Паскалю, встречался часто, то для современного научного сообщества это больше исключение из правил, при этом, если не обращать внимания на отдельные личности, в идеологическом плане это «выхолащивание» произошло уже намного раньше.

Как пишет Роберт Нисбет, скептицизм Бэкона стоял на строгом эксперименте для достижения истины.

Однако скептицизм Декарта еще более радикален, так как он оспаривал и неоспоримые эмпирические данные, отвергая все формы воспринимаемой внешней реальности во имя лелеемого им методологического скептицизма [15, с. 199].

Подобно летательному аппарату, стремящемуся в верхние слои атмосферы, необходимо избавляться от утяжелителей. Наука, начав устремляться к своему развитию, неизбежно должна была сбросить с себя религиозный компонент, однако грядущее развитие науки обрело качественно иной характер.

«Мост Средневековья» между античной наукой и культурой и новой наукой был пройден. Мир необратимо шел к «просвещению».

По мнению большинства исследователей, идеологом английского просвещения стал Джон Локк (1632–1704), его главное сочинение — «Опыт о человеческом разумении», где он говорит о неотчуждаемых правах: жизнь, свобода, собственность.

Следом идея «просвещения» по эстафете передается французским просветителям Монтескье (1689–1755), Вольтеру (1694–1778), Жан-Жаку Руссо (1712–1778), Д. Дидро (1712–1784). «Французские просветители идеализируют прошлое (республиканский строй античности), а его наиболее радикальная форма — руссоизм (проповедь атеизма) — подчинение личности общественным целям и отказ от различных форм государственности, воспитания человека будущего» [9, с. 163].

Хотя сама по себе идеология просвещения является гуманитарной, а не научно-прикладной, базируется она на идее прогресса.

Великой революции во Франции предшествовала не менее значимая Пуританская революция в Англии, которая была пропитана идеями прогресса, вызванного промышленным подъемом. Однако, если Пуританская революция была христианской и межконфессиональной, то Великая Французская революция носила ярко выраженный атеистический характер, о чем свидетельствует так называемый Культ разума, выразившийся в терроре по отношению к духовенству.

Как пишет Э. Фёгелин в главе «Гностицизм — природа современности», «столкновение между различными типами истины в Римской империи закончилось победой христианства. Роковым результатом этой победы стала дедивинизация (то есть обезбоживание; с лат. Divus — Бог. — Прим. ред.) мирской

сферы власти, и возникло предположение, что специфические современные проблемы представительства должны иметь отношение к редивинизации человека и общества» [22, с. 237].

Если у Иоахима Флорского важная роль отводится монашескому ордену, на воплощение которого претендовали францисканцы, у Френсиса Бэкона важная роль в прогрессе отводилась научному ордену. При этом деятельность ученого приравнивалась к священнослужению, и с течением времени верх над обществами сакральными берут общества как минимум настроенные антирелигиозно или антиконфессионально.

Эпоха Средневековья показала, что вера не спасает от чумы, Реформация показала порочность «церкви», а длительные межконфессиональные войны между христианами Европы, выразившиеся во фразеологизмах, подобных фразеологизму «Варфоломеевская ночь», показали бессмысленность борьбы за веру.

«За время с 1750 до 1900 года идея прогресса достигла своего зенита в западной мысли как в общественных, так и в научных кругах. Она стала даже не одной из важных идей Запада, а доминирующей идеей, даже если принять во внимание растущую значимость других идей, — таких как равенство, социальная справедливость и суверенитет народа, — каждая из которых, бесспорно, в то время сама по себе служила сигнальным огнем» [22, с. 270].

Прогресс становится контекстом появления всех последующих идей, становится «откровением» и «магией» Нового времени.

Философ Иммануил Кант определил прогресс как движение от варварства к цивилизации. Философ и политолог XVII века Маркиз де Кондорсе предсказал, что политический прогресс будет включать исчезновение рабства, рост грамотности, уменьшение неравенства полов, реформы тюрем и сокращение бедности.

Взяв идею Кондорсе о развитии человечества как прогрессе, главную роль в котором будет играть наука, Огюст Конт формирует основные постулаты позитивизма, из которого позже в США вырастает прагматизм.

В отличие от западного пути, Россия на протяжении почти всего XX века была площадкой для проведения эксперимента по реализации на ее территории идей марксистско-ленинской теории, которая также базировалась на идеях научно-технического прогресса. «Когда „кровавые

пятiletки“ сталинской индустриализации прошли, но перенасыщения благами производства не было видно и в СССР угас прежний революционный энтузиазм и вера в марксистскую идеологию ослабла, то её попытались подкрепить, прежде всего, наглядными достижениями в техническом развитии: первый спутник, полет в космос и т. д. Причём это сопровождалось хрущёвской активизацией атеистической пропаганды» [6, с. 238].

Провальный опыт десятков социалистических стран показал полную недееспособность научно-политической теории Маркса, которая разбилась о человеческий индивидуализм. Ведь, как указывал Адам Смит, главной движущей силой прогресса человечества «являлось естественное стремление каждого человека улучшить свое положение» [20, с. 156].

Лишенная иницированного сверху планового насильственного компонента капиталистическая модель показала более высокие результаты в развитии науки и техники.

Развитие это было сопряжено с большим ажиотажем. Так, «после прокладки трансатлантического кабеля пятнадцать тысяч жителей Нью-Йорка, лишь немногие из которых лично выиграли от этого, устроили парад, какого еще не видывал этот город. Одна из газет жаловалась, что кабель «называют событием, уступающим по своему значению для человечества только распятию Христа» [15, с. 207].

Эрик Дэвис указывает: «Эта аналогия была вполне уместна для Америки XIX века, в которой религиозный и технологический энтузиазм питали и усиливали друг друга. Это была эра страстного технологического утопизма, когда в свет выходили такие книги, как «Рай на Земле и богатство для всех людей без труда, посредством сил природы и машины». И достижения, подобные каналу Эри (система канала Эри соединяет озеро Эри с рекой Гудзон в Северной Америке. Длина более 540 км. — Прим. авт.), лишь поддерживали эти надежды. Но этот техноутопизм заимствовал свой пыл у аналогичного религиозного энтузиазма, который вверг молодую нацию в пламенный карнавал ревайализма, духовного экспериментаторства и прогрессивных коммун» [7, с. 137].

Протестантская Америка показала наиболее эффективную модель развития науки и техники, привлекая к себе капитал и ученых. И в этом успехе нетрудно найти протестантские следы.

Первая база развития американской экономики — это кредит, который позволяет потретьять сегодня

взамен будущей оплаты, и вторая база — это благословенное протестантизмом стремление к обогащению, в котором богатство является синонимом благодати, а нищета приравнивается к проклятию.

В целом и коммунистическая и капиталистическая модели как два полюса будущего развития человечества, обладают своими пороками, основа которых — тщетность попыток построения рая на земле, то есть обе теории и модели являются своего рода реализацией идеи ереси хилиазма.

Имея в своей базе ложное богопознание, или отрицание Бога, или замену собой Бога, в любом

случае прогресс находится в системе координат, точкой отсчета в которой является Бог.

В заключении своей книги Р. Нисбет пишет: «Каково будущее идеи прогресса на Западе? Любой ответ на этот вопрос требует вначале ответа на вопрос: каково будущее иудео-христианской традиции на Западе? Ведь если существует какое-либо общее и при том убедительное утверждение об истории идеи прогресса, то оно состоит в том, что на протяжении всей своей истории она была тесно связана с религией, зависела от религии или от интеллектуальных конструкций, не производных от нее».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Антология мировой философии: в 4-х т. — М.: Мысль, 1969. — Т. 1. — Ч. 1.
2. Бэкон Ф. Новая Атлантида // Утопический роман XVI-XVII веков. — М., 1971.
3. Бэкон Ф. Новый Органон. Опыт. — Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2021.
4. Бэкон Ф. О мудрости древних // Ф. Бэкон. Сочинения в 2-х т. — М.: Издательство социально-экономической литературы «Мысль», 1978. — Т. 2.
5. Всеобщая история изобретений и открытий / И. Анкасова [и др.]. — Москва: Эксмо, 2011.
6. Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. — М.: Издательский дом высшей школы экономики, 2014.
7. Дэвис Эрик. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / Эрик Дэвис; пер. с англ. С. Кормильцева [и др.]. — Екатеринбург: Ультра. Культура, 2007.
8. Иже во святых отца нашего Григория Паламы, архиепископа Фессалоникийского, антилатинские сочинения / пер. с греч. и примеч. архим. Нектария (Яшунского). — Краснодар: Текст, 2006.
9. Историческая портретная галерея. Выдающиеся личности. — М.: Изд-во АСТ; СПб.: Полигон, 2004.
10. Келли Джон. Черная смерть: история самой разрушительной чумы Средневековья / Джон Келли; перевод с английского Л. В. Калининой. — Москва: Эксмо, 2021.
11. Копейкин Кирилл, священник. Апологетика. Краткий конспект лекций // Сайт Московской духовной академии. — URL: <http://old.mpdia.ru/publ/text/60565.html>.
12. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. — Москва: Мысль, 1993.
13. Махнач В. А. Лекция по истории Византии // Радио Радонеж (запись эфира), 1999. Аудио МП3, моно. — URL: <https://pravtor.ru/viewtopic.php?t=9825&ysclid=1a99j8vqc>.
14. Мэн Джон. Иоганн Гутенберг: человек, изменивший ход истории / Джон Мэн; перевод с английского. — Москва: Эксмо, 2012.
15. Нисбет Роберт. Прогресс: история идеи / Роберт Нисбет; пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и Гр. Сапова. — Москва: ИРИСЭН, 2007.
16. Нисбет Роберт. Прогресс: История идеи. — Москва. Челябинск. Социум 2020.
17. Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — Москва: Церковно-науч. центр "Православная энцикл.", 2000. Т. 6.
18. Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — Москва Церковно-науч. центр "Православная энцикл.", 2000. Т. 30.
19. Симфония по творениям святителя Игнатия (Брянчанинова) / ред.-сост. Т. Н. Терещенко. — Москва: Дарь, 2008.
20. Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов / Адам Смит; перевод с английского. — Москва: Эксмо, 2009.
21. Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс. Апологетик к Скапуле / перевод с латинского, вступительная статья, комментарии и указатель А. Ю. Братухина. / Научное издание. — Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2005.
22. Фёгелин Э. Новая наука политики. — СПб.: Владимир даль, 2021.
23. Худолей С. С. История и теория сциентизма как философского феномена // Известия МГТУ «МАМИ». — № 3 (21). — 2014. — Т. 5.
24. Шафигулин Рашид. Юстинианова чума и Халифат. Пандемия, изменившая историю. — Москва: URSS: Ленанд, сор. 2021.
25. Шишков А. М. Иоахим Флорский // Большая российская энциклопедия. — Москва, 2008. Т. 11.
26. Herlihy D. The Black Death and the Transformation of the West. New York: Harward University Press, 1997. 117 p.

СКУПЛЯ

РАССКАЗ

Инна Николаевна Ямбулатова — окончила Краснодарский государственный институт культуры. Работала в администрации Краснодарского края, в ОАО «Новороссийский морской торговый порт». В настоящее время живёт в Москве, является пресс-секретарём Гиппократовского медицинского форума, помощником руководителя Московского отделения организации «Союз православных женщин».

Год был трудным и сырым. Весна наступила унылая, полная смутного не-настья, монотонных ночных дождей и тревожных криков позднего прилета птиц. Развозило дороги и пашню, хлюпало под ногами и плевалось жижей из-под колёс; тяжело облепленные грязью сапоги добавляли труда мокрым усталым ногам. Долго ждали тепла и прогретой сухости, но и лето не принесло жара: травы гнили и падали на корню; не выцвели яблони, и запаха сенокоса не было; светлячки не поднимались, отяжелев, тускло мигая в сырой траве; не лоснились коровы, дрожа жалеными боками; козы, мокрые и злые, не давались доиться, раздражаясь гнусом и комаром, которых щедро развелось в низинах и балках сырого леса. Влажный парной воздух, шедший от леса, богатого мхом и грибами, давил грудь и клонил в вялость и сон. Давно бы бросить топить избы, но делалось неприбранно и грустно, тускло и зябко. И обязанность таскать дрова в каникулы с пацанов не снялась. Домики курились нестойким тяжким дымом, из-за непогоды стелившимся понизу, забивавшимся вместе с комарьём в окна, добавляя туманам серых клубов и горклости.

Дед лежал третий день. Третий день охала бабка, подпирала сухотным кулачком щеку с мелкой сеткой добрых морщин — очень уж смешливая была Нина, лучики легли паутинкой осенней радости на добром спокойном лице. Но тут уж не до смеха было. Волновалась-рушилась из рук управа кухонных дел, скакали нервно горшки и плошки, сыпалась мимо крупа, и отсыревшая соль то и дело попадала мимо солонки, обмякли и повисли листики завязанной под подбородком белоснежной вышитой косынки — пришла забота и грусть, какой не ждали на исходе трудов жизни: Дед взялся умирать. Умирал он основательно, серьёзно, со знанием, организовано: пришёл, затопил баню, вымылся до розового скрипу и блеска седого венчика

волос, расчесал и подстриг бороду кружком, придирчиво разглядывая седые клоки в скол зеркала, поставленного на притолоку, велел выгладить новую льняную рубашу в ребристых жестких лежалых складках, достал «долблёнку» — гроб, соструганный им заранее, что хранил на горище, примерился, приделся, наготовил свечей ставить в ладони — не стеарин какой горклый, а чистый, сладкий воск, мягкий, не капельный, «чтоб тебе, значит, Нин, править не пришлось да с моих рук застывший воск не чистить, хватит забот и с хозяйством».

Два мешка, что стояли в притолоке сеней, приволок в хату. Вывалил на стол мятые червонцы, и фиолетки четвертные в сторону: «Блины на поминки на них жарить будешь, ясно я излагаю?» — «Дык нечто это больше не деньги, а Вась?» Василий сверкнул слезами в постаревших бесцветных глазах — пропала мечта, жизнь пропала...

Всё началось с того, что приехавший внезапно из города сын, заговорщически затворив ставни, шёпотом спросил отца: «Скока ты денег заготовил?» — и потом так же трагически сообщил, что «грядёт реформа и что надо ехать в сберкассу менять на новые».

Утром, разговевшись, собрались: Дед, вытолкав из избы порточников, долго перебирал сундуки, вскрывал матрасы и нагрузил купюр ровно два сенных мешка, пахнувших воском и сушеной мятой. Торопливо задал овса и накрыл от греха сенные стога, не доверяя ранней погожести: росы-то нету, значит дождь хлынет. И уехали. И долго ещё эхом неслось через тарактение: «...пивы ...олямморить», — что было понято верно: «Крапивы кролям наморить — сырую не давать, значит».

Вернулся Дед из города как и не в себе. Редкие волосы стояли дыбом, нижняя челюсть дрожала и билась судорожно, глаза

вращались и слезились, он непрестанно смаргивал и смахивал тёмной рукой крупные слёзы. Кинул мешки небрежно, словно и не сжимал их трепетно ещё четыре часа назад, укладывая в мотоциклетную люльку, сильно утягивая брезентом, пахнущим бензином и табаком.

Шатаясь, пудовыми ногами тяжело пошёл дальше, в хату, под образа и рамочки черно-белых карточек под мутным стеклом, обсиженным мухами. Лёг на лавку ничком, потемневшим серым лицом вниз, и пролежал два часа безо всякого движения и разговору. Бабка и так и этак вела на общение, очень уж испугалась она «за Васечку своего».

Но всё напрасно: и крепкий дух наваристого борща, и стопка пшеничной самогонки, и свежие упругие стебли луковых стрел, накрывших перченое сало с мясным перелогом, не имели привычного действия. Вася лежал как кончился, остановилось всякое движение в его сухом крепком теле.

От сына Нина знала, что реформа была грабительской и опять обошла рабочего человека со всех сторон, обобрав. Дед, не признававший книжек, банков и всяких мест, куда деньги носил советский человек, хранил всё, что копил, в лучшем виде: дома, под присмотром старенького ружьишка и Бобика, и сменилось уж четыре Бобика, а дед всё копил нещадно, сводя семью к самому дну существования. Штаны сыновья его таскали до таких сносей, что и нитки сгнивали и протирались до видимости исподнего. И даже тогда Дед требовательно и придирчиво осматривал и, вздыхая на грядущие растраты, решался скрепя пустить «износ» на хозяйские нужды, бормоча и сетуя: «Хорошие ещё портки: ну чуть потерлись», — говорил он: — «А чё? али кто не видал ваших ляшек?»

Работал сам до девятого поту, качающей усталости: вся станица ночевала и прекращала всякое хождение, а у Деда всё горела утлая «летучая мышь» с прикрученным до мизги керосином — точал «сапогы» по заказу или что по коже трудился для базару, шил мешки из шабашенной дерюги или корзины плёл из лозины, принесенной с того берега Пшехи, заросшего гибкой ольхой и горькой лещевиной. Только-только первые хозяйки гремели ведрами, а Дед уже до петухов кур режет — готовит вывоз на сбыт. И так все привыкли к этому крепкому упертому прижимистому Деду, что смеяться и острить уже перестали. Но скупость его вошла в станичные присказки, так же, как гулянки Борьки и Катькина любовь. Детей и жену его было жалко станичникам, всё они в виде одном и том же — что на работе, что на прогулках, мальчишки в трепаных пиджачках с рукавами по локоть, морозами обветренные красные жаркие руки торчали оттуда крупными мослами отцовской породы. Нинка хоть и глаза прятала, и за мужа стыдилась, но нраву была легкого,

певучего, смешливая и верткая, ко всяким забавам скорая. Взял Васька ее сиротой: не знаемо какого роду прижитая городской мещанкой да отданная на выкорм одной бабе. А тут и смута поднялась, мещанка вроде как в Новороссийск подалась, а там и дальше куда с пароходами. Девка осталась сиротой и ходила по хатам у станичников в работницах за хлеб и ночёвку. Красотой не брала, но терпения в ней на трёх сыновей набралось и Ваське на любовь хватило. Говорили бабы, что из глубокой благодарности она терпела его невыносимую скупость и прижимистость. Может, и так, а может, и из других душевных устройств вышло между ними спокойное слобчивое счастье. Одно вышло большое страшное меж ними в рождении третьего сына.

Затрудилась до позднего срока, почти до родов, на сносях пришлось ложиться рожать в самые что ни на есть лопухи, и роды шли страшные, с множеством крови, обильно смачивавшей землю. Перепуганный Василий бежал, сбиваясь на камнях, шатался, падал, паралично тряс руками, кричал надрывно и страшно. Яшка-заика, местный коневод, смекнув, быстро спутал самую резвую и мягкую кобылу, мужики тащили телегу.

«Где? Где?» — почти не заикаясь кричал Яшка.

Васька, не попадая зуб на зуб, только и мог: «Там, у ясеня, в лопухах».

Плохо помнилось ему, как укладывали жену, только всё стояло алое живое пятно, растекавшееся по тряпицам, и как пошел он частить Богородичную, всё по кругу, по кругу, единственную, что помнил — мать её твердила. Плакал Васька, как дитя, всхлипывая, сопливясь, давился слезами до икоты. Загнали они кобылу за три километра до больницы, Яшка как ни тянул каурую — не поднималась она, белыми хлопьями плевалась, фыркала, дико ржала, но встать уже не могла, вращая яркими белками, хрипела и плакала с Васькой. Но Васька плачет, а молитву не бросает: как вошла она в мозг его, так и шла как по прямой. Руками обнимая исходившую алым жену, весь перемазанный кровью, не мог он отпустить ее. И тут всё как начисто схлынуло. Трезво и ясно он сказал, словно кто ещё был тут, повернул голову, громко: «Выживет — выстрою».

«Что и кому он это сказал? — думал Яшка. — Плох мужик, подвинулся разумом от горя».

И тут шум мотора, вой, и «скорая» навстречу — пыль крики носилки — быстрее ветра унесся маленький старый пазик. Он летел, подсакивая, словно колесами и не катился, а отталкивался от накатанной июньской дымной галечной дороги; камни летели, как пули, рикошетом разносились по обочине, пугая птиц и стрекоз. Как потом узнал Васька, пока они кругом на телеге через брод, мужики снарядили на конях мальцов

через реку напрямки, те «помощь» и снарядили навстречу — старый Архип понимал, что кобыла не вынесет под кнутом без продыху. Вот такая вышла тогда памятная для всех история.

Нина вернулась худая, но живая и с Ленькой, младшим их. А на том месте, где Нинка в лопухах кровью исходила, внезапно вышел родник, да так мощно забил, что дорогу смывать стал; как ни отводили его и в трубу ни загоняли, ни бетонировали, норы его таковы, что всё разбивал и стремился к реке по свободе. Плюнули мужики и разрешили ему литься как хочется и русло его больше не тревожили. Да и удобств от него наметилось: вода оказалась на редкость чистая, сладкая, мягкости приятной, и прохлада от родника — летом путникам роздых перед крутым подъемом на верхнюю станицу...

Забывалась история та, переговаривалась. А Васька с тех пор как скаженный, экономливый и прижимистым стал до занудливости и насмешек станичников. Но никто и не думал, что за сорок лет накопил он два полных мешка денег.

И вот всё, что он собирал, копил, отказывая себе во всем, не зная новой рубашки по десять лет, изнашиваясь до дыр, терпя насмешки острословов и впроголодь существуя, потеряно одним днем — съела реформа нажитое, обобрала, обессмыслила. Станичники шутили и обсуждали: «Ну, Васька, жмот, богач какой выискался, ото оно как, вишь, миллионщиком решил стать, нас укорить, а оно по справедливости вышло — все у нас равны выходят».

Лежал Дед ровно четыре дня и на пятый умер, как и решил...

Нина прожила с того ровно год. И не вспомнил бы никто прижимистого Ваську, если бы не события, возобновившие память о семье Усаниных и их двух мешках денег.

Как-то возле родника появились рабочие люди и стали рыть землю, выставлять опалубку и завозить раствор. И руководил работами этими сын Леньки, внук Василия Авксентьевича Усанина. Собралась местная общественность. В немом молчании наблюдали, как разворачивается нечто невиданное и неясное: убрались мусор, и даже многолетние окурки, затоптанные в каменистую шкреблую землю, были выбраны и вывезены. Дно ручья выкладывалось прекрасным гладким гранитом. Местные турки, прибывшие в станицу, убегая от пуль Ферганы, старательно и аккуратно копали котлован — вроде как бассейн какой. Деятельная и любопытная натура не стерпела отстранения от работы, и станичники стали подтягиваться на совместный труд по вечерам, после упрывы в хозяйствах. Дело пошло

споро и обстоятельно, тем более что уже знали: внук Усанина строит часовню и купель. Вовка, дружок нашего каникулярного детства, имел такую широколобую голову, что в детстве без обиды звали его бычком. Был он вылитый Дед, и даже в прижимистых повадках видна была порода. Станичники за глаза так и говорили: «Вишь ты, не токмо лоб, но жадность по следствию переходит...»

Мы разговорились с Вовкой в один из наших приездов на родник: за ледяной водой мы ездили из хутора, очень уж сладкая вода в Ширванском роднике.

— Вов, с чего это ты решил такую дорогую работу для станицы сделать, ты же всегда самым экономным и разумным был?

Вовка долго молчал, стучал сигареткой о тыл ладони, мял в пальцах, пока не порвал тонкую бумагу, просыпав табак, достал вторую, смотрел на меня пристально васильковыми глазами и, видимо приняв решение, заговорил:

— Ты помнишь, как дразнили моего деда — скуплей, считая его жадным скрягой, который мучил семью экономией и трудом... Было, и я его стеснялся, тем более мой отец всегда ругался и осуждал Деда, так и говорил: «Профукал дед от своей жадности всё», — и всегда рассуждал, что мы могли бы на эти деньги: и дом справить, и машин закупить. Мой отец хотел «шеху» — шестерку цвета кофе с молоком, — сокрушался, что Дед сжилил от нас, вот и помер от этого... Но только я запомнил один разговор их. Я под скатертью длинной сидел. Отец мой просил Деда не дурить — вставать, а Дед плакал и говорил, что жизнь его отныне кончена и бессмысленна, и сказал, что он, Ленька, мой отец, жив остался, как и мать его, от обещания Богородице, что он дал, когда жена его, рожая, истекала кровью на этом самом месте. — Вовка махнул рукой на родник. — И вот дед средства на часовню копил, и было все потеряно одним днем, и обещание свое он не выполнил, и теперь нет ему смысла — не успеть ему сызнова заработки сложить на часовню. Отец тогда плюнул и сказал, что это только дурь и суеверие. Дед заплакал и через пять дней умер. Я тот разговор не понял, да и забыл до времени. Вспомнился он мне, когда я фермерство свое оформлял и что-то меня потянуло в Церковь сходить, сам даже не знаю зачем. Но только зайдя, стал перед Целительницей, и тут весь этот разговор вспомнился, и пыльные половицы, и льняные квадратички скатерти, и оханье бабки, и Мурзик наш, что хвостом мне по лицу водил. Всё вспомнил... и понял, что должно мне делать...

Он помолчал и ломом с силой стукнул в галечное дно русла. Брызнули камешки в стороны, освобождая роднику дорогу.

Главный редактор
Епископ Сочинский
и Туапсинский ГЕРМАН

Выпускающий редактор
Марина Шахбазян

Редакционный совет
Протоиерей Дионисий Марчук
Иерей Дмитрий Просяник
Иерей Владимир Саркисянц
Диакон Геннадий Тихоненко
Евгения Озга
Киприан Шахбазян

Дизайнер
Андроник Шахбазян

Адрес издателя
354000, Краснодарский край, г. Сочи,
ул. Москвина, д. 12,
тел.: +7 862 262-53-43,
orthodoxysochi@yandex.ru

Адрес редакции
354000, Краснодарский край, г. Сочи,
ул. Москвина, д. 12

Цена свободная

Журнал отпечатан
ООО «Мультипринт»
344065, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону,
ул. Орская, д. 12в, литер Я, комната 1,
тел.: +7 863 308-24-12.

Подписано в печать 05.12.2022, по графику в 15.00, фактически в 15.00.
Тираж 500 экз. Заказ №

12+